

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Slověne

International Journal of Slavic Studies

Vol. 2

№ 2

Москва 2013

ISSN 2304-0785 (print)
ISSN 2305-6754 (online)

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>

Included in / Журнал включён в:

*Russian Science Citation Index /
Российский индекс научного цитирования*
(<http://elibrary.ru/>)

Linguistic Bibliography Online
(<http://bibliographies.brillonline.com/>)

E-mails: editorial@slovene.ru
slavs.journal@gmail.com

The editorial board

Editor-in-chief: Fjodor B. Uspenskij

Iskra Hristova-Shomova, Angel Nikolov, Maria Yovcheva (*Bulgaria*); Milan Mihaljević, Mate Kapović (*Croatia*); Václav Čermák (*Czech Republic*); Roland Marti, Björn Wiemer (*Germany*); András Zoltán (*Hungary*); Marcello Garzaniti (*Italy*); Jos Schaeken (*Netherlands*); Peter M. Arkadiev, Ekaterina I. Kislova, Alexander I. Grishchenko, Roman N. Krivko, Sergey L. Nikolaev, Maxim M. Makartsev, Philip R. Minlos, Alexander M. Moldovan, Tatjana V. Rozhdestvenskaja, Anatolij A. Turilov, Boris A. Uspenskij, Fr. Michael Zheltov, Victor M. Zhivov (†) (*Russia*); Jasmina Grković-Major, Tatjana Subotin-Golubović (*Serbia*); Robert Romanchuk, Alan Timberlake, William Veder, Alexander Zholkovskiy (*USA*)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Ф.Б. Успенский

Мария Йовчева, Ангел Николов, Искра Христова-Шомова (*Болгария*); Андраш Золтан (*Венгрия*); Бьёрн Вимер, Роланд Марти (*Германия*); Марчелло Гардзанини (*Италия*); Йос Схакен (*Нидерланды*); П.М. Аркадьев, А.И. Грищенко, о. М. Желтов, В.М. Живов (†), Е.И. Кислова, Р.Н. Кривко, М.М. Макарец, Ф.Р. Минлос, А.М. Молдован, С.Л. Николаев, Т.В. Рождественская, А.А. Турилов, Б.А. Успенский (*Россия*); Ясмينا Грекович-Мейджор, Татьяна Суботин-Голубович (*Сербия*); Александр Жолковский, Роберт Романчук, Алан Тимберлейк, Уильям Федер (*США*); Милан Михалевич, Мате Капович (*Хорватия*); Вацлав Чермак (*Чехия*)

Редакторы выпуска: А.И. Грищенко, Е.И. Кислова, Р.Н. Кривко

Технический редактор: Т.О. Майская

Литературный редактор, корректор (русский язык): Е.И. Державина

Literary editor, proofreader (English): Claudia Jensen

Верстка: М.Н. Толстая

Slovène = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 2. № 2. — М.: Институт славяноведения РАН, 2013. — 200 с.

Contents/Содержание

Articles/Статьи

- 5 Joshua S. Walker (Cambridge, Mass.). *Neither Burgher nor Barin: An Imagological and Intercultural Reading of Andrey Stoltz in Ivan Goncharov's Oblomov (1859)*
Джосуа С. Уокер (Кембридж, Массачусетс). *Ни бюргер, ни барин: Имагологическая интерпретация Андрея Штольца в романе И. А. Гончарова "Обломов" (1859)*
- 31 Catherine Mary MacRobert (Oxford). *The Novgorod Antiphonal Psalters: Their Orthographical Peculiarities and Textological Significance*
Кэтрин Мэри МакРоберт (Оксфорд). *Новгородские антифонные псалтыри: орфографические особенности и текстологическое значение*
- 52 Савва М. Михеев (Москва). *Два кратких глаголических граффити в монастыре св. Наума под Охридом и в Св. Софии в Стамбуле*
Savva M. Mikheev (Moscow). *Two Short Glagolitic Graffiti in St. Naum's Monastery near Ohrid and in Hagia Sophia in Istanbul*
- 64 Basil Lourié (St. Petersburg). *The Syriac Aḥīqar, Its Slavonic Version, and the Relics of the Three Youths in Babylon*
Вадим М. Лурье (С.-Петербург). *Сирийский "Ахикар", его славянская версия и мощи трёх Отроков Вавилонских*
- 118 Ivana Eterović, Jozo Vela (Zagreb). *Iz sintakse Kožičićeva Misala hruackoga*
Ивана Этерович, Йозо Вела (Загреб). *О синтаксисе Миссала хруацкого Ш. Кожичича / On the Syntax of Kožičić's Misal hruacki*

Notes/Заметки

- 143 Игорь Г. Добродомов (Москва). *Этимологические заметки о русском семинарском жаргоне:*
I. Взьефантулить
II. Сморозить
III. Аксиос(ы)
Igor G. Dobrodomov (Moscow). *Some Etymological Notes on the Russian Seminarian Slang: Vz'efantulit', Smorozit', Aksios(y)*
- 172 Simon Skilevic (Freiburg im Breisgau). *SlaVaComp: Konvertierungstool*
Семён С. Шкилевич (Фрайбург-в-Брайсгау). *Программа конвертации шрифтов "SlaVaComp" / SlaVaComp Fonts Converter*

Publications/Публикации

- 184 Елена В. Белякова (Москва). *Сказание об именах из Кормчей Кирилло-Белозерской редакции*
Elena V. Belyakova (Moscow). *The Treatise on Names from the Nomocanon (Kormchaia) of the Kirillo-Belozersk Redaction*

Neither *Burgher*
nor *Barin*: An
Imagological and
Intercultural Reading
of Andrey Stoltz in
Ivan Goncharov's
Oblomov (1859)*

Ни бюргер, ни барин:
Имагологическая
интерпретация
Андрея Штольца
в романе
И. А. Гончарова
“Обломов” (1859)

Joshua S. Walker

Buckingham Browne & Nichols School
Cambridge, Mass.

Джошуа С. Уокер

Школа Букингем Браун и Николс
Кембридж, Массачусетс

Abstract

This article presents a reevaluation of Andrey Stolz as more than either a “weak point” in the novel or a “plot device” and “simple foil” to Oblomov (as D. Senese represents Dobrolyubov's position). I investigate the problematic nature of “Germaness” in the novel according to the Imagological methodology, and this allows me to explore how Andrey's intercultural identity is mediated through a myriad of different perspectives in the novel. Andrey accesses two politically-loaded symbolic sets of the German character in mid-nineteenth-century Russian literature: as an outsider, an Other, who is a negatively-valued opposite by which the positive Russian Self can be defined; and as an aspect of the internalized German in Russian culture, where the Other functions as a symbol of the westerniz-

* I would like to thank my former doctoral advisor, Sarah Smyth (Dublin), for providing invaluable insights into Andrey Stolz and also the general topic of literary stereotypes. I am also indebted to my doctoral readers, Justin Doherty (Dublin) and Joe Andrew (Keele), and to my anonymous reviewers at Slověne for their valuable critiques and the additional sources they suggested for the final draft of this article.

ing process within Russian society. Andrey's unstable Germanness thus exposes the paradox of expressing the Russian Self in the 19th century, where the Russian is constructed in contrast to—yet also in terms of—the imagined Western Other. I therefore challenge the prevailing assumption that Andrey is meant only to be the “antidote” to Oblomov, and suggest that his character elucidates the instability of the Russian Self Image.

Keywords

Oblomov, Goncharov, Dobrolyubov, Imagology, literary stereotypes, Germans in Russian literature, 19th-century Russian Literature, the literary construction of the Self and the Other, the image of Andrey Stolz, identity construction

Резюме

В настоящей статье идёт речь о “немецкости” Андрея Штольца и о том, как она связана с образом немцев в русской литературе XIX века. Штолец не является ни “противоядием” для Обломова, ни “просто противоположностью” ему, а выражает кризис личности, характерный для образа “русского” и “русскости” в XIX веке. Автор использует имагологическую методику, чтобы исследовать оба аспекта стереотипа немца в русской литературе XIX века: это и диаметрально противоположность образу “русского”, конструирующая положительные черты последнего, и часть собственно “русского”, демонстрирующая присущую русской личности той эпохи нестабильность.

Ключевые слова

Обломов, Гончаров, Добролюбов, имагология, литературные стереотипы, немцы в русской литературе, русская литература XIX века, литературное конструирование образа “своего” и “чужого”, образ Андрея Штольца, конструирование идентичности

Introduction and Methodology

Ivan Goncharov's Andrey Stolz, from the novel *Obломov* (1859), is the product of two worlds: his German father's, a domain of strictness and burgher values, and his Russian mother's, one of tenderness and gentry [*барин*] bearings. He is a character who travels west on business, yet who believes that work will ultimately benefit his homeland, Russia [180].¹ Andrey is difficult to define on the spectrum of foreignness in relation to his upbringing [Холкин 2003: 40], his activities, and even his name. To his detractors, such as Tarant'ev and Mukhoyarov, he is a German, “Stolz.” To his family and friends, such as Oblomov, Zakhar, and his own mother, his name is resoundingly Russian, “Andrey,” “Andrey Ivanych” or “Andryusha,” respectively. It is curious, then, that the majority opinion in scholarship holds that “Andryusha” is a symbol of the West, while Oblomov—who was raised with a pseudo-German educa-

¹ Textual citations to *Obломov* refer to the authoritative version from the 1998 RAN collected works, vol. 4 [ГОНЧАРОВ 1998, IV].

tion, who wears a Germanic (yet “Eastern”) *shlafrok/шлафрок* gown, and who lives in the Westernized imperial capital Petersburg [РЕАСЕ 1991: 13]—is a symbol of the East. Frank summarizes the received formulation as follows: “Some critics have interpreted it as a reference to an ‘Asiatic’ tendency in the Russian character; and Oblomov’s efficient and successful friend Stoltz, whose father is German, certainly forms a ‘Western’ contrast to Oblomov’s indolence and practical helplessness” [FRANK 2007]. This is not to say that Oblomov is unique among nineteenth-century Russian literary characters for his display of Western symbols and Westernization. Rather, he and Andrey bear contradictory and paradoxical symbolic currency that was inherent to the cultural milieu. Instead of emerging as diametric opposites, as Ehre has argued [ЕХРЕ 1973: 196], a close reading of the stereotypes in the novel demonstrates that both characters exist on a continuum between images of Russianness and Germanness. Once Andrey has been removed from his usual role of a cultural stereotype and/or foil to Oblomov and from the configuration of “Stolzism/Штольцевщина,” which was imbued with negative valuation by the critics of the 1860s immediately following the publication of the novel [НЕДЗВЕЦКИЙ 1992: 43–44], the symbolic currency can be evaluated on its own terms.

To address the role of the images of the Other and how they apply to Andrey, I utilize the Imagological methodology, a relatively new school of criticism that took shape in France in the 1950s and gained a scholarly following in the following decades in Germany [LEERSSEN 2007: 17–32]. This is a productive lens to analyse Andrey’s simultaneously Domestic/Foreign character because Imagology investigates how the construction of the Other affects and constructs the Self. There are two particular Imagological assumptions that underpin this assertion. First, identity only comes into being when it is conceptualized and verbalized: the Self is an articulation, and not a stable idealized abstraction, meaning there only exists that which emerges through discourse, deployed to meet the changing demands of the situation. Therefore, it is necessary to identify the context surrounding the German stereotype and how it includes, excludes, or ignores Andrey. Secondly, because the Self emerges in contrast to the Other, the image of the Other represents a constitutive aspect of the Self. Representations of the Other in literary discourse do not exist in a separate universe from the articulations of the Self—the “You” is constructed and imagined precisely to give shape and meaning to the image of the “I.” Because of this, the two terms “Russian” and “German” function in a symbiotic symbolic relationship in Russian literary discourse.

Andrey’s character accesses—yet never fully commits to—two politically-loaded symbolic sets of the German character in mid-nineteenth-century Russian literature: as an outsider, an Other, and as a negatively-valued opposite by which the positive Russian Self can be defined; and as an aspect of the inter-

nalized German in Russian culture, where the Other functions as a symbol of the westernizing process within Russian society. I argue that the paradoxical synthesis at play in Andrey's character goes well beyond the limited role it has been ascribed in scholarship, such as a "prototype" for the future who is "too schematic" [DIMENT 1998: 30], as a "plot device and foil" [SENESE 2003: 88], as a "theoretical abstraction" [MCLEAN 1998: 50], and as a "topos" of the "German element" in Russia [MUZA 200: 186]—though caution against interpretations limited to diametric opposition between the two characters has been advised [SETCHKAREV 1967: 1799–1805; ЕНРЕ 1973: 197; РЕАСЕ 1991: 13]. I therefore challenge the classically received assumption first pronounced by Dobrolyubov that Andrey is meant only to be the "antidote" [*противоядие*] [ДОБРОЛЮБОВ 1948: 71] or "antipode" [SHISHKIN 2008: 547–549; ГОНЧАРОВ 2004, VI: 186–187, 386]² to Oblomov, as well as the discursive current established by Goncharov's contemporaries who, according to Krasnoshchekova, "made absolute the social aspect of the character and ignored all the rest" [*Они абсолютизировали социальный аспект образа и игнорировали все другое*] [КРАСНОЩЕКОВА 1997: 275]. I assert that his character expresses the conflicted interplay of cultural stereotypes in mid-nineteenth-century Russian discourse. In this sense, I agree with the Nedzvetskii, who argues that Andrey is an "interestingly and deeply thought-out figure" [*интересно и глубоко задуманная фигура*] [НЕДЗВЕТСКИЙ 1992: 38].³ While critics such as Kholkin and Setchkarev have illuminated the complexity of Andrey's character and the depth of his role in the success of the novel as a whole, I utilize the Imagological methodology to demonstrate how this complexity emerges in relation to the character's paradoxical Germanness.

The German and Russian as Diametric Opposites

I begin with an analysis of the Hetero Image of the German as Other to determine how it constructs the Russian Self Image and how this applies to Andrey. In this school, the term "Hetero Image" is used for a stereotype from Group A regarding Group B (here: the Russians regarding the Germans). It is also possible to speak of a "Self Image," the stereotype from Group A about Group A (here: the Russians about themselves) [LEERSSEN 2007: 342–344]. The German emerges in terms of mutual exclusivity to the Russian from four perspectives in the novel, and in this essay I provide a close reading of three of them (while the fourth perspective emerges from Mukhoyarov, whose limited contribution is not discussed in detail here): Oblomov's manservant Zakhar regarding their German neighbors; Andrey's mother regarding her husband

² See also [КРАСНОЩЕКОВА 1997: 328].

³ See also Kholkin, who views Andrey as indicative of the "fearlessly natural/genuine" [*бесстрашно естественны*] characters in the novel [ХОЛКИН 2003: 38].

and the general category of “burghers”; and Tarantjev regarding Andrey and Andrey’s father. I organize the traits that compose the German stereotype in the following chart, which demonstrates how the negative stereotype can be a constructive element in the positive Russian Self Image—or, as Leerssen contextualizes the work of Ricoeur and Levinas, “one becomes I by way of encountering You” [LEERSSEN 2007: 339]. To facilitate internal referencing in the following sections, I use the letters from the left-hand column of Figure 1.

	Russian Self Image	German Hetero Image
	<i>Positive Traits</i>	<i>Negative Traits</i>
A	Open	Hemmed-in (M)
B	Free	Uncontrolled (T)
C	Spontaneous	Predictable (M)
D	Full of Life	Dull (M)
E	Honest	Deceitful (T)
F	Future-Oriented	Past-Oriented (M)
G	Simple	Condescending (T)
H	Noble	Crude, Everyday (M)
I	Dirty	Exceedingly Clean (Z)
J	Spiritual	Demonic, Heathen (T) (M)
K	Disorderly	Obsessively Orderly (M) (Z)
L	Spiritual	Material (T) (M)
M	Mysterious	Knowable (M) (Z)
N	Generous	Money-Grubbing (T) (M) (Z)

Figure 1: Mutual Opposition in Oblomov; Source Key:
(Z)=Zakhar, (M)=Mother, (T)=Tarantjev

Zakhar’s Cheap and Cruel German

Zakhar’s contributions to the list (**I, K, M, N**) emerge from one exchange in the novel: when Oblomov confronts him regarding the messy state of their apartment, Zakhar defends himself with a comparison to the negatively-valued cleanliness of their neighbor, a German piano tuner. Zakhar argues that he

could not possibly keep the flat as tidy as they do, because the Germans live in a spare and cheap manner, as opposed to the abundance of Oblomov's flat. While this hyperbole is both humorous and expedient to his defense, Zakhar's following assertion demonstrates how he deploys and reinforces the cultural stereotype:

And where are the Germans to get rubbish from? Just take a look at how they live! The entire family has just one bone to gnaw on for the whole week. And the coat gets passed from the father's back to the son, and then back to the father. And the wife and the daughters have these short little dresses... So where are they supposed to get rubbish from? [13]⁴

This passage accesses four aspects of the German Hetero Image: as clean (**I**), because their flat lacks sufficient items to create disorder; as orderly (**K**), because they can institute such a structured frugality; as money-grubbing (**M**), because they share a single bone for sustenance, even though the father's occupation allows them to live otherwise; and as knowable (**N**), because the extent of their material life is defined, whereas Oblomov's residence is characterized by its clutter and the innumerability of its objects (typified by the "множество красивых мелочей" [*multitude of beautiful knick-knacks*] in Oblomov's room) [7]. These depictions access the stereotype of Germanness as imminently knowable and comprehensible from its surface, a trait that has been identified by Dolinin as characteristic of how Russian writer constructed German space in the 1920s [DOLININ 2000: 230–236], while the Russian remains a mystery, full of latent and hidden potential—traits that have been identified as characteristic of Russian space by Ely (as "outer gloom" belying "inner glory") [ELY 2002: 134–164] and Widdis (where unlimited potential emerges through "unboundable space") [WIDDIS 1998: 30–49].

Zakhar depicts the neighbor to be a typical German, raising the specific situation to the general level with the exclamation "Where are the Germans to get rubbish from?" Zakhar attributes these characteristics to the neighbor and not to Andrey; because the latter is a close family friend and links to the patriarchal gentry authority structure, he is not subjected to the German stereotype. The manner of address reflects this relationship: Zakhar, like Stolz's future wife, Olga, refers to him by first name and patronymic, "Andrey Ivanych"—and Zakhar often adds the term for patriarchal respect, *batiushka*. An example of this is when Zakhar meets Andrey at the end of the novel after falling on hard times: "Oh, father [Ах, ах, батюшка] Andrey Ivanych!" [490–491]. Zakhar defers to Andrey as he would to other Russian gentlemen, he

⁴ "— А где немцы сору возьмут, — вдруг возразил Захар. — Вы поглядите-ко, как они живут! Вся семья целую неделю кость гложет. Сюртук с плеч отца переходит на сына, а с сына опять на отца. На жене и дочерях платьишки коротенькие <...> Где им сору взять?"

follows Russian social conventions and excludes Andrey from the category of the money-grubbing, cruel, orderly, and obsessively clean Other. Indeed, from Zakhar's perspective, Andrey is not even a half-German, because he bears no traits of the German piano tuner.

The Labyrinth of Burgher Life: Germans According to Andrey's Mother
 Andrey's Russian mother also refers to Andrey with a non-German version of his name: when the narrator adopts her perspective, he uses the diminutive form of Andrey, "Andriusha," such as how "His mother always worriedly watched when Andryusha disappeared from home" [*Мать всегда с беспокойством смотрела, как Андрюша исчезал из дома*] [152]. As with Zakhar, Andrey does not represent a typical German for her—though, in his youth, she worried that he would become a typical German burgher like his father. She feared this outcome because, for her, German nature is tied to money, materialism, arrogance, and boredom, and the principle that each German follows the same pattern as his father and his father's father, *ad infinitum* [154–155]. The repeatability of the German archetype was a frequent motif in literature of the nineteenth century. Herzen had deployed this image in the 1840s to characterize travel in the West, while Gogol applied this trope to the German Rhineland scenery in the 1830s. For Herzen, Western space emerges as an excruciatingly boring space where the poetry "vanishes" from travel and where you feel as through you were in a "machine":

Riding through France on post horses is boring. It's the way you're in a machine; there are no conversations, no arguments, no postmasters or their *samovars*, no books, and no travel documents. The postmen drive rapidly; they set everything up in an instant. And since the roads are like tablecloths, and there are horses everywhere, all the poetry has vanished [ГЕРЦЕН 1956: 246].⁵

For Gogol, the Rhine inculcated more annoyance than awe precisely because of its numerous attractive scenes: "I finally grew tired of all the incessant views. Your eyes get completely worn out, as in a panorama or a picture. Before the windows of your cabin there pass, one after another, towns, crags, hills, and old ruined knights' castles" [MAGUIRE 1994: 115]. Prefiguring Andrey's mother's inversion of the value of acquiring wealth, Gogol flips the valuation of the picturesque and non-picturesque—Russia's possible liabilities, such as its empty expanses, are repositioned as advantages compared to the boring repetition of the German space. As Widdis argues, the "unboundable expanse" [*необъятный простор*] acts as a "cypher for a more generalized

⁵ "Ездить во Францию на почтовых лошадях скучно: точно машина, ни разговоров, ни спора, ни станционных смотрителей, ни их самоваров, ни книг, ни подорожных. Почтальоны ездят скоро, закладывают в один миг, дорога — как скатерть, лошади везде есть, вся поэзия исчезла".

mystery of Russianness itself” and it “becomes a symbol for the impossibility of self-definition” [WIDDIS 1998: 48–49]. Epstein has also noted how Gogol transforms the depths of Russian space [*глубь российского пространства*] into a figure that represents Russia as a whole [ЭПШТЕЙН 1996].⁶ Andrey's mother, in her turn, prefigures the repetitive nature of German space that Alexander Dolinin has identified in the work of Bely, Shklovsky, Ehrenburg, and Antsiferov regarding 1920s Berlin [DOLININ 2000: 231]. The bounded and constricted nature of German space becomes necessary to establish Russian space as boundless and impossible to fully grasp by rational means.

In addition to these traits, Andrey's mother deploys other aspects of a restrictive, labyrinthine German space—including cruelty and restrictiveness—to characterize the German essence that she fears for her son:

[Andrey's mother] didn't entirely like this work-intensive, practical upbringing. She was afraid that her son would become the same kind of German burgher as his father's antecedents... (S)he did not like the crudeness, self-reliance, or arrogance with which the whole German mass showed off their burgher rights that they had fashioned over the last thousand years... She could not detect any softness, delicateness, or leniency in the German character. There wasn't anything... that could bypass a rule, break with a custom, or not comply with a statute [154].⁷

The section in which this passage emerges [ch. II, 152–156] accesses ten of the traits under discussion. I include examples from nineteenth-century creators of culture to demonstrate the broader discursive currency of the German stereotype that Andrey's mother employs.

A. As Hemmed-in: Andrey's mother refers to the German nation [*нация*] as a crowd [*толпа*] and as a mass [*масса*]. These terms access the German stereotype as hemmed-in and constricted—and as part of an imaginary, conflated “nation” of heterogeneous Germans. This aspect of the Hetero Image is dramatized in her imagination by the narrow life allowed to the German bur-

⁶ For Epstein, Russian space—as a figure—is connected to the demonic, and it engages in “mystic copulation” [*мистическое соитие*] with both Chichikov and with itself: “композиционно должно увенчаться мистическим соитием героя не с какой-то определенной женщиной, а с самой Россией. Отсюда мгновенная смена диспозиции, от биографического плана — в географический: стремительное движение героя в глубь российского пространства”; “Ландшафтно-космическая эротика <...> перерастает в автоэротизм, — отсюда и уместность формулы, предложенной Белинским: «гремящие, поющие дифирамбы блаженствующего в себе национального самосознания»” [Эпштейн 1996].

⁷ “Ей не совсем нравилось это трудовое, практическое воспитание. Она боялась, что сын ее делается таким же немецким бюргером, из каких вышел отец <...> (Н)е любила грубости, самостоятельности и кичливости, с какими немецкая масса предьявляет везде свои тысячелетием выработанные бюргерские права <...> Она в немецком характере не замечала никакой мягкости, деликатности, снисхождения, ничего того <...> с чем можно обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу”.

gher, as opposed to the assumed expansive and limitless potential of the Russian, a common image identified by Widdis and Ely [WIDDIS 1998: 40–41; ELY 2002: 94–96]. The traits of the German as hemmed-in and restrictive resonate with the depiction of von Biron’s labyrinthine house in Lazhechnikov’s 1835 *Ice Palace* [Ледяной дом] [ЛАЖЕЧКИКОВ 1858: 48–49], and they also prefigure the prison-like German house encountered by Gurov in Chekhov’s *Lady with a Lapdog* [Дама с собачкой], where Chekhov’s narrative draws particular attention to the imposing fence that surrounds the house of Gurov’s lover: “Gurov walked down Staro-Goncharnaya Street without rushing, searching for the house. Just outside the house stretched a long, grey spiked fence. ‘You’d run away from a fence like that,’ thought Gurov, alternately looking at the windows and the fence” [ЧЕХОВ 1977, X: 138].⁸

C. As Predictable: For Andrey’s mother, the German burgher has no choice in the path of his life, and he is incapable of breaking the rules, customs, and statutes of his “nation”. There is no leeway for deviation from their pre-determined trajectory, which progresses “as though along a ruler” [как по линейке] [158]. This aspect emphasizes the linear aspect of the labyrinthine life of the German, which represents a progression from one point to another along the surface of things, with no concern for the deeper aspects of life. The aspect of this image resonates with a German from Gogol’s story *Nevsky Prospect*, the *akkuratnyi*/аккуратный [thorough, orderly] Schiller, who plans his life to absurd lengths, such as in his vow not to kiss his wife more than twice a day. The narrator of Gogol’s story contrasts Schiller’s behavior with that of the typical Russian, and describes the character in terms of his national character: “Schiller was a perfect German in the full sense of the word. When he was only 20, that happy age when a Russian lives carelessly, Schiller had already measured out his entire life, and he never made an exception, no matter the circumstances” [ГОГОЛЬ 1938, III: 41].⁹ As with Andrey’s mother’s German burghers, Gogol’s Schiller does not allow for deviation from his planned course, and this is cast as a diametric opposite to the Russian Self Image. This image of the German as overly planned and the Russian as gloriously irrational participates in a discursive pattern that includes the Slavophiles’ descriptions of the Russian language, which Gasparov has characterized as a rejection of rationalist orderings of events [GASPAROV 2004: 133]. It also connects to Tyutchev’s poetic lines that cast Russia as incapable of being measured by any standardized metric, where “One cannot measure [Russia] in

⁸ “Гуров не спеша пошел на Старо-Гончарную, отыскал дом. Как раз против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями. От такого забора убежишь, — думал Гуров, поглядывая то на окна, то на забор”.

⁹ “Еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в которое русской живет на фуфу, уже Шиллер размерил всю свою жизнь и никакого, ни в каком случае, не делал исключения”.

terms of general arsheen”) [*Аршином общим не измерить*], because Russia is accessible through faith and emotion: “In Russia one can only believe”) [*В Россию можно только верить*] [Тютчев 2003: 165]. Tyutchev’s lines connect to a spiritual and metaphysical belief in Russia, but they also undermine an attempted rational measurement, because the reader is invited to imagine a country and people that *can* be measured in terms of a general standard and that *can* be comprehended by means of logic [*умом*]. The German image is *Oblomov* is thus connected to commonplace images of measurement, such as the ruler [*линейка*] and Schiller’s “measuring out” [*измерить*], while the Russian Self Image defies rational quantification.

D. As Dull: Without any allowance for deviation from the progress “along a ruler,” there is nothing to make life pleasant for the Germans; thus, they maintain a “boring correctness of life” [*скучная правильность жизни*] [155]. For Andrey’s mother, the dullness of German life is connected to the harshness of their upbringing, and she despises the practical education and the German work ethic that Andrey receives from his father. For her, these aspects of German life are characterized by the image of the Germans going through life “with their hands turning the millstone [*ворочающими жернова*]” [156].

F. As Past-Oriented: According to Andrey’s mother, the German future is chained to its past. This emerges in the invocation of the repetitious generations and the 1,000 year-old traditions. From this perspective, the Germans lack the potential and imagination found in the Russian character. This aspect of the German Hetero Image thus reinforces the spontaneity and the improvisational aspects of the Russian Self Image, because the German is cast as incapable of deviation. She imagines the ideal Russian gentleman [*барин*] to be typified by, “a clean face and a bright, lively gaze [*бойкий взгляд*],” whereas the German burghers are typified by their “everyday faces” [*будничные лица*] [155]. While Andrey’s mother fears that his education will turn her child into a dull and unimaginative burgher, Andrey would actually “speak with so much energy and liveliness that it would move her to laughter” [*рассказывать так бойко, так живо, что рассмешит и ее*] [153]. Andrey’s education instills him with the very characteristic (being lively/*бойкий*) that her mother cherishes in the Russian *barin*/gentry.¹⁰

H. As Crude and Everyday: Just as the stereotypical Germans display everyday features rather than liveliness, Andrey’s mother believes that the

¹⁰ The narrator echoes the trait of “liveliness” in his depiction of young Andrey’s “lively mind” (“Андрюша детскими зелененькими глазками своими смотрел вдруг в три или четыре разные сферы, бойким умом жадно и бессознательно наблюдал типы этой разнородной толпы, как пестрые явления маскарада”) [157], and also in the description of the “wide, lively footsteps” made by the imagined “Stolzes with Russian names” (“Но вот глаза очнулись от дремоты, послышались бойкие, широкие шаги, живые голоса...”) [164].

Germans cannot become gentlemen, nor can they possess the refinement of the Russian *barin*/gentry. Rather, for her the Germans have “big rough hands” [*большие грубые руки*], and they use “rude speech” [*грубая речь*] [155]. Through the repetition of the word “*grubyi/grubyy*” [rude/coarse], the lack of refinement and “softness” [*мягкость*] applies to the structures of German appearance, character, and spatiality. This provides a counterpoint to the immaculate softness described in Oblomov’s features, dress, mannerisms, his small hands, and even his “whole soul” [*вся душа*] [5]. Indeed, if one takes Oblomov’s robe as “an essential part of Oblomov’s attitude towards life” [PEACE 1991: 72], his corpulence becomes more salient as the robe degrades around his body during the course of the novel.

J. As Demonic: Andrey’s mother refers to her husband as an “old heathen” [*старый-то нехристь*] [160], which accesses her husband’s Protestantism as opposed to her own Orthodoxy. In Russian cultural history, the “heathen German” represents a foreign intrusion and threat to Orthodoxy, with roots in the Don Cossack revolt of 1705, when their leader, Kondraty Bulavin, called upon all Cossacks “to defend the house of God’s Holy Mother and the Christian Church against the heathen and Hellenic teachings which the boyars and Germans wish to introduce” [MASSIE 1986: 409]. The imagined threat to Orthodoxy and the Russian center by the heathen at the periphery translated to rumor’s that Peter the Great was the Antichrist, and that the solution to his defeat lay in burning the German Suburb [*немецкая слобода*] to the ground [MASSIE 1986: 406–407]. Andrey’s mother characterization of her husband thus loosely connects to the demonic aspect of the German Hetero Image in the history of representation, which appears in the German-Devil in Gogol’s *Night Before Christmas* [*Ночь перед рождеством*] [ГОГОЛЬ 1940, I: 202]; in the doctor Werner—nicknamed “Mephistopheles”—in Lermontov’s *Hero of Our Time* [*Герой нашего времени*] [LEATHERBARROW 2004: 999, 1006]; in the doctor Krestyan Ivanovich in Dostoevsky’s *The Double* [*Двойник*]; in depictions of the demonic metropolis in 1920s Berlin [DOLININ 2000: 232–4]; and in the devil Woland (according to Berlioz’s initial estimation) in Bulgakov’s *Master and Margarita* [БУЛГАКОВ 2004: 97–107].

K. As Obsessively Orderly: For Andrey’s mother, the German lifestyle does not allow for the slightest deviation from the pattern of burgher life; thus, their lives and characters are determined by “cheap and commonplace orderliness” [*пошлый порядок*] [155], a characteristic that Vladimir Nabokov ties to Germans in his critical work regarding Gogol [НАВОКОВ 1961: 64–66].

L. As Materialistic: Because the Germans base their lives upon burgher values without deviation, their only interest lies in accruing material wealth, rather than in developing the spiritual side of their existence. This aspect is also established by the “ruler” [*линейка*] metaphor, as the German burgher

only cares about quantifying the surface of things. This aspect prefigures the negative attitude towards the excessive rationality and methodical manner in the German accumulation of wealth that emerges in chapter four of Dostoevsky's *The Gambler* [*Игрок*], where the narrator asserts that he “shall not worship the German method of accumulation of riches [*немецкий способ накопления богатств*]” [ДОСТОЕВСКИЙ 1994: 528], a detail that Gerschenkron has identified as indicative of the novel's negative approach to the imagined German way of life [GERSCHENKRON 1975: 697]. The image of the German as materialist thus further reinforces the spiritual and mystical aspect of the Russian Self Image—as being anti-rational and anti-materialist, and guided by the intuitive rather than the systematic. Dostoevsky's characterization of the German method as a “German idol” [*немецкий идол*] [ДОСТОЕВСКИЙ 1994: 528] further establishes the Russian Self Image as properly spiritual and the German Hetero Image as blasphemous—and perilous to the Russian soul.

M. As Knowable: For Andrey's mother, German arrogance and crudeness are as plain as are “horns on cows”—they are prominently visible and cannot be hidden. The German thus lacks key aspects of the Russian Self Image: mystery, humility, and hidden potential. As with Zakhar's condemnation of the German neighbor, to observe the outside of the German is to understand the inside. This aspect is diametrically opposed to the indeterminate and expansive traits associated with Russian identity (as identified by [WIDDIS 1998] and [ELY 2002]), and even Oblomov. In the first passage of the novel—and thus the keynote description of the—Oblomov's facial expression and his mental state are depicted as indefinite. His eyes are cast as “dark-gray, but with the absence of any kind of definite ideas [*с отсутствием всякой определенной идеи*]” [5]. The ideas that do occur to him wander “across his face like a free bird” [*Мысль гуляла вольной птицей по лицу*] [IBID.]. While this may seem to be an incidental description, this image sets the tone for the remaining novel; this “absence of any kind of definite ideas” encompasses Oblomov's inactivity, his spiritual purity, his incompetence in practical affairs, and his unusual trajectory as the hero of a novel who does not end up with the heroine, but rather with his landlady.

N. As Money-Grubbing: The Germans' concern for money is so pervasive that the only goal of their lives is “the labor-intensive acquisition of money [*труженическое добывание денег*]” [155]. This emphasizes the material aspect of their character, because they only value what can be quantified, and they are willing to sacrifice comfort to increase their accumulation of wealth.

Andrey's mother fears that her son will turn into the apotheosis of the German stereotype (a role she ascribes to her husband), which is diametrically opposed to the positive Russian image. In this oppositional relationship, the negative traits associated with the Other construct a positive image of the

Self: the burgher denigrated to create the idealized *barin*/барин. Fortunately for Andrey's mother, her son "was raised on Russian soil" [*вырос на русской почве*] and not in the "everyday crowd, with the burgher cow horns" [156]. As with Zakhar's deployment of the stereotypical German, Andrey's mother does not apply the category of "German" to Andrey. Instead, the dimensions of the stereotype create a counterpoint of Germanness against which Andrey's character and behavior are contrasted through the course of the novel. While many critics have bristled at the supposition that Goncharov intended for Andrey the German (or half-German) to save Russia from Oblomovism [DIMENT 1998: 30], this passage elucidates how Russia saves Andrey from becoming a German.

Tarant'ev's Scheming and Conflated German

Oblomov's acquaintance Tarant'ev, however, casts Andrey as a typical condescending German in an effort to gain influence over Oblomov and his finances.¹¹ Tarant'ev exploits the negative stereotypical currency of the German image in a conversation where he attempts to turn Oblomov against Andrey, asserting that the German cannot be trusted for the following reasons: Andrey is uncontrollable, because he is "always knocking about foreign lands [*шатается по чужим землям*] and as he travels "everywhere" [*Пострел везде поспел!*] (**B**) [52]; Andrey is aligned with the demonic as a "немец проклятый" [accursed German] whose whole set of affairs is "нечисто" [unclean] [IBID.], which aligns with and compounds Andrey's mother's characterization of the father as a "heathen" (**J**); and Andrey is deceitful because he supposedly plans to "swindle" Oblomov [*немец твой облупит тебя*] (**E**) [51]. Tarant'ev's argument regarding Andrey's father elucidates his position, and it also clarifies how stereotypical German traits of materialism (**L**) and greed (**N**) construct a positive Russian Self Image:

A fine lad indeed! Suddenly from his father's forty rubles he's made capital of 300,000, and then he becomes a Court Councilor, and he's even educated — And now he's always traveling off somewhere! The little scamp really gets around! Are you telling me a genuine, good Russian person would ever do that? A Russian person would choose something and then go through with it, without rushing. He'd do it nice and easy, but he'd go off and get it done! [52]¹²

¹¹ See also Krasnoshchekova's treatment of the German as the opposite to the Russian according to Tarant'ev [КРАСНОЩЕКОВА 1997: 205].

¹² "Хорош мальчик! Вдруг из отцовских сорока сделал тысячу триста капиталу, и в службе за надворного перевалился, и ученый... теперь вон еще путешествует! Пострел везде поспел! Разве настоящий-то хороший русский человек станет все это делать? Русский человек выберет что-нибудь одно, да и то еще не спеша, потихоньку да полегоньку, кое-как, а то на-ко, поди!"

Tarantyeu argues that an Orthodox Christian Russian should be trusted and not a “cursed/damned” [*проклятый*] [50] and educated [*ученый*] [52] German. Tarantyeu’s argument, while mercenary and self-serving in its aims, does highlight the demonic aspect of Andrey’s character. Krasnoshchekova has indicated how critics such as Ashkarumov and Loshits have linked Andrey to Mephistopheles and even (in the case of Loshits) the Anti-Christ [КРАСНОЩЕКОВА 1997: 471 сн. 64].¹³ Further, Andrey’s development emerges as a product of ruptured and displaced spatial borders, wherein his “narrow little German alleyway was widened into such a wide road” [*обратят узенькую немецкую колею в такую широкую дорогу*] by Russian spatial and cultural forces [158]. Epstein has characterized the displacement of such boundaries as demonic in 19th-century Russian spatial discourse, established by Pushkin and Gogol [ЭПШТЕЙН 1996].

Tarantyeu hopes that his deployment of the Hetero and Self Images will create an insular In Group based on ethnic and religious lines that include himself and Oblomov while excluding Andrey. This strategy fails because, as with Zakhar, Oblomov does not view Andrey as an Other; rather, he is “closer than any relation,” because the two grew up and attended school together. Tarantyeu’s mercenary usage of the German stereotype proves to be hypocritical in two respects that demonstrate the paradox of defining the Russian as the diametric opposite of the German or “the West” in nineteenth-century Russian discourse. First, Tarantyeu does not differentiate among foreigners. The English, French, and Germans are all the same to him—crooks [*мошенники*] and bandits [*обманищики*] [50]. Tarantyeu, however, scolds Oblomov for not providing him with a foreign cigar, and he prefers French snuff and imported wine purchased from a German in an English shop to their domestic equivalent, which once again demonstrates a conflation of nationalities: “Is this this same stuff as before, from the German? You should let me get some from the English shop” [*Это прежняя-то, от немца? Нет, изволь в английском магазине купить*] [44]. This irony anticipates Turgenev’s mocking depiction of Slavophile Pavel Kirsanov who reads nothing in Russian while living in Dresden: “[Pavel Petrovich] holds Slavophile views: it is well known that this is *très distingué* in high society. He doesn’t read anything in Russian, but he does have a silver ashtray in the form of a peasant’s [*мужик*] bast sandal on his desk” [ТУРГЕНЕВ 1964: 228]. Both depictions lay bare the impossibility of the Westernized Russian nationalist maintaining non-Western habits. Secondly, while Tarantyeu warns Oblomov regarding Andrey, he himself desires to swindle Oblomov; Tarantyeu constantly asks for money, and he steals from Oblomov when he can (and yet it is Andrey who has been labeled as negatively materialistic! [SAZONOVA 1945: 65–69]). This demonstrates that Tarantyeu’s

¹³ See also [ОТРАДИН 1994: 156].

deployment of the German stereotype is ultimately mediated through hypocrisy, and that it represents what he picks and chooses based upon utility rather than a coherent worldview. He is the only character in the novel, though, who explicitly contrasts Andrey as a German with Oblomov as a Russian and who posits the two characters as diametric opposites.

Andrey and Oblomov: Russian Identity as Mediated through the West
 Mutual Exclusivity between the Russian and the German represents an aspect of four characters' perspectives, though Andrey is included in this category by only Tarantjev and Mukhoyarov—that latter of whom disparages Andrey to the former by asserting: “You never told me what kind of a German he was!” [*He сказал, что это за немец такой!*] [440]. It is therefore surprising to note that many scholars consider Andrey and Oblomov to be diametric opposites of each other. To be sure, there are many aspects where Andrey and Oblomov differ, particularly in their approaches to work and their relationships with Olga. Andrey has a keen grasp of financial systems, while Oblomov is mystified by monetary transactions. Andrey's financial vision also extends into the future, while Oblomov prays that the next day will be the same as the previous [GERSCHENKRON 1975: 699; BOROWEC 1994: 562]—though this oppositional structure does not align with the stereotypical currency of German as past-oriented and Russian as future-oriented, as deployed by Andrey's mother. There are also a number of similarities between the two: both are good-natured, friendly, and honest—and capable of loving Olga. Setchkarev adds that the two share the same pessimistic worldview, where they only differ in their reaction to a shared existential premise [СЕТЧКАРЕВ 1805]. Both characters are also capable of complete immobility: Oblomov through his sloth, and Andrey through the calm [*покойно*] manner in which he sits, where he uses “only those gestures that were necessary” [*употреблял столько мимики, сколько было нужно*] [161]. The two characters are also portrayed as similar in their childhood, because both enjoy running through Oblomovka—Andrey to the encouragement of his father, and Oblomov to the horror of his mother and nurses. The characters' respective childhoods also demonstrate how, despite the fact that the two ultimately reacted in different manners to their education [ОТРАДИН 1994: 78; ХОЛКИН 2003: 40; НЕДЗВЕЦКИЙ 1992: 38], Andrey's formation is principally mediated through Russian space, and his roots, Kholkin has argued, “were reinforced by the essence of Russian life, Russian speech, and Russian customs” [*корни... укрепленными в существе русской жизни, русской речи и русского обычая*] [Холкин 2003: 39].

Oblomov and Andrey also had similar plans in their youth to implement academic study for self-improvement: both committed to work hard, to live poetically, and to develop Russia's “inexhaustible resources” [*неистощимые*

источники] [180]. In the passage that describes this period, Oblomov and Andrey are compared in similar terms rather than as opposites, where “Stolz’s youthful ardor infected Oblomov” [*юношеский жар Штольца заразил Обломова*], and the latter longed for work and for “a distant yet fascinating goal” [*далекой, но обаятельной цели*] [62]. Even though this mental state would prove to be temporary for Oblomov, this does not diminish the fact that they shared a common vision of the future. Andrey alludes to this when he exhorts Oblomov “to work in order to rest more sweetly” [*работать, чтоб слаще отдыхать*], reminding Oblomov that it was the latter who wished to develop Russia’s resources [179–180]. And, though he produces no tangible results, Oblomov does spend his time planning reforms “along western lines” [PEACE 1991: 13]. Further, Krasnoshchekova has argued that, while Andrey and Oblomov differ in how they had been shaped by their education, they are similar in that their two characters “[unite] within themselves the mind and the heart” [*соединивший в себе “ум” с “сердцем”*] [КРАШОЩЕКОВА 1997: 275].¹⁴ It is also possible to conceive of Oblomov and Andrey as complementary rather than mutually-exclusive in terms of their narrative functions. Otradin argues that Andrey and Oblomov represent two different points of view from which the action of the novel is apprehended—the Stolz/analytical and the Oblomov/poetic—and that the two were necessary to “provide the fullness of the artistic representation” [*обеспечивает объемность изображения*] [ОТРАДИН 1994: 73, 114]. The two can be considered literary doubles, but this does not extend to diametric opposition, especially along Russian/German or Eastern/Western lines—indeed, in this passage it is Andrey who aligns himself with the Russian Self Image of inexhaustible space and resources. In this regard, Tarantyevo emerges as a more suitable diametric opposite to Oblomov—he is scheming, dishonest, active, and his mercenary materialism is in diametric opposition to Oblomov’s unconcerned passivity.

Many commentators ascribe oppositional roles to the characters by citing the “Persian” dressing gown as the proof of Oblomov’s Easternness and Andrey’s surname and father as proof of his Westernness [DIMENT 2001: 100]. This reading, however, disregards the German associations of the dressing gown [*shlafrok/шлафрок*], which is first introduced in the second paragraph of the novel as an extension of Oblomov’s body, where his “lack of concern passed from his face into the posture of his entire body, even into the folds of his *shlafrok*” [*С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока*] [5]. Instead of using the more common term “*khalat*,” the narrator here chooses the barbarism *shlafrok / шлафрок*, from the German “Schlafrock.” This word is rare enough for it to be listed in the 1984 *Словарь русского языка* [*Dictionary of the Russian Language*] as obsolete [МАС, 4,

¹⁴ For other parallels between Andrey and Oblomov, see [КРАШОЩЕКОВА 1997: 323].

722], and the term required an explanatory note in the 1959 *Библиотека школьника* [*Schoolchild's Library*] publication of the novel [ГОНЧАРОВ 1959: 3, note 2]. Two factors establish the ambiguity of the item's symbolic structure: the *shlafrok*/*шлафрок* is later recast as a “genuine Eastern *khalat*/*халат*” that bears “no mark of the West whatsoever” [*настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу*] [6], and Oblomov maintains that his robe is a *khalat* and not a *shlafrok* to Volkov [17], despite the narrator's usage of the term. On one hand, as a *khalat*, the dressing gown emerges as the opposite of the West; this dovetails with the mutual opposition that Andrey's mother identifies between the values of the burgher and *barin*, and it appears to align Oblomov with the East and to separate him ideologically from the negative German Hetero Image. On the other hand, as a *shlafrok*, it emerges as a style of behavior that is mediated through the German; Oblomov does not wear his dressing gown as a “genuine” Easterner, but rather as a Russian who participates in a Western display of exoticism. Peace has also noted that the *khalat*, made of “Persian” material, could itself be viewed as pseudo-Russian because it recalls Chaadayev's withering remark that the peasants mistook Slavophile Konstantin Aksakov's Russian outfit to be “Persian” [PEACE 1991: 13].

From this perspective, the *shlafrok* represents an imitated Western model— analogous to the passage in Lermontov's *A Hero of Our Time* where Pechorin depicts Rayevich's hairstyle in Franco-Russian terms, as a “*прическа* [haircut] à la moujik” as opposed to a “*прическа мужика*” [peasant / *muzhik* haircut] [ЛЕРМОНТОВ 1957: 265]. In the same passage, Pechorin invokes Crusoe in exotic peripheral space to forge a parallel to the imagined French gaze at the “*moujik*” in the colonial space of the Caucasus Mountains—just as Oblomov's *shlafrok* invites the German gaze upon the Russian Orient, a scenario that will be fulfilled upon Andrey's arrival. Both images—Pechorin's Francophone “*moujik*” haircut and Oblomov's non-Western *shlafrok*/*khalat*—emerge as symbols of the paradox of nineteenth-century Russian identity because they represent how the anti-Western (i.e., the *khalat* and the peasant style) is mediated through the Western perspective (i.e., as a *shlafrok* and as à la *moujik*). In cultural terms, the *shlafrok*/*khalat* demonstrates the paradox involved in attempting to articulate the Russian as the opposite of the German given the westernized perspective of the generators of Russian culture in the nineteenth century. As Otradin argues, “the appearance of the ‘German’ Stolz element [in the world of the novel] is a natural result of the internal development of Russian life” [Поэтому появление “германского”, штольцевского элемента — закономерный результат внутреннего развития русской жизни] [ОТРАДИН 1994: 85]. Indeed, the novel itself engages in this paradox, as an articulation of Russian identity and “Russian provincial stagnation” [ЕНРЕ 1973: 178] that is written in the Western medium of the nineteenth-century

novel—and that was even related to the implied author by Andrey Stolz. This aspect is revealed at the novel's conclusion, as Andrey and a writer strolling through town. When the writer demonstrates interest in Oblomov's life, Andrey decides to relate everything he can remember about his deceased friend: «I will tell you in one second, let me just collect my thoughts and memories. You write it down: maybe someone will find it useful». And he told him what is written here" [*И он рассказал ему, что здесь написано*] [493]. This revelation is unnecessary from the point of view of the plot: the reader does not require an explanation of the narrative structure, and there is no reason why an omniscient, third-person narrator is insufficient. While the author's claim may be explained as providing an air of authenticity to the text, it nonetheless establishes Andrey as the narrator of Oblomov's life.¹⁵

Not only does the *shlafrok/khalat* demonstrate how Russian identity is articulated simultaneously as anti-German and in terms of the German, it also reinforces the impossibility of dividing Andrey and Oblomov along the lines of diametric opposites. Thiergen further complicates the stability of ascribing a diametrically opposed relationship to two characters by arguing that Oblomov demonstrates aspects of the philistine [THIERGEN 2006: 362], a trait that has been ascribed to Andrey [SHISHKIN 2008: 549].

The Paradoxical Layers of Andrey Stolz

I have indicated how Andrey's paradoxical character—as both Insider and Outsider to Russian culture—emerge on the familial level: Andrey has a Russian mother, and he is “closer than any relative” to Oblomov. This familial level extends to the linguistic level: Oblomov refers to his close friend most often as “Andrey,” a Russian name that does not introduce the distance of Otherness between the characters, and which reflects their brotherly relationship. Indeed, Oblomov refers to him as “Brother Andrey” twice in the novel in II:3. Overall, Oblomov refers to or addresses his friend 72 times; of those, Oblomov uses the name “Stolz” nine times and the name “Andrey” 63 times—which includes the formal “Andrey Ivanych,” used in the presence of Olga and Zakhar.

Complicating questions of Andrey's Germanness—while demonstrating the inherent instability of national identity in the world of the novel—the narrator refers to Andrey as “Stolz,” and he depicts Andrey as a German with qualification three times. The first instance appears when the narrator describes Andrey's background: “Stolz was only a German by half, from his father's side” [89]. Despite its awkward ring, I translate “*немец только вполовину*” as “only German by half” in an attempt to render the colloquial nature of “*вполовину*” [OXRUSDIC 57]. In fact, the final version of the novel omitted reference to his

¹⁵ See also Otradin's treatment of Stolz as the narrator of the text, who attempts to impose a linear timeline upon Oblomov's circular mode of time [ОТРАДИН 1994: 96].

“German half” [*немецкая половина*], which appeared in earlier manuscripts of the novel [ГОНЧАРОВ 2004, VI: 76], and which would have cast Andrey’s Germanness in more essentialist and deterministic terms. Andrey’s identity appears in the final version of the novel, rather, as the product of cultural interaction, where his Germanness is qualified through a Russian colloquialism, rather than as the composite of two different identities. As Kholkin has noted, Andrey’s Russianness emerges as a process in his “search for understanding” [*поиск понимания*] of others [Холкин 38]—and not as an essentialist trait, nor as a static and deterministic fact of his being. This depiction runs parallel to how characters tend to view Andrey as either a member of the In Group (i.e., as “Brother Andrey”) or as a member of the Out Group (i.e., the “accursed German”)—and never as a “half German.” The second qualified depiction is of Andrey as a “German boy” [*немецкий мальчик*], which also appears during the description of his childhood [165]. While this initially seems to cast Andrey as a German, the context of the utterance undermines the stability of the categorization: the narrator deploys this term during a discussion of how Andrey was influenced by Russian factors such as the “kind, greasy, Russian caresses” [*русские, добрые ласки*] [165]. These two traits—the greasiness (“жирный,” which also connotes thickness and richness) and kindness—oppose the image of the German Hetero Image in the novel, such as the cruelty and meanness of the German piano tuner. Therefore, Andrey’s status as a “German boy” is one of the factors in his developing personality, but not his essential nature. The label can also be read ironically: the narrator refers to him as a “German boy” just as he explains the factors that prohibit the boy from becoming a German.

The third instance appears when the narrator offers the following explanation for Andrey’s proclivity towards rationality: “Either because of his German nature or because of some other reason, he was not able to hold back from conclusions” [*по немецкой своей натуре или по чему-нибудь другому, не мог удержаться от вывода*] [448]. While the image of a “German nature” is introduced for Andrey, it is undermined by the narrator’s indeterminacy: Andrey’s behavior can be explained by his German instincts, or it could be “because of some other reason.” An essential reading is offered, but not endorsed—just as multiple perspectives emerge in the depiction of Andrey’s character in the novel. Therefore, the narrator does not once refer to Andrey as a “German” in an unqualified manner. Rather, Andrey emerges as a product of a Russian mother and German father and the dialogue between these two cultural forces. Andrey has been immersed in Russian folk stories and the traditions of Russian Orthodoxy, and yet he also emerges from certain perspectives as a hostile and alien Other.

The familial and linguistic paradoxes of being simultaneously Foreign and Domestic run parallel to Andrey’s education: his instruction from his father

consists of geographical maps, grammatical lessons, Biblical verses, Herder, and Wieland. His instruction from his mother consists of reading the Saints' lives, Krylov's fables, and Fénelon's *The Adventures of Telemachus* [152]. Regarding his lifestyle, his father educates him in the German tradition of strict burgher values, while his mother educates him in the Russian gentry tradition of tenderness. It is important to add that even the "Russian" side of Andrey's upbringing includes a Western element, in Fénelon—and his "German" side includes the spirituality and anti-materialism of biblical verses. Further, the forces that widened the narrow German scope of his life, embodied by the "narrow little German rut," included the music of Vienna-born Heinrich (Henri) Herz on equal plane with the Russian forces, such as his mother's dreams and stories, and also the happenings at Oblomovka [158]. Therefore, even the ostensibly pure Russian maternal influence includes foreign mediation and the process of cultural translation; Andrey has a Franco/Viennese element to his Russian cultural formation, just as Oblomov has a German element in his Eastern *khalat*. Goncharov thus calls into question the very stability of the Russian Self—a stability that has been ironically reified in the novel's critical reception. Andrey's character demonstrates how Russian culture viewed itself from the perspective of the imagined Western *nemets* [German foreigner], and thus his character reflects the structure of Russian literary discourse about the Russian Self as defined in terms of—yet opposite to—the imagined West. Far from Dobrolyubov's impossible ideal, Andrey's character emerges as an apt symbol for the mid-nineteenth-century educated Russian gentry: one foot is grounded in idealized Russian cultural roots with the other in idealized German education and comportment—though both sides bear their respective structural instabilities.

The key metaphors for Andrey's intercultural development are tactile (i.e., through the soft Russian caresses and the rough German hands), and they are also spatial. First, during the description of Andrey's childhood, the narrator articulates how the Russian elements—mixed with Herz—widened the possibilities of Andrey's life from the narrow path of the crude and limited German burgher: they "turned the narrow little German rut into such a wide road" [*обратят узенькую немецкую колею в такую широкую дорогу*] [158]. Andrey overcomes the restrictive space due to his interaction with the expansiveness of Russia, a commonplace image in Russian discourse that Widdis relates to the "open field" chronotope [WIDDIS 1998: 41–42]. The narrator thus continues the pattern set by Andrey's mother by invoking the labyrinthine nature of German life—a space from which Andrey escapes. A second spatial metaphor appears when the narrator asserts that Andrey did not become a dull and crude burgher because he was born on the "Russian soil" and that nearby there was Oblomovka, which is depicted as an "eternal holiday" [*вечный праздник*] [156]. The botanical metaphor—where the soil augments the development of a

plant—marks the effect of Russian space upon Andrey: it prevents his German traits from taking root.

The third spatial metaphor functions on two levels: as an articulation of Andrey's abstract influences, and as a concrete space that Andrey encounters during his upbringing. The influence of the “wide-open freedom of grand gentry life” combines with the indolence of Oblomovka, and these Russian forces counterbalance the primness of his German house: “On one hand, there was Oblomovka, and on the other was the prince's manor [княжеский замок] with the wide-open freedom of grand gentry life [с широким раздольем барской жизни], and these met with the German element [с немецким элементом], and from this Andrey became neither a good *Bursch*, nor even a philistine” [157]. As Oblomovka exerts a greater influence over Andrey than the Oblomov family, he emerges as a product of his environment in a literal sense—in addition to the layers of metaphors.

Andrey embodies cultural fusion (“an emblem of synthesis” according to [ЕНРЕ 1973: 197], or a product of duality [“двуославнось и двупланность”] according to [ХОЛКИН 2003: 39]) on a number of different levels: familial, as he has a German father and Russian mother; educational, as he receives sentimental poetry and logic from his father and fairy tales and Orthodox readings from his mother; biological, as he bears aspects of a German nature but was raised on the Russian soil; and spatial, as he is a product of interaction between two opposing environments. His professional life reflects this cultural interaction, because he spends part of his time in Russia, and part of it conducting business in Europe. This aspect elucidates the relationship between Oblomov and Andrey in the novel: Andrey is a product of dialogue between Oblomov's world (of which his mother is a part), and his father's world. This model also shows the futility of attempting to ascribe a valuation system to these characters, because they exist in a system of reciprocal influence. According to this interpretation, Oblomov's son, Andrey Oblomov—who is to be raised by Andrey Stolz—represents the continuation of the intercultural process as opposed to its establishment in Russian culture, as Borowec has argued [БОРОВОЦ 1994: 571]. Further, if we grant that Andrey can represent the paradoxes of Russian culture and intellectual life, it is only fitting that the next generation of Russians should bear his name. Andrey can thus be interpreted as one who transcends the opposes the invoked German stereotype and who exposes a number of the paradoxes inherent in a culture where a dressing gown that “bears no mark of the West whatsoever” can be labeled a *shlafrok*.

The Critical Tradition Regarding Andrey Stolz

While Dobrolyubov's criticism devalues the importance of Andrey in the narrative, it does not dismiss entirely the notion of a character such as Andrey

existing in Russia, and the critic invokes the “author’s acknowledgement” that Andreys would arrive “with Russian names” [*под русскими именами*] in the future [ДОБРОЛЮБОВ 1948: 71]. Dobrolyubov therefore takes issue not with the substance of the character (as subsequent critics would), but rather with the timeframe [SEELEY 2003: 336]. Indeed, if Dobrolyubov were to take this character as possible in the present tense his argument would collapse, because he reads the novel as a social document, similar to Belinsky’s literary criticism [СТАЦУ 1985: 101]. This has led Kuhn to argue that Dobrolyubov’s essay had many goals, such as an attack upon Herzen’s interpretation of “superfluous man,” but that “none of [them] were strictly literary” [КУHN 1971: 97]. Had Dobrolyubov admitted the possibility of Andrey’s existence in Russia, there would be no foundations to portray Oblomovism as a general social ill pervasive across Russia and as an inevitable result of serfdom. Dobrolyubov’s criticism of Andrey as an unrealistic character was therefore grounded in the critic’s goal to use literary works of art as a springboard to broader social critique [СЕТЧКАРЕВ 1967: 1799–1800]. It is curious, then, that his loaded aesthetic judgment of Andrey has remained entrenched in literary discourse and in scholarship [ОТРАДИН 1994: 149]; he has been depicted as “implausible” [*неправдоподобен*] by Kushelev-Bezborodko [НЕДЗВЕЦКИЙ 1992: 137, note 143], a “crafty rogue” who is only “half composed” by Chekhov [ЧЕХОВ 1976, XXI (п. III): 201–2; СНЕКНОВ 1964: 235], as “hopelessly uninteresting and flat” [МИРСКИЙ 1999: 192], as sketched in a “declarative and superficial [*декларативно*] manner” [СКВОЗНИКОВ 1963: 5], as “wooden and unconvincing” and one of the “two weak points” in the novel [ЕНРЕ 1985: 178–179], as artistically “infinitely inferior” to Oblomov and as an example of the failure to depict “saints, or even simple affirmative characters” in Russian literature [СЛОНИМ 1953: 393], and as less “alive” than Oblomov [СТИЛМАН 1948: 59–60]. Under the assumption of Andrey as a simple stereotype and/or foil, he remains frozen as an idealized “antidote” to the social ills of 1859 Russia, only relevant to inquiries of what Oblomov is not—and so it is no surprise that his character has been roundly condemned as schematic and unsuccessful. This also accounts for the fact that critics such as Nedzvetskii—who provide otherwise sensitive interpretations of Andrey’s complex character—still take Goncharov’s pronouncement that Andrey was “simply an idea” [*просто идея*] at face value [НЕДЗВЕЦКИЙ 1992: 59].¹⁶ Labeling Stolz a “typical German” or even “half-German” limits his character’s complexity and obscures the intercultural dynamic of the novel, and the critical tradition itself reifies Andrey Stolz’s status as a stereotype.

¹⁶ See also Krasnoshchekova’s treatment of the critical tradition [КРАСНОЩЕКОВА 1997: 275].

Bibliography

BOROWEC 1994

BOROWEC C., "Time after Time: The Temporal Ideology of Oblomov," *The Slavic and East European Journal*, 38.4, 1994, 561–573.

CHEKHOV 1964

CHEKHOV A., *Letters on the Short Story, the Drama, and Other Literary Topics*, E. SIMMONS (trans., ed.), New York, 1964.

DIMENT 1998

DIMENT G., "The Precocious Talent of Ivan Goncharov," in: G. DIMENT (ed.), *Goncharov's Oblomov: A Critical Companion*, Evanston, 1998.

DIMENT 2001

DIMENT G., "Ivan Aleksandrovich Goncharov," in: J. OGDEN and J. KALB (eds.), *Russian Novelists in the Age of Tolstoy and Dostoevsky*, Detroit, 2001, 90–106.

DOLININ 2000

DOLININ A., "«The Stepmother of Russian Cities»: Berlin of the 1920s through the Eyes of Russian Writers," in: G. BARABTARLO (ed.), *Cold Fusion: Aspects of the German Cultural Presence in Russia*, New York, 2000, 225–240.

EHRE 1985

EHRE M., "Goncharov, Ivan Aleksandrovich," in: V. TERRAS (ed.), *The Handbook of Russian Literature*, New Haven, 1985, 178–179.

EHRE 1973

EHRE M., *Oblomov and His Creator*, Princeton, 1973.

ELY 2002

ELY C., *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*, DeKalb, 2002.

FRANK 2007

FRANK J., "Being and Laziness," *The New Republic*, The New Republic Mag. (web), <http://www.newrepublic.com/article/being-and-laziness>, 29.1.2007, 25.1.2014 (acc.).

GASPAROV 2004

GASPAROV B., "Identity in Language?" in: S. FRANKLIN, E. WIDDIS (eds.), *National Identity in Russian Culture: An Introduction*, Cambridge (UK), 2004, 132–148.

GERSCHENKRON 1975

GERSCHENKRON A., "Time Horizon in Russian Literature," *The Slavic Review*, 34.4, 1975, 692–715.

KUHN 1971

KUHN A., "Dobroliubov's Critique of *Oblomov*: Polemics and Psychology," *Slavic Review* 30.1, 1971, 93–109.

LEATHERBARROW 2004

LEATHERBARROW W., "Pechorin's Demons: Representations of the Demonic in Lermontov's «A Hero of Our Time»," *The Modern Language Review*, 99.4, 2004, 999–1013.

LEERSSEN 2007

LEERSSEN J., "Imagology: History and Method," "Image," "Identity/Alterity/Hybridity," in: M. BELLER, J. LEERSSEN (eds.), *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters*, Amsterdam, 2007, 17–32, 335–44.

MAGUIRE 1994

MAGUIRE R., *Exploring Gogol*, Stanford, 1994.

MASSIE 1986

MASSIE R., *Peter the Great: His Life and World*, New York, 1986.

MCLEAN 1998

MCLEAN H., "The Countryside," in: M. JONES, R. MILLER (eds.), *The Cambridge Companion to the Classic Russian Novel*, Cambridge (UK), 1998, 41–62.

MIRSKY 1999

MIRSKY D., *A History of Russian Literature: From Its Beginnings to 1900*, Evanston, 1999.

MUZA 2000

MUZA A., "Science, Philosophy, Music: Chekhov's Three Germans," in: *Cold Fusion*, 2000, 185–196.

NABOKOV 1961

NABOKOV V., *Nikolai Gogol*, New York, 1961.

OXFENGRUSDICT 1991

Oxford English-Russian Dictionary, 3rd ed., 2000.

PEACE 1991

PEACE R., *Oblomov: A Critical Examination of Goncharov's Novel*, Birmingham (UK), 1991.

SAZONOVA 1945

SAZONOVA J., "The German in Russian Literature," *American Slavic and East European Review*, 4.1/2, 1945, 51–79.

SEELEY 1976

SEELEY F., "Oblomov," *The Slavonic and East European Review*, 54.3, 1976, 335–354.

SENESE 2003

SENESE D., "Nikolai Aleksandrovich Dobroliubov," in: A. GILLESPIE (ed.), *Russian Literature in the Age of Realism* (= Dictionary of Literary Biography, 277), Gale, Detroit, 2003, 80–93.

SETCHKAREV 1967

SETCHKAREV V., "Andrej Štol'c in Gončarov's *Oblomov*: An Attempted Reinterpretation," in: *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday*, 3, The Hague, Paris, 1967, 1799–1805.

SHISHKIN 2008

SHISHKIN M., "Afterward," in: I. GONCHAROV, M. SCHWARTZ (trans.), *Oblomov*, New York, 2008, 545–552.

SLONIM 1953

SLONIM M., *Modern Russian Literature: From Chekhov to the Present*, Oxford (UK), 1953.

STACY 1985

STACY R., "Dobrolyubov, Nikolai Aleksandrovich," *The Handbook of Russian Literature*, 1985, 101.

STILMAN 1948

STILMAN L., "Oblomovka Revisited," *American Slavic and East European Review*, 7.1, 1948, 45–77.

THIERGEN 2006

THIERGEN P., "Deutsche und Halbdeutsche bei Ivan Gončarov. Eine Skizze," in: D. HERMANN (ed.), *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19. / 20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg*, München, 2006, 350–365.

WIDDIS 1998

WIDDIS E., "Russia as Space," in: *National Identity in Russian Culture*, 1998, 30–49.

Булгаков 2004

Булгаков М., "Мастер и Маргарита", в: Он же, *Собрание сочинений в 8 тт.*, 5, С.-Петербург, 2004, 97–544.

Герцен 1956

Герцен А., *Собрание сочинений в 30 тт.*, 5, Москва, 1956.

Гоголь 1937–1952

Гоголь Н., *Полное собрание сочинений: В 14 т.*, Москва, Ленинград, 1937–1952.

- ГОНЧАРОВ 1959
ГОНЧАРОВ И., *Обломов: роман в четырех частях*, Москва, 1959.
- ГОНЧАРОВ 1997
ГОНЧАРОВ И., *Полное собрание сочинений и писем: В 20 т.*, С.-Петербург, 1997–.
- ДОСТОЕВСКИЙ 1994
ДОСТОЕВСКИЙ Ф., *Полное собрание сочинений в семи томах*, 2, Москва, 1994.
- ДОБРОЛЮБОВ 1948
ДОБРОЛЮБОВ Н., “Что такое обломовщина?”, в: Он же, *Избранные статьи*, 1948, 29–76.
- КРАСНОЩЕKOBA 1997
КРАСНОЩЕKOBA Е., *Иван Александрович Гончаров: Мир творчества*, С.-Петербург, 1997.
- ЛЕРМОНТОВ 1957
ЛЕРМОНТОВ М., “Княжна Мери”, в: Он же, *Сочинения: В 6 т.*, 6, Москва, 1957.
- ЛАЖЕЧНИКОВ 1858
ЛАЖЕЧНИКОВ И., *Собрание сочинений*, 3, С.-Петербург, 1858.
- MAC
ЕВГЕНЬЕВА А. П. (ред.), *Словарь русского языка*, 1–4, 4-е изд., стер., Москва, 1999.
- НЕДЗВЕЦКИЙ 1992
НЕДЗВЕЦКИЙ В., *И. А. Гончаров – романист и художник*, Москва, 1992.
- ОТРАДИН 1994
ОТРАДИН М., *Проза И. А. Гончарова в литературном контексте*, С.-Петербург, 1994.
- СКВОЗНИКОВ 1963
СКВОЗНИКОВ В., “Предисловие”, в: И. ГОНЧАРОВ, *Обломов*, Москва, 1963, 3–22.
- ТУРГЕНЕВ 1964
ТУРГЕНЕВ И., *Отцы и дети*, Москва, 1964.
- ТЮТЧЕВ 2003
ТЮТЧЕВ Ф., *Полное собрание сочинений и писем: В 6 т.*, 2, Москва, 2003.
- ХОЛКИН 2003
ХОЛКИН В., “Андрей Штольц: Поиск понимания”, в: М. ЖДАНОВА, А. ЛОБКАРЁВА, И. СМИРНОВА (сост.), *Гончаров И. А.: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова*, Ульяновск, 2003, 38–48.
- ЧЕХОВ 1974–1983
ЧЕХОВ А., *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т.*, Москва, 1974–1983.
- ЭПШТЕЙН 1996
ЭПШТЕЙН М., “Ирония стиля: демоническое в образе России у Гоголя”, *Новое литературное обозрение*, 19, 1996, 129–147.

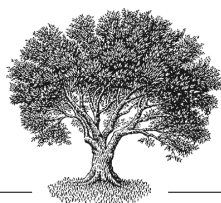
References

- Borowec C., “Time after Time: The Temporal Ideology of Oblomov,” *The Slavic and East European Journal*, 38.4, 1994, 561–573.
- Diment G., “The Precocious Talent of Ivan Goncharov,” in: G. Diment (ed.), *Goncharov’s Oblomov: A Critical Companion*, Evanston, 1998.
- Diment G., “Ivan Aleksandrovich Goncharov,” in: J. Ogden and J. Kalb (eds.), *Russian Novelists in the Age of Tolstoy and Dostoevsky*, Detroit, 2001, 90–106.
- Dolinin A., “«The Stepmother of Russian Cities»: Berlin of the 1920s through the Eyes of Russian Writers,” in: G. Barabtarlo (ed.), *Cold Fusion: Aspects of the German Cultural Presence in Russia*, New York, 2000, 225–240.
- Ehre M., “Goncharov, Ivan Aleksandrovich,” in: V. Terras (ed.), *The Handbook of Russian Literature*, New Haven, 1985, 178–179.
- Ehre M., *Oblomov and His Creator*, Princeton, 1973.
- Ely C., *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*, DeKalb, 2002.
- Epstein M., “Ironiia stilia: demonicheskoe v obraze Rossii u Gogolia,” *Novoe literaturnoe obozrenie*, 19, 1996, 129–147.

- Frank J., "Being and Laziness," *The New Republic*, The New Republic Mag. (web), <http://www.newrepublic.com/article/being-and-laziness>, 29.1.2007, 25.1.2014 (acc.).
- Gasparov B., "Identity in Language?" in: S. Franklin, E. Widdis (eds.), *National Identity in Russian Culture: An Introduction*, Cambridge (UK), 2004, 132–148.
- Gerschenkron A., "Time Horizon in Russian Literature," *The Slavic Review*, 34.4, 1975, 692–715.
- Kholkin V., "Andrei Shtol'ts: Poisk ponimaniia," in: M. Zhdanova, A. Lobkareva, I. Smirnova (eds.), *Goncharov I. A.: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 190-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova*, Ulyanovsk, 2003, 38–48.
- Krasnoshechekova E., *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva*, St. Petersburg, 1997.
- Kuhn A., "Dobroliubov's Critique of *Oblomov*: Polemics and Psychology," *Slavic Review* 30.1, 1971, 93–109.
- Leatherbarrow W., "Pechorin's Demons: Representations of the Demonic in Lermontov's «A Hero of Our Time»," *The Modern Language Review*, 99.4, 2004, 999–1013.
- Leerssen J., "Imagology: History and Method," "Image," "Identity/Alterity/Hybridity," in: M. Beller, J. Leerssen (eds.), *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters*, Amsterdam, 2007, 17–32, 335–44.
- Maguire R., *Exploring Gogol*, Stanford, 1994.
- Massie R., *Peter the Great: His Life and World*, New York, 1986.
- McLean H., "The Countryside," in: M. Jones, R. Miller (eds.), *The Cambridge Companion to the Classic Russian Novel*, Cambridge (UK), 1998, 41–62.
- Mirsky D., *A History of Russian Literature: From Its Beginnings to 1900*, Evanston, 1999.
- Muza A., "Science, Philosophy, Music: Chekhov's Three Germans," in: *Cold Fusion*, 2000, 185–196.
- Nabokov V., *Nikolai Gogol*, New York, 1961.
- Nedzvetskii V., *I. A. Goncharov — romanist i khudozhnik*, Moscow, 1992.
- Otradin M., *Proza I. A. Goncharova v literaturnom kontekste*, St. Petersburg, 1994.
- Peace R., *Oblomov: A Critical Examination of Goncharov's Novel*, Birmingham (UK), 1991.
- Sazonova J., "The German in Russian Literature," *American Slavic and East European Review*, 4.1/2, 1945, 51–79.
- Seeley F., "Oblomov," *The Slavonic and East European Review*, 54.3, 1976, 335–354.
- Senese D., "Nikolai Aleksandrovich Dobroliubov," in: A. Gillespie (ed.), *Russian Literature in the Age of Realism* (= Dictionary of Literary Biography, 277), Gale, Detroit, 2003, 80–93.
- Setchkarev V., "Andrej Štol'c in Gončarov's *Oblomov*: An Attempted Reinterpretation," in: *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday*, 3, The Hague, Paris, 1967, 1799–1805.
- Shishkin M., "Afterward," in: I. Goncharov, M. Schwartz (trans.), *Oblomov*, New York, 2008, 545–552.
- Skvoznikov V., "Predislovie," in: I. Goncharov, *Oblomov*, Moscow, 1963, 3–22.
- Slonim M., *Modern Russian Literature: From Chekhov to the Present*, Oxford (UK), 1953.
- Stacy R., "Dobroliubov, Nikolai Aleksandrovich," *The Handbook of Russian Literature*, 1985, 101.
- Stilman L., "Oblomovka Revisited," *American Slavic and East European Review*, 7.1, 1948, 45–77.
- Thiergen P., "Deutsche und Halbdeutsche bei Ivan Gončarov. Eine Skizze," in: D. Hermann (ed.), *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 19. / 20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg*, München, 2006, 350–365.
- Widdis E., "Russia as Space," in: *National Identity in Russian Culture*, 1998, 30–49.

DR. JOSHUA S. WALKER

Buckingham Browne & Nichols School
80 Gerry's Landing
Cambridge, Massachusetts
USA
jwalker@bbns.org

The Novgorod
Antiphonal
Psalters: Their
Orthographical
Peculiarities
and Textological
Significance*

Новгородские
антифонные
псалтыри:
орфографические
особенности и
текстологическое
значение

Catherine Mary MacRobert
University of Oxford

Кэтрин Мэри МакРоберт
Оксфордский университет

Abstract

The thirteenth-century Novgorod antiphonal psalters were written for liturgical use by two choirs or readers in alternation; consequently each of them contains an incomplete version of the psalms, and they complement each other only in part. Nevertheless, they are of interest both in relation to the development of Church Slavonic norms of orthography and orthoepy as well as from a textological standpoint. In one of them, the older of the two, the infiltration of dialect pronunciation into the Novgorod variety of Church Slavonic can be detected (a list of the various different examples of *cokan'e* in this manuscript is provided in the appendix). On the basis of an analysis of the variant readings found in both manuscripts or attested in either of the two sources, it is demonstrated that they belong to Redaction II of the Church Slavonic translation of the psalms, and that they are important witnesses to the dissemination of this redaction among the East Slavs up to the end of the thirteenth century.

* This article is an expanded version of a paper presented at the conference “И. И. Срезневский и русское историческое языкознание” held in Ryazan, 26–28 September 2012, to mark the bicentenary of the birth of I. I. Sreznevsky.

Keywords

Church Slavonic psalter; antiphonal psalter; early Novgorod dialect; *cokan'e*

Резюме

Новгородские антифонные псалтыри XIII века предназначены для богослужбного исполнения попеременно двумя хорами или чтецами, поэтому каждая из них содержит неполный текст псалмов, и они дополняют друг друга лишь частично. Тем не менее они представляют интерес и в отношении нормирования церковнославянской орфографии и орфоэпии, и с точки зрения текстологии. В одной, более древней, из них прослеживается проникновение диалектного произношения в новгородскую разновидность церковнославянского языка (в приложении дается список разнообразных примеров цоканья в этой рукописи). На основе анализа разночтений, общих для обеих рукописей или засвидетельствованных в одной или другой из них, доказывается их принадлежность ко второй редакции церковнославянского перевода псалмов, а тем самым их ценность для истории распространения этой редакции среди восточных славян до конца XIII века.

Ключевые слова

церковнославянская псалтырь, антифонная псалтырь, древненовгородский диалект, цоканье

The two antiphonal¹ psalter manuscripts from the collection of St. Sophia in Novgorod are remarkable for their very existence. Each contains approximately² half the contents of the Psalter, selected by copying alternate versicles or verses. This expedient results in a text which taken on its own is elliptical sometimes to the point of unintelligibility, and whose sole use is for antiphonal chanting or recitation of the psalms in combination either with a similar but complementary copy of the omitted versicles, or with a full version of the Psalter. Since this method of reciting the psalms survives only vestigially in liturgical practice [ROTY 1983 sub voce антифон], it is not surprising that a book of such limited usefulness should be a rarity, both in Church Slavonic and apparently in Greek: the clearest Greek parallel is a manuscript of 1293 in St. Catherine's monastery on Mount Sinai, organized in exactly the same way, which the scribe describes

¹ In English 'antiphonal' adequately indicates the probable use of these manuscripts; 'антифонный' is unfortunately less transparent because 'антифон' has developed secondary meanings in Eastern Orthodox practice [Дьяченко 1899, РОТЫ 1983, ONASCH 1993, sub voce антифон].

² In each case slightly less than half, because the manuscripts are defective: *Sof63* starts at ps. 17:21b and ends with the penultimate versicle of the second Canticle, Deut. 32:43g; *Pog6* starts at ps. 17:14a and breaks off at ps. 21:15b, at which point *Sof62* carries on with ps. 21:16a, continuing to the end of the Canticles, plus the "psalm without number," which is added in a different hand at the end of the manuscript, no doubt because it was not used liturgically.

as ἡμῖσιν τῶν ψαλμῶν βιβλιδούς [БЕНЕШЕВИЧ 1911: 21, No. 8]; the two psalters listed in a library catalogue from Patmos as ψαλτήρια στιχολογίας may have been a pair of similar kind [PARPULOV 2005: 34, footnote 3].

As I. I. Sreznevsky pointed out [СРЕЗНЕВСКИЙ 1861–63: 59], the Novgorod manuscripts are not a pair: they are independent copies of the psalms for antiphonal use, made by different scribes at separate times, probably somewhat earlier than the Greek one on Sinai. Previously *Sof63* was thought to date from the fourteenth century, whereas *Pog6+Sof62* was ascribed to the late thirteenth century [КУПРИЯНОВ 1857: 29–31; ШМИДТ 1984: 363–364, nos. 473 and 474]. However V. I. Sreznevsky observed that *Sof63* exhibited early features of spelling not found in *Sof62* [СРЕЗНЕВСКИЙ 1877: 60–61], and recently its dating has been put back to the late twelfth or early thirteenth century [ШМИДТ 2002: 653–653, no. д61]. Indeed, against the background of similar layout and style of lettering the orthographical differences between *Sof63* and *Pog6+Sof62* reflect in a striking way the direction of change in norms during the thirteenth century.

In *Sof63* the influence of early South Slavonic orthography can still be detected, whether as a result of direct inheritance from a South Slavonic exemplar or more probably through dissemination in East Slavonic scribal practice; for instance, the conventional use of ж in place of оу in the rubricated initials **ж**ШНРНЛЪ (1v), **ж**НЬЦН (4v), **ж**СЛЪИШН (9r), **ж**ТВЪРЖАНТЬ (18r), **ж**МНОЖНЛЪ (102r), and also once in the line, **маднамж** (57v), is clearly an East Slavonic feature. Doubled vocalic letters occur frequently in the genitive singular masculine of definite adjectives or participles, e.g., **сѣврѣшающааго** (10v), **спѣсающааго** (77r), **дающааго** (108v), **рожьшааго** (112r), **прѣнсподьнааго** (112v) and in imperfect tense forms, e.g., **прнхожаахочу** (52v), **расчѣщаахочуть** (63r), **таѣашѣ** (79v). As indicated by these examples, the consonantal letters **жцѣшщ** tend to be followed by the letter **а** in preference to **о**. The distribution of **ъ** and **ь** is to a large extent etymologically correct:³ their replacement by **о** or **ѣ** is rare and is treated as a mistake in the scribe's corrections of **ѣзѣикомь** to **ѣзѣикъмь** (53r), **рого** to **рогъ** (83v); but there is considerable inconsistency in the representation of syllables containing **ъ** or **ь** and a liquid, e.g., **хлѣмъи** (38v), **хѣлмъи** (45v), **оутѣврѣеннѣ** [...] **на врьхочу горъ** (46r), and sequences of liquid followed by **ъ** or **ь** are common, e.g. **млѣннѣ** (51r), **отѣврѣгоша** (53v), **оплѣѣахочу** (103v). The letter **ѣ** appears for the most part in conformity with etymology both where it would occur in East Slavonic and also in South Slavonic spellings such as **прѣдъ** (2r, 20v and elsewhere), **прѣдаю** (11v), **во врьма**

³ In East Slavonic terms: third person singular and plural non-past forms of verbs regularly end in **тъ**, not **тъ**.

ПОТРЪБЪНО (13r), ПОСРЪДЪ (70v); confusion with *ε*, e.g., in the dative *сѣбѣ* (74r), is rare.

At the same time *Sof63* contains a large number of local spelling variants, some of which are simply East Slavonic, e.g., *оленн* (1v), *дъжь* (40v), *ѣужнхъ* (112r), as well as the hybrid *ѣюжнн* (2r, 56v, 106v) and *знжюѣнн* (87r, 97r), while others are specific to the north-western part of the East Slav area, e.g., *дъжгъ* (45v with superscript *г* to correct from *дъжь*, 109r) and *дъжгѧ* (76r), *ѣюжгнн* (81r), *жнжѣмн* (71v) and *жнжѣмъ* (95v). The most prominent local feature is *cokan'e*. This is not applied consistently, and variants can be found in close proximity, e.g., *оѣнстн* (30r x2) but *оѣнѣю сѧ* *ibid.*, *пнѣю* (74r) but *пнѣю* *ibid.*, *наѣннаннхъ* (77v) but *наѣннанннхъ* (78r), *ѣѣто* (95r) but rubricated *ѣѣто* *ibid.* Nevertheless, the scribe's predilection for *ѣ* is patent: I have noted 120 instances of *ѣ* in place of *ѣ*, including the correction in ps. 19:6b of *вѣзвѣсѣлнмъ сѧ* to *вѣзвѣлнѣнмъ сѧ* (3v), and only 4 with the reverse substitution of *ѣ* for *ѣ*. What is more, the scribe of *Sof63* betrays no familiarity with the contextual rules which have been posited [ЖИВОВ 1984: 267–268 and 2006: 105–106] to explain how other copyists determined the distribution of *ѣ* and *ѣ*: he writes *ѣ* instead of *ѣ* x76 in places where only the first palatalization of the velars could apply, x42 in contexts where the conditioning of both the first and the third palatalizations is present, and x2 in place of **tj*. The list of examples in the appendix to this article suggests that the scribe of *Sof63* had no reliable way of deciding where to write *ѣ* or *ѣ* and that he made no distinction in this respect between more and less familiar lexical items.

It would be a mistake, however, to suppose that he was a poorly trained or negligent copyist. On the contrary, he was on the whole a careful writer who corrected his own mistakes, as can be seen from the examples mentioned above and from the places where letters have been deleted in the middle of a word or phrase which is then completed.⁴ It must be concluded that the orthographical tradition in which he wrote allowed a significant measure of flexibility; if in addition orthoepy played a part in the graphical representation of well known liturgical texts such as the psalms [ЖИВОВ 1984: 285, footnote 10 and 2006: 88–89, footnote 10], it may be inferred that in Novgorod at the turn of the twelfth to thirteenth century the distinction between *ѣ* and *ѣ* was not observed in Church Slavonic pronunciation any more than it was in the vernacular.

The orthographical habits reflected in *Pog6+Sof62*⁵ are a different matter. They contain no instances of *ж*, doubled vocalic letters are rare, the consonantal letters *жѣѣшѣ* are normally followed by *ѧ*, and sequences of liquid plus *ѣ*

⁴ On folia 6r, 7r, 10r, 39v, 40v, 49r, 56v, 72v, 78v, 84r, 88v, 97v.

⁵ In citations from these manuscripts, folio references are to *Sof62* unless *Pog6* is specified.

or ъ occur only in conjunction with line end, e.g., прѣмълѣ | ѹншн (8r), нзвърь | же (39v), зъ | лѣѹн (177r). The *yers* are omitted in weak position more often than in *Sof63*, and there is occasional confusion of ѣ with о, e.g., прѣмолѹн (18v), the aorist погрѣзъша (172v) and the corruption of правьдѣнъ съи to правьдѣноси (180v). The letters ѣ and ѓ are used indiscriminately, not only in Church Slavonicisms such as посредеѣ (44v, 76v, 127r, 132r, 172v), предеѣ (*Pog6* 1v, 2v; 58r), потребнши (43v), преславьно (89v), престолѣ (110v), времяѣ (180v), облеѹе сѣ (99r, 111r, 126r), but also in words and forms current in East Slavonic, e.g., семене (22v), ѹлѣекъ (76v, 125v), ѹлѣekomъ (*Pog6* 8r; 169r), исповѣдатель сѣ тебе (43r), пожроѹ тебе (43v), адепрнеблнжн сѣ (90r). There are some East Slavonic or even local spellings, e.g., ѹюжнн (43v, 125v, 174v) as well as ѹюжнн (*Pog6* 4v, 6r; 165r), дрожгнѣ (71v), одѣжгн (76v), дѣжгь (169r, 173v), but the standard Church Slavonic знждемъ (147r) is preferred to the dialect treatment found in *Sof63*. Evidence of *cokan'e* is minimal: ѣ instead of ѹ x3 in various forms of the possessive adjective грѣшннѣца (20r, 43v, 124v) and the reverse substitution x4, ѹ in place of а ѣ which may result either from the second palatalization, in оѹлта (62r) and ѹлѣѹеѣ (79r), or from the third, in лнѹе (171v) and старьѹемъ (176v). From this small number of examples it is difficult to draw firm conclusions. It is possible, for instance, that through training, experience and a good visual memory the scribe of *Pog6+Sof62* was usually able to arrive at the etymologically correct distributions of ѹ and ѣ even though he had no basis in pronunciation for distinguishing between them. Another conceivable possibility is that this manuscript was produced by a well trained scribe working from an exemplar characterized by *cokan'e* which he managed in most though not quite all instances to eradicate. On this hypothesis *Pog6+Sof62* would be representative of a shift towards a supradialectal norm of Russian Church Slavonic spelling in the later thirteenth century.

However, there is a third possibility, that the scribe of *Pog6+Sof62* copied from an antigraph which was unaffected by *cokan'e* and that the occasional instances of this dialectal feature betray his own local pronunciation. This interpretation deserves to be weighed along with the others because in general the manuscript is not as carefully written as *Sof63*. Although the scribe's hand is clear, it is larger and less elegant than that of the older manuscript. Mistakes in copying are somewhat more frequent and are left uncorrected, e.g., поношеннѣ проѹаѣ instead of поношеннѣ прнѹа (61v), оѹбншасѣ in place of оѹглоѹбншасѣ (98v), проввактѣ сѣ as a corruption of прогнѣвактѣ сѣ (129r). The impression of work carried out hastily or inattentively is compounded by blatant errors in rubrication, e.g., нрѣхопаданнѣ for грѣхопаданнѣ (*Pog6* 5v), ѹъ for тѣ (37r),

НТЪ СЛАВЪИ for **ОТЪ СЛАВЪИ** (38r), **ПАКЪИ ШДЪЖЮ** for **НАКЪИ ШДЪЖЮ** (109r). Even when the rubricator realised that the initial letter which he had inserted at the beginning of ps. 111:2b was wrong, his attempt at emendation by adding a superscript letter was misguided and resulted in a superficially plausible corruption: **П^ОДЪ ПРАВЪИHXЪ** instead of **РОДЪ ПРАВЪИHXЪ** (128v).

Such disparities between manuscripts of similar date, provenance, type and content offer a salutary corrective to a priori assumptions about how orthographical norms developed and were applied in the period before reference works or spell-checks became available. On the one hand, ostensible consistency in some point of scribal practice is not necessarily a guarantee of general competence or attentiveness to the task of copying; on the other hand, inconsistent spelling may be a sign not of incompetence or carelessness, but of an orthographical system which permits specific kinds of variable usage.

I. I. Sreznevsky's conclusion that the two Novgorod manuscripts are not a pair was not based simply on the palaeographical and orthographical differences between them, but above all on discrepancies in their contents. In 92 psalms⁶ *Sof63* and *Pog6+Sof62* contain largely complementary selections of verses; this means that their combined witness supplies an almost complete text of those psalms. In 42 psalms,⁷ however, these manuscripts contain largely or entirely the same selection of verses; they therefore cover approximately half the text of the psalms in question. Sometimes they differ in the way they divide the text, especially when division is into full verses⁸ rather than versicles. In such cases they may coincide for part of the text, e.g., in ps. 117, where they both start with even-numbered verses but diverge at verse 22, because *Sof63* goes from 22a to 23, omitting 22b, and so switches to odd-numbered verses, whereas *Sof62* continues with even-numbered ones throughout. Conversely in ps. 118 *Sof63* starts with even-numbered verses, *Sof62* with odd-numbered ones, but they agree between verses 73 and 112; in Canticle 2 *Sof63* starts with odd-numbered verses, *Sof62* with even-numbered ones, but they converge from verse 15 onward.

These facts are significant for several reasons. Firstly, they suggest that each manuscript originally had its pair, thus doubling the putative number of such books. Secondly, they imply that there was an ongoing liturgical need for antiphonal psalters. Further support for such an inference may be found in *Sof62*: at the beginning of pss. 26, 47, 65, 92 and 131 no heading or number

⁶ Pss. 18–24, 27–38, 40–43, 46, 49–75, 77–97, 101–107, 109–115, 118, 135, 136, 139, 146, 150, plus Canticle 2.

⁷ Pss. 17, 25, 26, 39, 44, 45, 47, 48, 76, 98–100, 108, 116, 117, 119–134, 137, 138, 140–145, 147–149; in addition *Sof62* supplies half the text of Canticles 1 and 3–9.

⁸ Pss. 50, 117, 118 and Canticle 2 in both manuscripts; pss. 140 and 148–150 in *Sof63*; the other Canticles in *Sof62*.

is supplied,⁹ so that the text runs on without break from the preceding psalm. Such oversights might perhaps occur more readily in copying from a pre-existing antiphonal psalter¹⁰ than from the full text of the psalms, especially as only the even-numbered versicles of pss. 26, 65 and 92 are supplied and the copyist therefore would not have had the initial versicle to prompt his memory. If this is what happened, there must have been at least a third pair of antiphonal psalter manuscripts in thirteenth-century Novgorod, for *Sof62* cannot have been copied from *Sof63*, which contains only the odd-numbered versicles of pss. 65 and 92.

More importantly, the partial coincidence between the texts in *Sof63* and *Pog6+Sof62* makes it easier to demonstrate that both manuscripts follow the same textual redaction. Where they coincide, each manuscript corroborates the other's witness, and they do this with a high degree of consistency, indicating unambiguously their joint affiliation to what is currently known as Redaction II of the Church Slavonic Psalter [THOMSON 1998: 810, MACROBERT 1998]. This is the version which was provisionally termed 'Russian' in the monographs by V. I. Sreznevsky and V. A. Pogorelov [СРЕЗНЕВСКИЙ 1877, ПОГОРЕЛОВ 1901] because they met it attested in manuscripts which follow an East Slavonic orthographical recension (*izvod*); and the designation has been redeployed recently [OSTROWSKI 2009: 226–227, footnote 24], presumably because the earliest witness found so far, which goes back to the eleventh century, is likewise East Slavonic [ALTBAUER, LUNT 1978, КРИВКО 2004]. However, it does not necessarily follow that the textual Redaction II originated in the East Slav area; a Bulgarian provenance in the tenth century has also been mooted [THOMSON 1998: 813–814]. The question of local origin remains open [MACROBERT 2005], and it has become clear in recent years that this redaction is attested not only in East but also in South Slavonic manuscripts of the thirteenth century, in association with vestigial spellings of Middle Bulgarian type [MACROBERT 2008: 342].

The following examples comprise the main variant readings characteristic of Redaction II which are to be found in *Sof63* and *Sof62*. Each is given together with the Greek expression which it translates and is followed by a list of supporting witnesses, notes of any lacunae or corrections, and the contrasting variant from Redaction I, the other version in widespread use up to the fourteenth century. Uncertain or corrupt readings are indicated with a question mark. The two earliest witnesses used, the East Slavonic *Sin6 Har*, are cited first, followed by four South Slavonic manuscripts, three of the thirteenth century, *Sin7 Plj Bel*,

⁹ Perhaps as a consequence, the numbering of pss. 133–149 is incorrect in *Sof62*.

¹⁰ The inclusion of hypopsalmata to Cantic 2 in *Sof62* [MACROBERT 1996: 168 and 175] is a further indication that the antigraph of this manuscript was intended for liturgical use [ONASCH 1993 sub voce Responsorien]. The refrains are written immediately after the appropriate versicles, sometimes without even a point to mark them off; it is possible that the scribe of *Sof62* did not realise that they were extraneous to this little used text.

and the somewhat later but conservative *Ath*. Of these, *Plj Bel* offer the clearest supporting evidence for Redaction II, agreeing to a large extent with *Sin6 Har*, but unfortunately they both have substantial lacunae in the first third of the psalter text. *Sin7 Ath* are more nearly complete, but have been sporadically corrected, usually to readings of Redaction I which were reinstated in the later revisions of the fourteenth century; the fact that these corrections were made suggests strongly that the original readings in *Sin7 Ath* were those of Redaction II. After them come three fourteenth-century East Slavonic manuscripts, *Jar Fn11 Sof60*, which have been selected as relatively pure examples of Redaction II. The readings of *Amf*, the Simonovskaja Psalter published by Archimandrite Amphilochius [АМФИЛОХИЙ 1880–1] are included in spite of their occasional idiosyncrasies [ПОГОРЕЛОВ 1901: xxxii–xxxiii, МАСРОВАЯ 2010] because this manuscript was used as a source for Redaction II by Jagić [Ягич 1884] and Pogorelov [ПОГОРЕЛОВ 1901] and remains one of the few representatives of that redaction easily accessible today.

The readings attested in both *Sof63* and *Sof62* can be divided into three types, each of which reflects a different aspect of the revision which produced Redaction II. The first consists of simple lexical or occasionally syntactic variation, where one expression is preferred to another of broadly similar meaning or function:

100:4b τοῦ πονηροῦ – ΛΟΥΚΑΒΑΓΟ *Sof63+Sof62 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Jar Fn11* – ЗЪЛАГО I *Ath Sof60 Amf*;

102:13b οἰκτίρει – ΟΥΨΕΔΡΗΤЬ *Sof63+Sof62 Sin6 Ath Jar Fn11 Sof60 Amf* – ПОМНЛОУЕТЬ I *Har Sin7 Plj Bel*;

131:4c τοῖς κροτάφοις – КРАНИНАМА *Sof63+Sof62 Sin6 Har Sin7 Jar Fn11? Sof60 Amf (Plj Bel lacuna)* – КРОТОФОМА I – КОЛЪНОМА *Ath*;

131:7a σκηνώματα – СЪНН *Sof63+Sof62 Sin6 Har Sin7 Fn11 Sof60 Amf (Plj Bel lacuna; Ath corrected to I)* – СЕЛА I *Jar*;

132:2a μύρον – МЮРО *Sof63+Sof62 Sin6 Sin7 Plj Ath Jar Fn11 Sof60 Amf (Har Bel lacuna)* – ХРНЗМА I;

132:2c ᾠαν – ПОДОЛЪКЪ *Sof63+Sof62 Sin6 Jar Fn11 Sof60 Amf (Har Bel lacuna; Ath corrected to I)* – ОМЕТЪ I *Sin7 Plj*;

146:8d ἀνθρώπων – УЛЪКМЪ *Sof63+Sof62 Sin6 Sin7 Plj? Bel Ath Jar Fn11 Sof60 Amf (Har lacuna)* – УЛОВЪУЪСТЪ I.

Such adjustments could either have been made in the process of checking against Greek or have arisen subsequently within the Church Slavonic textual tradition; consequently they tend to constitute supplementary rather than decisive evidence for a particular redaction.

The other two types of variant can only be explained by reference to the Greek text of the psalms. Some of them arise from divergences between Redactions I and II in the interpretation of polysemous Greek words:

39:5b μανίας – ГНЪБЪ I *Sof63+Sof62 Sin6 Har Sin7 Jar Fn11 Sof60 Amf (Plj Bel lacuna; Ath corrected to I)* – НЕНСТОБЛЕННІА I;

39:8b κεφαλίδι βιβλίου—ГЛАВНЗНѢ КННЖНѢН Sof63+Sof62 Sin6 Har Sin7 Jar FnI1 Amf (Plj Bel lacuna)—СЪВНТЪЦѢ КЪННЖНѢМЪ I Sof60;

68:21a τάλαιπωρίαν—ОКАНЬСТВА Sof63+Sof62 Sin6 Har Plj Bel Ath Sof60 (Sin7 Ath corrected to I)—СТРАСТН I Jar FnI1 Amf;

81:2b λαμβάνετε—ПРННМАКТЕ Sof63+Sof62 Har Amf ПРННМΛΕΤΕ Sin6? Jar (Sin7 Ath corrected to I)—ΟΒΗΝΟΥΗΤΕ СΔ I Plj Bel FnI1 Sof60;

108:23b ἀκριδες—АБРЪДЪК Sof63+Sof62 Har Jar (Sin6 Bel lacuna; Sin7 Ath corrected to I)—ΠΡΟΥΤ'ΝΗΝ ΚΟΝ'ЦН Plj Amf?—ПРЖЗН I FnI1 Sof60;

138:3b προεἶδες—ПРЪДЪВНДѢ Sof63+Sof62 Har Sin7 Plj Bel Jar FnI1 Sof60 (Sin6 lacuna)—ПРЪДЪЗРЕ Ath Amf—ΠΡΟΖΡѢ I.

On the whole these variants suggest a more literalistic approach in Redaction II than in Redaction I, but the reading in 108:23b may be an exception: the meaning and etymology of АБРЪДЪК are a matter of debate, but the gloss provided in *Plj* and garbled as ΠΡΟΥΓΗΝ ΗΚΟΝΟΥ in *Amf* suggests that the word was understood to refer to plants rather than insects [MACROBERT 2010: 427].

The third type of diagnostic readings reproduces variants within the Greek textual tradition. Several of these are reminiscences, phrases transferred from similar contexts in other psalms; in principle such transferences could take place as readily in the Church Slavonic textual tradition as in Greek, but the regularity with which these readings appear in manuscripts containing one or other redaction suggests strongly that they go back to the Greek version from which their redaction derived. Some of the others betray misinterpretations of Greek and may indicate that Redaction II was based on a less competent knowledge of Greek than Redaction I:

39:9b κοιλίας—ΟΥΤΡΟΒЪ I Sof63+Sof62 Har Sin7 Jar FnI1? Amf—ΥΡΕΒΑ Sin6 Sof60 (Plj Bel lacuna; Ath corrected to I); καρδίας—СРЪДЪЦА I

46:9a ἐπὶ τὰ ἔθνη—НАДЪ ІАЗЪІКЪ I Sof63+Sof62 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Jar Sof60 Amf; ἐπὶ πάντα τὰ ἔθνη¹¹—НАДЪ ВЪСѢМНІАЗЪІКЪ I Ath FnI1;

68:14b δυνάμεως¹²—СНДЪ I Sof63+Sof62 Sin6 Har Plj Bel Ath FnI1 Sof60 Amf; ἐλέους—МНЛОСТН I Jar Sin7;

97:5a τῷ κυρίῳ—ГДѢН Sof63+Sof62 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Ath Jar FnI1 Sof60 Amf; τῷ θεῷ ἡμῶν¹³—БѢΟΥ НАШЕМОУ I;

97:6a ἐλαταῖς confused with ἐλατιναῖς?—ДРЕВΑΝΑΧЪ Sof63+Sof62 Sin6 Har Plj Bel Ath Jar (Sin7 corrected to I); ἐλαταῖς—КОВАНАХЪ I FnI1 Sof60 Amf;

98:4b εὐθύτητας—ПРАВЪДЪ I Sof63+Sof62 Sof63 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Ath FnI1 Sof60—ПРАВННА Amf; εὐθύτητα—ПРАВННЖ I ПРАВДОУ Jar;

¹¹ Cf. 46:2a.

¹² Cf. 32:17b and 65:3b.

¹³ Cf. 46:7b.

108:23b ἐξετινάχθην mistakenly associated with ἐκτείνω?—**ΠΡΟΣ ΤΡΟΧЪ** **СА Sof63+Sof62 Har Plj Jar (Sin6 Bel lacuna; Sin7 corrected to I)—****СЪПРОС ΤΡΟΧЪ СА Amf**; ἐξετινάχθην—**СЪ ТРАСОХЪ СА I Fn11 Sof60**.

While the number of these shared readings in *Sof63* and *Sof62* is inevitably limited, their evidence for affiliation to Redaction II is unambiguous; there is only one problematic variant:

140:9a συνεστήσαντο—**СЪСТАВΗΣА Sof63+Sof62 Sin7 Plj Bel Ath Amf (Sin6 Har lacuna; Jar corrected)**; ἔκρυψαν¹⁴—**СЪКРЪША Fn11 Sof60**. The absence of the readings for *Sin6 Har* makes it difficult to determine whether the variant **СЪКРЪША**, which is found in a number of fourteenth-century East Slavonic manuscripts, was original to Redaction II [MACROBERT 1998: 932] but was ousted in South Slavonic manuscripts by the reading of Redaction I, or whether it was a later modification.

Divergence between *Sof63* and *Sof62* is also rare and can be explained by the relative conservatism of *Sof63*. In particular, in the headings to the eighth and nineteenth kathismata¹⁵ *Sof63* retains in abbreviated form, **СЪ**[Ⓢ], the early Church Slavonic translation of the term **СЪДНЛЪНА** or **СЪДНЛЪНО**, which is otherwise found mainly in association with Redaction I; but *Pog6+Sof62* has throughout the abbreviation **КА**[Ⓢ] of the more widely used Greek equivalent *kathisma*, as does *Sof63* elsewhere. Another example of possible conservatism in *Sof63* occurs in 150:4a, where the equivalent supplied for τυμπάνω is not the loanword **ТОУМЪΠΑΝЪ** found in *Sof62* and most other Church Slavonic psalter manuscripts regardless of redaction, but **ΚΥΜΠΑΝЪ**, which, if it is not merely a slip of the pen, can be paralleled only by **ΚΕΜЪΠΝЪ**¹⁶ in the second Glagolitic psalter from Sinai [MIKLAS 2012].

On the textological foundation provided by those portions of *Sof63* and *Pog6+Sof62* which coincide textually it is possible to build up a fuller picture of Redaction II by taking into account diagnostic readings attested only in one of the two manuscripts. The same three-fold division can be applied. The lexical variants, even when they only occur once, speak for a different approach to translation from that of Redaction I, for instance in the use of of native words rather than loans:

17:39a οὐ μὴ δύνωνται—**НЕ МОГОУТЬ МОЦІ Sof63 Sin6 Sin7 Plj Bel Fn11 Sof60 Amf (Har lacuna)—НЕ НМЖТЬ МОЦН I—НЕ ВЪЗМОГЪТЬ Ath Jar**;

30:23b ἀπέρριμμαι—**ЪРΗΝΟΒЕНЪ Sof62 Sin6 Har Sin7 Bel Ath Jar Fn11 Sof60 Amf (Plj lacuna)—ЪВРЪЖЕНЪ I**;

¹⁴ Cf. 30:5a.

¹⁵ At pss. 55 and 134.

¹⁶ The same word occurs, but as a translation of 150:5 *κυμαλοισ*, in the second Glagolitic psalter and the Vienna Croatian Glagolitic commented psalter [НАММ 1967]; this may be echoed in the reading **ЗВОНЪХЪ** found in *Plj Bel Ath* [ТРИФУНОВИЋ 2000; MACROBERT 2010: 429].

48:21b ἀνοήτοις—**HEPABOYMBHNIHXZ** Sof63 Sin6 Sin7 Plj Ath Jar Fn11 Amf (Bel lacuna)—**HECZMBZICΛHNIHXZ** I Har Sof60;

61:11c ῥήη—**ΠPETHKAKTY** Sof63 Sin6 Plj Bel Fn11 Sof60 Amf—**MHMO TEKAE TY** I Har Sin7 Ath Jar;

62:12c ἐνεφράγη—**ЗАГPАДНША CA** Sof63 Sin6 Har Sin7 Plj Ath Jar Fn11 Sof60 Amf (Bel lacuna)—**ЗАНАША CA** I;

73:8a συγγένεια—**CBPOΔITELH** Sof63 Sin6 Har Plj Bel Ath Jar (Sin7 corrected to I)—**CBYJHNI** Amf—**ЖHNI** I Fn11 Sof60;

83:3b ἐπὶ θεὸν ζῶντα—**KZ BOY JHBOY** Sof63 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Jar (Amf without **KZ**)—**O EBY JHBY** I Fn11 Sof60 Ath;

85:4b ἦρα—**BZBΔBHΓOXY** Sof62 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Ath Jar —**BZBAXZ** I Fn11 Sof60 Amf;

92:3b ἐπιτρέφεις—**CT(BO)PEHHHA**, i.e., **CTPEHHHA** Sof62 Sin6 Sin7 Plj Bel Fn11 (Ath corrected to I)—**CTPOYHA** Jar Sof60—**CTPOYΓZI** I Har Amf;

101:8b δώματι—**ZBΔANHH** Sof63 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Ath Jar Fn11 S60—**ZBΔE** I Amf;

101:28 ἐκλείπουσιν—**OKOYΔEHTY** Sof63 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Ath Jar Fn11 Sof60—**HKONBYAYTY CA** I Amf;

105:42a ἔθλιψαν—**OKCBPEBHA** Sof62 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Ath Jar Fn11 Sof60—**CTJZHHA** I Amf;

113:8b ἀκρότομον—**HECBKOMZH** Sof62 Sin6 Har Sin7 Plj Ath Jar Fn11 Sof60 Amf (Bel lacuna)—**AKPOTOMZ** I;

138:15b ὑπόστασις—**CBCTABZ** Sof63 Har Sin7 Plj Bel Ath Jar Fn11 Sof60 Amf (Sin6 lacuna)—**YPOSTACE** I;

140:7b διεσχορπίσθη—**PACZIPASHA CA** Sof63 Sin7 Plj Bel Ath Jar Fn11 Sof60 Amf (Sin6 Har lacuna)—**PACOUHA CA** I.

Parallels can be found to the lexical choices recorded in both manuscripts:

42:3c σκηνώματα—**CBNI** Sof63 Sin6 Har Bel S60 Amf **CBNY** Jar (Plj lacuna; Ath corrected to I)—**CELA** I Sin7 Fn11;

105:46a οἰκτιρμούς—**CEAPOTZI** Sof63 Sin6 Sin7 Ath Jar Fn11 Sof60 Amf—**MHΛOTY** I Har Plj Bel;

118:156a οἰκτιρμοί—**CEAPOTZI** Sof63 Sin6 Har Sin7 Plj Ath Jar Fn11 Sof60 Amf (Bel lacuna)—**MHΛOTHI** I.

Repeated attestations in one or other of the two manuscripts similarly reflect lexical preferences either in Redaction II itself or at any rate in the period during which this version was in use:

18:2 ποίησιν—**CBTBOPENHKE** Pog6 Sin6 Har Plj Bel Fn11 Amf—**TBAPB** I Sin7 Ath Jar Sof60;

63:10c ποιήματα—**CBTBOPENHHA** Sof62 Sin6? Har Sin7 Plj Ath Jar Fn11 Amf (Bel lacuna)—**TBAPH** I Sof60;

65:16a διηγῆσομαι—**СЪКАЖЮ** *Sof62 Har Sin7 Plj Bel Jar FnI1 Sof60 Amf*
(*Ath* corrected to I)—**ПОВѢМЪ** I *Sin6?*;

72:15a διηγῆσομαι—**СЪКАЖЮ** *Sof62 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Jar Ath Sof60*
Amf—**ПОВѢМЪ** I *FnI1*;

77:67b φυλήν—**ΠΑΕΜΕΝΕ** *Sof62 Sin6 Har Jar FnI1 Amf Sof60*—**ΚΟΛΨΗΑ**
Plj Bel Ath;

77:68a φυλήν—**ΠΑΕΜΑ** *Sof63 Har Sin7 Plj Bel Jar FnI1 Sof60 Amf*—
ΚΟΛΨΗΘ I *Sin6 Ath*;

90:6b συμπτώματος—**СЪРѢТЕННѦ** *Sof63 Bel Jar FnI1 Sof60 Amf*—
СРѢЩА I *Sin6 Har Sin7 Plj Ath*.

To these may be added a range of recurrent features, too frequently instantiated to be listed individually, whose preponderant or systematic use in manuscripts of Redaction II helps to distinguish them even from the later representatives of Redaction I [MACROBERT 2005: 41–42]: the absence of asigmatic aorists, the use of **АКЪ** I (x29 *Sof63*, x23 *Sof62*) rather than **ѦКО** to introduce similes, **ВЕΛΗΚЪ** (x4 *Sof63*, x1 *Sof62*) rather than **ВЕΛΗΗ**, and the lexical items **ΒΕΖΟΥΜΑ** (x3 *Sof63*, x4 *Sof62*), **НАПРАΨΗ** (x2 *Sof63*, x3 *Sof62*), **СЪБОРЪ** (x7 *Sof63*, x3 *Sof62*) instead of **ΑΨΟΥΤЬ** or **СПЪΙΤΗ**, **НАΛΑΨΗ**, **СЪНЪМЪ** in Redaction I.

Direct discrepancy between *Sof63* and *Pog6+Sof62* cannot of course be detected in those portions of the text where the manuscripts complement each other, but there are two examples of indirect inconsistency. One of these is probably an instance of linguistic updating independent of redaction:

69:6b χρονίσης—**ЗАМОУДН** *Sof63 I Sin6 Har Sin7 Amf*—**ЗАКЪСНН** *Plj*
Bel Ath—**ЗАМЕΔΛΗ** *Jar FnI1 Sof60*

39:18b χρονίσης **ЗАМЕΔΛΗ** *Sof62 Jar Sof60*—**ЗАМЖДН** I *Sin6 Har*—
ЗАБОУДН *Sin7 FnI1 Amf*—**ЗАКЪСНН** *Ath* (*Plj Bel* lacuna)

The corruption of **ЗАМЖДН** to **ЗАБОУДН** in both South and East Slavonic manuscripts is in itself an indication that **ЗАМЖДНТН** was not in current use, and its replacement by **ЗАМЕΔΛΗ** in *Sof62*, as by **ЗАКЪСНН** in *Plj Bel Ath*, merely confirms this. The other instance of lexical variation in *Sof63* and *Sof62*, between the Latin loanword **ΟΛΨΗ** and the Greek **ΕΛΨΗ**, is more problematic: *Sof63* has **ΕΛΨΗ** x2 (108:24, 140:5) but also an instance of **ΟΛΨΗ** (108:18); *Sof62* has **ΕΛΨΗ** x5 (22:5, 54:22, 91:11, 108:18+24) but presents **ΩΛΨΗ** x2 with a rubricated initial (88:21, 140:5) and also x2 in line (103:15, Deut. 32:13d). In Redaction I, in the South Slavonic *Sin7 Plj Bel Ath* and in the East Slavonic *Jar* **ΟΛΨΗ** is found to the exclusion of **ΕΛΨΗ**, but *Sin6 Har FnI1 Sof60 Amf* employ an unpredictable mixture of both, with **ΜΑCΛO** as a further occasional option in *Sin6 Sof60 Amf*. It is not impossible that Redaction II was inconsistent in this respect from the outset, since it seems to have come into existence through a process of checking and correcting Redaction I against Greek.

The character of that process is once again brought into sharp focus by instances of a distinctive approach to translation in Redaction II, sometimes literalistic, sometimes interpretative, which are attested either in *Sof63* or in *Sof62*:

34:6a ὀλισθημα—**СЪБΛΑΖΗЪ** *Sof62 Sin6 Har Bel Jar FnI1 Sof60 Amf* (*Plj lacuna*; *Sin7 Ath* corrected to I)—**ПΛΥΖΥΚЪ** I;

54:23b σάλον—**СМАТЕННІА** *Sof62 Sin6 Sin7 Plj Ath Jar FnI1 Sof60 Amf* (*Har Bel lacuna*)—**МΛΥΒΥ** I;

63:3a συστροφῆς πονευρομένων—**РАЗВРАЩЕННІА ЛΟΥΚΑΒΕΣΤΒΟΥ-ЮЩΗΗХЪ** *Sof62 Sin6 Har Sin7 Plj Ath Jar FnI1 Sof60 Amf* (*Bel lacuna*)—**СЪНЬМА ЗЪЛОБЕНЪІХЪ** I;

70:14a διὰ παντός—**О ВСЕМЪ** *Sof63 Sin6 Har Plj Bel Jar Ath Sof60 Amf*—**ВЪІНЖ** I *Sin7 FnI1*;

72:7b διάθεσιν—**РАЗМЪІШΛΕΝНІА** *Sof62 Sin6 Har Sin7orig. Plj Ath Jar Sof60 Amf* (*Bel lacuna*; *Sin7* corrected to I)—**ΛΗΒΕΥΕ** I *FnI1*;

73:4b ἔγνωσαν—**ΥЮША** *Sof63 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Jar Amf* (*Ath* corrected to I)—**ПОЗНАША** I *FnI1 Sof60*;

91:8b διέκυψαν—**ΠΡΕΚΛΟΝΗША СΛ** *Sof63 Sin6 Har Plj Bel Ath Jar FnI1*—**ВЪЗНΗΚΟША** I *Sof60 Amf* **ΟΥΝΗΚΟШЕ** *Sin7*;

92:4b μετεωρισμοί—**ЗАПРЪЩΕΝНІА** *Sof63 Sin6 Har Plj Bel Jar FnI1 Sof60* (*Sin7 Ath* corrected to I)—**ВЪІСОТЪ** I *Amf*;

93:9b κατανοεῖ—**РАЗΟΥМЪКТЬ** *Sof62 Sin6 Har Sin7 Ath FnI1 Sof60* (*Bel lacuna*)—**СМОТРΗΤЪ** I *Plj Amf* (*Jar* corrected from **СМАТРАКТЬ**?);

106:29a αὔραν—**ТНШННΟΥ** *Sof62 Har Sin7 Plj Bel Ath FnI1 Sof60* (*Sin6 lacuna*)—**ΧΛΑΔЪ** I *Jar Amf*;

108:21b χρηστόν—**ЩЕДРА** *Sof63 Har Plj FnI1 Sof60* (*Sin6 Bel lacuna*; *Ath* corrected to I); *Jar* corrected—**БЛАГА** I *Jar? Amf Sin7*;

109:3a ἀρχή—**НАΥΑΛΕΣΤΒΟ** *Sof63 Har Ath Jar Sof60* (*Sin6 Bel lacuna*)—**ΒΛΑΔЪІΥΕΣΤΒΟ** I *Plj Sin7 FnI1 Amf*;

136:3b ὕμνον—**ΧΒΑΛΟΥ** *Sof62 Har Plj Ath Jar FnI1 Sof60 Amf* (*Sin6 Bel lacuna*; *Sin7* corrected to I)—**ПЪСНН** I.

Although some of the manuscripts adduced here deviate occasionally in the direction of Redaction I, the majority reading of Redaction II is in most cases clear and is usually supported by the earliest witness, *Sin6*. The same can be said of those variants which can be referred back to the Greek textual tradition:

33:23b καταισχυνθήσονται¹⁷—**ПОСТЪІДАТЪ СΛ** *Sof63 Sin6 Har Bel* (*Plj lacuna*) *Jar FnI1 Sof60 Amf*; πλημμελήσουσιν—**ПРЪГРЪШАТЪ** I *Sin7 Ath*;

¹⁷ Probably a vague reminiscence of similar wording in 33:6b, 36:19, 68:7a.

34:11 ἀνέστησαν?—**ВЪСТАША** Sof62 Sin6 Har Sin7 Bel Ath Jar FnI1 Amf Sof60 (Plj lacuna); ἀναστάντες—**ВЪСТАВЪШНН I**;

49:18b μοιχοῦ—**ПРЪЛЮБОДЪНМЪ** Sof62 Sin6 Har Sin7 Plj Ath Jar Sof69 Amf (Bel lacuna); μοιχῶν—**ПРЪЛЮБОДЪН I FnI1**

57:5b ἀσπίδος κωφῆς—**ΑΣΠΗΔΑ ΓΛΟΥΧΑ** Sof62 Sin6 Sin7 Plj Bel Ath Jar FnI1 Sof60 Amf (Har lacuna); ἀσπίδων κωφῶν—**ΑΣΠΗΔЪΙ ΓΛΟΥΧЪΙ I**;

57:6b φαρμακοῦται φαρμακευομένη παρὰ σοφοῦ?—**ΟΒΑΒΑΚΜΑ ΟΒΑΒΑЮЩН СΔ Ѡ ПРЪМОУΔΡΑ** Sof62 Sin6 Sin7 Jar FnI1 Sof60 (Har lacuna); φαρμακοῦ τε φαρμακευομένη παρὰ σοφοῦ?—**ΟΒΑΒΑΚΜΑ Ѡ ΟΒΑΒЪННКА ПРЪМОУΔΡΑ** Plj Bel—**ΟΒΑΒΑΚΜΑ Ѡ ΟΒΑΒΑЮЩАГО Ѡ ПРЪМЪΔΡΑ** Amf—**Ѡ ПРЪМОУΔΡΑ ΟΒΑΒЪННКА ΟΒΑΒΑΚΜΑ I Ath**;

70:19a θαυμασία¹⁸—**УЮДЕСА** Sof62 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Jar Amf; μεγαλεῖα—**ВЕΛΗΥЪСТВННА I FnI1 Sof60** (Ath corrected to II?);

70:20c ἀνῆγαγες—**ВЪЗВЕДЕ** Sof63 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Jar Amf (Ath corrected to I); πάλιν ἀνῆγαγες—**ДРЕВЛЕ ВЪЗВЕДЕ I FnI1 Sof60**;

73:17a ὄρια misread as ὄρεα?—**ГОРЪИ** Sof62 Sin6 Har Plj Bel Jar Sof60 Amf (Sin7 corrected to I); ὄρια—**ПРЪДЪЛЪИ I Ath FnI1**;

83:11c οἰκεῖν με—**ЖНТН МН** Sof62 Sin6 Sin7 Plj Ath Jar FnI1 Sof60 (Har lacuna); οἰκεῖν—**ЖНТН I Bel Amf**;

84:5 σωτήρ ἡμῶν—**СПЕНТЕЛЮ НАШЪ** Sof63 Sin6 Har Sin7 Plj Bel Ath Jar FnI1 Sof60 Amf (Plj corrected to I); σωτηρίων ἡμῶν—**СПЕННН НАШНХЪ I**;

104:42b τοῦ πρὸς Αβρααμ—**НЖЕ КЪ АВΡΑΑМОУ** Sof62 Sin6 Har Ath Jar FnI1; ὃν διέθετο τῷ Αβρααμ—**ΕЖЕ НМЪ КЪ АВΡΑΑМОУ I Sin7 Plj Bel Amf Sof60**;

138:20a ἐρεῖς ἔσται?—**РЕУЕ БОУДЕТЬ** Sof63 FnI1 Sof60 (Sin6 lacuna; Sin7 corrected to III); ἐρεῖτε ἔσται?—**РЕУЕТЕ БОУДЕТЬ** Har Plj Bel Jar Amf (Ath corrected to I); ἐρεῖτε—**РЕУЕТЕ I**; ἐρισταί ἐστε—**РЕВННВН КСТЕ III**.

As before, in the case of 140:9a discussed above, there is only one problematic reading:

52:2b ἀνομίαις—**ΒΕΖΑΚΟΝΗΗ** Sof62 Har—ἐπιτηδεύμασι¹⁹—**ΝΑΥΗΝΑΝΗΗΧЪ** Sin6 Plj Bel Ath Jar FnI1 Sof60 Amf (Sin7 corrected to I)—**ΒΕΖΑΚΟΝΗΗΧЪ I Jar**.

Here the support in other manuscripts for **ΝΑΥΗΝΑΝΗΗΧЪ** as the reading of Redaction II is strong; the minority preference for **ΒΕΖΑΚΟΝΗΗ(ΧЪ)** could have any of several possible explanations: sporadic influence of Redaction I, sporadic consultation of Greek at some early stage, or simply the appropriateness in context of **ΒΕΖΑΚΟΝΗΗ**, which occurs much more frequently in the psalms than **ΝΑΥΗΝΑΝΗΗ**.

¹⁸ Cf. 70:17b.

¹⁹ Cf. 13:1b.

Apart from these isolated deviations and a few omissions from both manuscripts,²⁰ *Sof63* and *Sof62* taken together present a pattern of readings which corresponds closely to the set of diagnostic variants posited for Redaction II [MACROBERT 1998: 929–933]. They also follow Redaction II almost without exception in agreeing with the liturgical rather than the commentated version of Redaction I where those two traditions diverge [MACROBERT 1998: 933–935].²¹ Of the three exceptions, the one in 106:19b, where *Sof63* agrees with the commentated tradition, is probably a reminiscence of 106:13b; in the other two cases, the omission from 136:6b of **ѦАКО** in *Sof63* and the reading Deut. 32:43 **ОУКРѢПАТЬ Н** in *Sof62*, the variant reading is a minority one, not widely enough supported to be typical of any redaction.

Thus the antiphonal psalters from S. Sophia in Novgorod are important in three respects: they preserve evidence of a liturgical practice which is otherwise sparsely attested; in both of them, but especially in the older manuscript, *Sof63*, the interaction of local pronunciation with Church Slavonic can be clearly detected; and their joint witness lends weighty support to the inference, otherwise based mainly on manuscripts of rather later date, that up to the period of Second South Slavonic influence the version of the Psalter most widely known and used in Rus' was Redaction II. Moreover, in some points they agree with the earliest witnesses to that redaction, *Sin6* and *Har*, against the later and more heterogeneous tradition found in the fourteenth century. The combined witness of *Sof63* and *Pog6+Sof62* provides the fullest East Slavonic version of Redaction II extant from the thirteenth century²² and the earliest manuscript evidence for this redaction to have survived continuously in Russian archives.

Appendix: Confusion of **Ѣ** and **Ѥ** in *Sof63*

Multiple instances of type I **Ѣ** > **Ѥ** (x62):

оѢѤ- x15: forms of **наоѢѤнтн** (7r, 66v, 87v, 88r, 90r x3, 91v, 92v, 93r, 106r), forms of **пооѢѤнтн** (50v, 93v, 105v), **пооѢѤнїе** (94v);

Ѥнст- x6: **ѤнстотѢ** (1r), forms of **оѤнстнтн** (30r x2, 81v), **оѤнѤннїе** (63r, 98r);

ѤѢто x4: **ннѤѢтоже** (20v, 62r), **нѢ о ѤѢмѢже** (33v), **ѤѢто** (95r);

алѤюѤ- x4: (78v, 79r, 80r, 108v);

²⁰ 43:8b, 44:9, 47:4, 62:2, 107:10; 134:6, Isa. 26:20.

²¹ In 21:9 *Sof62*, 24:17 *Sof63*, 26:9 *Sof63*, 34:8 *Sof62*, 39:15 *Sof62*, 39:18 *Sof62*, 91:15 *Sof63*, 107:5 *Sof63*, 107:9 *Sof63*, 111:8 *Sof63*, 118:127 *Sof62*, 134:12 *Sof63*, 138:24 *Sof62*, Deut. 32:39 *Sof62*; in 103:27 *Sof63 Sof62*, like other witnesses to Redaction II, prefer the reading found in the commentated version of Redaction I.

²² The thirteenth-century psalter manuscript in RGADA [АВТОКРАТОВА, КНЯЗЕВСКАЯ, ШМИДТ 1988: 104–106, no. 40] is unfortunately incomplete: it breaks off at ps. 103.

мълц- x4: forms of **прѣмълцнѣти** (9b, 29r), **оумлѣцн** (20v), **нзмъ | лцѣ** (42r);

уловѣцъск- x4: (56r, 79r, 107v, 108r);

оцн x3: (88v, 96r, 98v);

пацѣ x3: (30r, 103r, 105r);

рѣц-/рѣц- x3: **рѣцн** (2v), **рѣцѣтъ** (59r), **вельрѣцѣѣ** (31r);

мърц-/мрац- x2: **мърцѣ** (75v) **омрацнѣтъ сѧ** (102v);

нацнн-/наца- x2: **нацннанѣнхъ** (77v), **нацало** (101v);

облац-/облѣц- x2: **облацнѣ** (70r), **облѣцѣ сѧ** (81v);

плацѣ x2: (10v, 71r);

сѣц- x2: **отъсѣцѣтъ** (50v), **сѣцѣ** (77v);

тоуцнѣ x2: (4v, 41r);

цнсло x2: (22r, 109r);

цаст- x2: **прнцастнша сѧ** (77v), **цастѣ** (111v).

Single instances of type I **ѣ > ц** (x14):

вѣцѣра (74r), **зѣлцѣ** (113r), **нстоцнннѣ** (41v), **паоуцнноу** (21r), **отълоуцншн** (40v), **мѣцѣ** (34r), **оумоуцн** (2r), **непороцнноу** (70v), **прнтѣцю** (42v), **нсоуцн** (48r), **растоцн** (83v), **црѣва** (99r), **нѣцѣстнѣѣмн** (7v), **цюдѣса** (79v).

Multiple instances of type I' **ѣ > ц** (x36):

оуницѣж- x12: forms of **оуницѣжнѣти** (5v, 24v, 43v, 34v, 71v, 77v, 89v, 92r), **оуницѣженнѣ** (12r, 89r, 96r x2);

вѣлц- x8: **вѣзвѣлцаѣ** (2r), forms of **вѣзвѣлцнѣти сѧ** (22r, 34r, 65v, 73r) **вѣлцѣстнѣю** (111r), **вѣлцнѣ** (111r), **вѣзвѣселнмъ сѧ > вѣзвѣлцнмъ сѧ** (3v);

конѣц- x6: forms of **нсконѣцаѣти сѧ** (21r, 64r, 74v), **сконѣцаю** (112v), **конѣцнѣ** (35v, 91r);

лнц- x4: forms of **облнцнѣти** (19r, 29v, 104v), **облнцнннѣ** (47r);

грѣшннц- (adjective) x2: (81r, 104v);

овѣца x2: (adjective 55v, noun 94v);

пшѣннцн- x2: (57r, 109v).

Single instances of type I' **ѣ > ц** (x6):

лгнѣцѣмѣ (adjective 112r), **вѣнѣцаюшааго** (72r), **вѣцѣскаѣ** (74r), **ловѣца** (adjective 64v), **оѣѣстнѣѣ** (68r), **прнннцѣ** (59r).

Single instances of *tj > **ѣ > ц** (x2):

полѣцю (32r), **пнцю** (74r).

Single instance of type II **ц > ѣ**:

ѣрѣѣ (7r).

Single instances of type III $\Psi > \Upsilon$ (x3):

СКРОПНСЪУА (genitive, 28r), ЛНУА (43r), ПТЕНЬУЕМЪ (109r).

Manuscripts Cited

Amf

State Historical Museum in Moscow, MS Хлуд. 3, East Slavonic, probably 14th century [communication by A. A. Turilov, page ШМИДТ 1984: 318–9, No. 384], published in [АМФИЛОХИЙ 1880–1].

Ath

National Library of Greece, Athens, MS 1797, West Bulgarian or Macedonian, 14th century [ХАРИСИЈАДИС 1978; СТАНЧЕВ, ДЖУРОВА 1981: 34–40; МАСРОБЕРТ 2008; МАСРОБЕРТ forthcoming].

Bel

Belgrade University Library, MS 36; Museum of the Serbian Orthodox Church, MS 331; Serbian National Library, MS 589; Library of the Belgrade Patriarchate, MS 314; Museum of Applied Arts, two unnumbered bifolia; Serbian, 13th century [ЦЕРНИЋ 1981: 337 and 346; БОГДАНОВИЋ 1982: 89, nos. 1221–1224; МАСРОБЕРТ 1991 and 2008].

FnII

National Library of Russia, St. Petersburg, MS Ф.п.І.І., 14th century [communication by A. A. Turilov, page ШМИДТ 1984: 274, No. 300; SZULC 2000–01].

Har

Houghton Library, Harvard, MS Typ. 221, East Slavonic, 12th–13th century [extract published in ALTBAUER, LUNT 1978: 146–177].

Jar

Historical Museum in Yaroslavl, MS 15482, East Slavonic, 14th century [МАСРОБЕРТ 1992].

Plj

Monastery of the Holy Trinity, Pljevlja, MS 80, and Library of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, MS 45.8.263, Serbian, 13th century [ЦЕРНИЋ 1980: 363, no. 13; БОГДАНОВИЋ 1982: 89, no. 1227; МАСРОБЕРТ 1991 and 2008].

Pog6+Sof62

National Library of Russia, St. Petersburg, MS Порог. 6 and MS Соф. 62, East Slavonic, 13th–14th century; [ШМИДТ 1984: 363–4; КУПРИЯНОВ 1857: 29–31, СРЕЗНЕВСКИЙ 1861–63: 59, СРЕЗНЕВСКИЙ 1877: 60–61].

Sin6

St. Catherine's monastery, Sinai, MS Slav. 6 and Slav 6/N, plus National Library of Russia, St. Petersburg, MS Q.п.І.73 (the Bychkov fragment), East Slavonic, 11th century; published in [ALTBAUER, LUNT 1978, TARNANIDES 1988].

Sin7

St. Catherine's monastery, Sinai, MS Slav. 7, Serbian, 13th century [СПЕРАНСКИЙ 1927: 98; МАСРОБЕРТ 2008].

Sof60

National Library of Russia, St. Petersburg, MS Соф. 60, East Slavonic, 14th century [ГРАНСТРЕМ 1953: 52–53].

Sof63

National Library of Russia, St. Petersburg, MS Соф. 63, East Slavonic, 12th–13th century [ШМИДТ 2002: 653–4; КУПРИЯНОВ 1857: 29–31, СРЕЗНЕВСКИЙ 1861–63: 59, СРЕЗНЕВСКИЙ 1877: 60–61].

Bibliography

- АВТОКРАТОВА, КНЯЗЕВСКАЯ, ШМИДТ 1988
АВТОКРАТОВА М. И., КНЯЗЕВСКАЯ О. А., ШМИДТ С. О., *Каталог рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР*, 1–2, Москва, 1988.
- Амфилохий 1880–1
АРХИМАНДРИТ АМФИЛОХИЙ, *Древле-славянская Псалтирь Симоновская до 1280 года*, 1–4, 2-е изд., Москва, 1880–1881.
- БЕНЕШЕВИЧ 1911
БЕНЕШЕВИЧ В. Н., *Описание греческих рукописей Монастыря Святой Екатерины на Синае*, 1, С.-Петербург, 1911.
- БОГДАНОВИЋ 1982
БОГДАНОВИЋ Д., *Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI–XVII века)*, Београд, 1982.
- ГОРСКИЙ, НЕВОСТРУЕВ 1855
ГОРСКИЙ А. В., НЕВОСТРУЕВ К. И., *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки*, 1, Москва, 1855.
- ГРАНСТРЕМ 1953
ГРАНСТРЕМ Е. Э., *Описание русских и славянских пергаменных рукописей: рукописи русские, болгарские, молдавлахийские, сербские*, Ленинград, 1953.
- Дьяченко 1899
Дьяченко Г., *Полный церковно-славянский словарь*, Москва, 1899.
- Живов 1984/2006
Живов В. М., “Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII вв.”, *Russian Linguistics*, 8, 1984, 251–293 (= *Восточнославянское правописание XI–XIII века*), Москва, 2006, 76–130.
- Кривко 2004
Кривко Р. Н., “Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтыри”, I–II, *Русский язык в научном освещении*, 7, 2004, 80–124 and 8, 2004, 17–200.
- Куприянов 1857
КУПРИЯНОВ И., *Обозрение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки*, С.-Петербург, 1857.
- ПОГОРЕЛОВ 1901
ПОГОРЕЛОВ В. А., *Псалтыри* (= Библиотека Московской Синодальной Типографии, 1:3), Москва, 1901.
- СПЕРАНСКИЙ 1927
СПЕРАНСКИЙ М. Н., “Славянская письменность XI–XIV вв. на Синае и в Палестине”, *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук*, 32, 1927, 43–118.
- СРЕЗНЕВСКИЙ 1861–63
СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., “Древние памятники русского письма и языка”, *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, 10, 1861–1863.
- СРЕЗНЕВСКИЙ 1877
СРЕЗНЕВСКИЙ В. И., *Древний славянский перевод псалтыри. Исследование его текста и языка по рукописям XI–XIV вв.*, С.-Петербург, 1877.
- СТАНЧЕВ, ДЖУРОВА 1981
СТАНЧЕВ К., ДЖУРОВА А., “Археографски бележки от Националната библиотека в Атина”, *Старобългарска литература*, 9, 1981, 3–75.
- ТРИФУНОВИЋ 2001
ТРИФУНОВИЋ Ђ., “Псалтир светога Саве Српског”, *Slavia*, 70, 2001, 499–503.

ХАРИСИЈАДИС 1978

ХАРИСИАДИС М., “Српски рукописи у атинској Народној библиотеци”, *Зборник за ликовне уметности*, 14, 1978, 205–12.

ЦЕРНИЋ 1980

ЦЕРНИЋ Л., “Нека запажања о српским рукописима у збиркама Лењинграда”, *Археографски прилози*, 2, 1980, 359–64.

ЦЕРНИЋ 1981

ЦЕРНИЋ Л., “О атрибуцији средњовековних српских ћирилских рукописа”, у: Д. БОГДАНОВИЋ (ed.), *Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности* (= Српска Академија Наука и Уметности, Научни скупови, књ. х, Одељење језика и књижевности, књ. 2), Београд, 1981, 335–360.

ШМИДТ 2002

ШМИДТ С. О. и др. (ed.), *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в.*, 1, Москва, 2002.

ШМИДТ 1984

ШМИДТ С. О. и др. (ed.), *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.*, Москва, 1984.

ЈГИЧ 1884

ЈГИЧ В., “Четыре критико-палеографические статьи (приложение к отчету о присуждении Ломоносовской премии за 1885 год)”, *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, 33, 1884, 37–73.

АЛТБАУЕР, ЛУНТ 1978

АЛТБАУЕР М., ЛУНТ Н. G., *An Early Slavonic Psalter from Rus'*, Cambridge, Mass., 1978.

НАММ 1967

Намм J., *Psalterium vindobonense. Der kommentierte glagolitische Psalter der Österreichischen Nationalbibliothek* (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Schriften der Balkankommission, Linguistische Abteilung, 19), Vienna, 1967.

МАСРОБЕРТ 1991

МАСРОБЕРТ С. М., “The Systems of Supplementary Penitential Texts in the Psalter MSS Peć 68, Belgrade 36, and Pljevlja 80”, *Oxford Slavonic Papers*, NS 24, 1991, 1–22.

МАСРОБЕРТ 1992

МАСРОБЕРТ С. М., “Two Lykewake Psalters: The MSS Västerås/UUB5/UUB6 and Jaroslavl' 15482,” *Scando-Slavica*, 38, 1992, 108–127.

МАСРОБЕРТ 1996

МАСРОБЕРТ С. М., “The Classificatory Importance of Headings and Liturgical Directions in Church Slavonic Psalters of the 11th–15th Centuries,” *Byzantinoslavica*, 57, 1996, 156–181.

МАСРОБЕРТ 1998

МАСРОБЕРТ С. М., “The Textual Tradition of the Church Slavonic Psalter up to the Fifteenth Century,” in: J. KRAŠOVEC (ed.), *Interpretation of the Bible*, Ljubljana–Sheffield, 1998, 921–942.

МАСРОБЕРТ 2005

МАСРОБЕРТ С. М., “On the Problems of Identifying a «Preslav Redaction» of the Psalter,” in: M. DIMITROVA, P. PETKOV, I. HRISTOVA (eds.), *Studia in honorem professoris Angelinae Minčeva* (= Acta palaeoslavica, 2), Sofia, 2005, 39–46.

МАСРОБЕРТ 2008

МАСРОБЕРТ С. М., “On the Role of Memory and Oral Tradition in the Early Transmission of the Church Slavonic Psalter Text,” in: А. МИЛТЕНОВА, Е. ТОМОВА, Р. СТАНКОВА (eds.), *Християнска азиология и народни вярвания. Сборник в чест на ст. н. с. Елена Коцева*, Sofia, 2008, 340–355.

MACROBERT 2010

MACROBERT C. M., "The Impact of Interpretation on the Evolution of the Church Slavonic Psalter Text up to the Fifteenth Century." in: A. LEMAIRE (ed.) *Congress Volume Ljubljana 2007* (= Supplements to *Vetus Testamentum*, vol. 133), Leiden—Boston, 2010, 423–440.

MACROBERT FORTHCOMING

MACROBERT C. M., "The Enigmatic Athens Psalter (Greek National Library, MS 1797)," in: Ж. ЛЕВШИНА (ed.), "Слова и золота вязь". *Сборник статей памяти В. М. Загребина*, С.-Петербург (forthcoming), 338–345.

MIKLAS 2012

MIKLAS H. (ed.), *Psalterium Demetrii Sinaiticum* (= Glagolitica Sinaitica, 1), Vienna, 2012.

ONASCH 1993

ONASCH K. *Lexikon Liturgie und Kunst der Ostkirche*, Berlin—Munich, 1993.

OSTROWSKI 2009

OSTROWSKI D., "Identifying Psalmic Quotations in the *Povest' Vremennykh Let*," in: R. E. MARTIN, J. B. СПОСК (eds.), *Culture and Identity in Eastern Christian History* (= Ohio Slavic Papers, 9, Eastern Christian Studies, 1), Columbus, Ohio, 2009, 217–247.

PARPULOV 2005

PARPULOV G. R., *Towards a History of Byzantine Psalters* (D Phil dissertation, Chicago, 2004), UMI Dissertation Services, 2005.

ROTY 1983

ROTY M., *Dictionnaire russe-français des termes en usage dans l'église russe*, 2 ed., Paris, 1983.

SZULC 2000–01

SZULC A., *Leksykalne i słowotwórcze zrównicowanie cerkiewnosłowiańskich psalterzy redakcji ruskiej z XI–XIX wieku*, 2 vols. Toruń, 2000–2001.

TARNANIDES 1988

TARNANIDES I. C., *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai*, Thessaloniki, 1988.

THOMSON 1998

THOMSON F. J., "The Slavonic Translation of the Old Testament," in: J. KRAŠOVEC (ed.), *Interpretation of the Bible*, Ljubljana—Sheffield, 1998, 605–920, especially 797–825.

References

Altbauer M., Lunt H. G., *An Early Slavonic Psalter from Rus'*, Cambridge, Mass., 1978.

Avtokratova M. I., Kniazevskaia O. A., Shmidt S. O., *Katalog rukopisnykh knig XI–XIV vv., khrania-shchikhisia v TsGADA SSSR*, 1–2, Moscow, 1988.

Bogdanović D., *Inventar ćirilskih rukopisa u Jugoslaviji (XI–XVII veka)*, Belgrade, 1982.

Cernić L., "Neka zapažanja o srpskim rukopisima u zbirkama Lenjingrada," *Arhejografski prilozi*, 2, 1980, 359–64.

Cernić L., "O atribuciji srednjovekovnih srpskih ćirilskih rukopisa," u: D. Bogdanović (ed.), *Tekstologija srednjovekovnih južnoslovenskih književnosti* (= Srpska Akademija Nauka i Umetnosti, Naučni skupovi, knj. x, Odeljenje jezika i književnosti, knj. 2), Belgrade, 1981, 335–360.

Granstrem E. E., *Opisanie russkikh i slavianskikh pergamenykh rukopisei: rukopisi russkie, bolgarskie, moldovlakhiijskie, serbskie*, Leningrad, 1953.

Hamm J., *Psalterium vindobonense. Der kommentierte glagolitische Psalter der Österreichischen Nationalbibliothek* (= Österreichische Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Schriften der Balkankommission, Linguistische Abteilung, 19), Vienna, 1967.

Harisijadis M., "Srpski rukopisi u atinskoj Narodnoj biblijoteci," *Zbornik za likovne umetnosti*, 14, 1978, 205–12.

Kniazevskaia O. A., Kobiak N. A., Lifshits A. L., Tikhomirov N. B., Turilov A. A., Shelamanova N. B. (eds.), *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khrania-shchikhisia v Rossii, stranakh SNG i Baltii. XIV v.*, 1, Moscow, 2002.

Krivko R. N., "Grafičko-orfografičeskie sistemy Bychkovsko-Sinaiskoi psaltyri," I–II, *Russkii iazyk v nauchnom osvshchenii*, 7, 2004, 80–124 and 8, 2004, 17–200.

MacRobert C. M., "The Systems of Supplementary Penitential Texts in the Psalter MSS Peč 68, Belgrade 36, and Pljevlja 80," *Oxford Slavonic Papers*, ns 24, 1991, 1–22.

MacRobert C. M., "Two Lykewake Psalters: The MSS Västerås/UUB5/UUB6 and Jaroslavl' 15482," *Scando-Slavica*, 38, 1992, 108–127.

MacRobert C. M., "The Classificatory Importance of Headings and Liturgical Directions in Church Slavonic Psalters of the 11Th–15Th Centuries," *Byzantinoslavica*, 57, 1996, 156–181.

MacRobert C. M., "The Textual Tradition of the Church Slavonic Psalter up to the Fifteenth Century," in: J. Krašovec (ed.), *Interpretation of the Bible*, Ljubljana – Sheffield, 1998, 921–942.

MacRobert C. M., "On the Problems of Identifying a «Preslav Redaction» of the Psalter," in: M. Dimitrova, P. Petkov, I. Hristova (eds.), *Studia in honorem professoris Angelinae Minčeva* (= Acta palaeoslavica, 2), Sofia, 2005, 39–46.

MacRobert C. M., "On the Role of Memory and Oral Tradition in the Early Transmission of the Church Slavonic Psalter Text," in: A. Miltenova, E. Tomova, R. Stankova (eds.), *Khristiianska agiologija i narodni viarvania. Sbornik v chest na st. n. s. Elena Kotseva*, Sofia, 2008, 340–355.

MacRobert C. M., "The Impact of Interpretation on the Evolution of the Church Slavonic Psalter Text up to the Fifteenth Century," in: A. Lemaire (ed.) *Congress Volume Ljubljana 2007* (= Supplements to *Vetus Testamentum*, vol. 133), Leiden–Boston, 2010, 423–440.

MacRobert C. M., "The Enigmatic Athens Psalter (Greek National Library, MS 1797)," in: Zh. Levshina (ed.), "Slova i zolota viaz'." *Sbornik sta-*

tei pamiati V. M. Zagrebina, St. Petersburg (forthcoming), 338–345.

Miklas H. (ed.), *Psalterium Demetrii Sinaiticum* (= Glagolitica Sinaitica, 1), Vienna, 2012.

Onasch K., *Lexikon Liturgie und Kunst der Ostkirche*, Berlin–Munich, 1993.

Ostrowski D., "Identifying Psalmic Quotations in the *Povest' Vremennykh Let*," in: R. E. Martin, J. B. Spock (eds.), *Culture and Identity in Eastern Christian History* (= Ohio Slavic Papers, 9, Eastern Christian Studies, 1), Columbus, Ohio, 2009, 217–247.

Roty M., *Dictionnaire russe-français des termes en usage dans l'église russe*, 2 ed., Paris 1983.

Speranskii M. N., "Clavianskaia pis'mennost' XI–XIV vv. na Sinae i v Palestine," *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Akademii nauk*, 32, 1927, 43–118.

Stanchev K., Dzhurova A., "Arheografski belezhki ot Natsionalnata biblioteka v Atina," *Starobŭlgarska literatura*, 9, 1981, 33–75.

Szulc A., *Leksykalne i słowotwórcze zrównicowanie cerkiewnosłowiańskich psalterzy redakcji ruskiej z XI–XIX wieku*, 2 vols. Torun, 2000–2001.

Tarnanides I. C., *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai*, Thessaloniki, 1988.

Thomson F. J., "The Slavonic Translation of the Old Testament," in: J. Krašovec (ed.), *Interpretation of the Bible*, Ljubljana – Sheffield, 1998, 605–920, especially 797–825.

Trifunović Đ., "Psaltir svetoga Save Srpskog," *Slavia*, 70, 2001, 499–503.

Zhivov V. M., "Pravila i proiznoshenie v ruskom tserkovnoslavianskom pravopisanii XI–XIII vv.," *Russian Linguistics*, 8, 1984, 251–293.

Zhukovskaia L. P., Tikhomirov N. B., Shelamanova N. B. (eds.), *Svodnyi katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig, khraniashchikhsia v SSSR. XI–XIII vv.*, Moscow, 1984.

Catherine Mary MacRobert, DPhil

University Lecturer in Russian Philology and Comparative Slavonic Philology

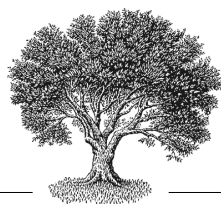
Lady Margaret Hall,

Oxford,

OX2 6QA,

United Kingdom

catherine.macrobot@lmh.ox.ac.uk

Два кратких
глаголических
граффити
в монастыре
св. Наума
под Охридом
и в Св. Софии
в Стамбуле

Two Short
Glagolitic
Graffiti
in St. Naum's
Monastery
near Ohrid and
in Hagia Sophia
in Istanbul

Савва Михайлович Михеев

Институт славяноведения
Российской академии наук,
Москва

Savva M. Mikheev

Institute of Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow

Резюме

В статье впервые публикуются две краткие глаголические надписи-граффити: надпись конца X–XI века **†ѠѢѢѢѢѢѢѢѢѢ АЛЕКЪСАДРЪ** из церкви святых Архангелов в монастыре святого Наума на южном берегу Охридского озера в Македонии и надпись **†Р АН** из собора Святой Софии в Стамбуле (Константинополе) в Турции.

Ключевые слова:

Македония, Охрид, монастырь св. Наума, Турция, Стамбул, собор Св. Софии, X–XI вв., эпиграфика, граффити, история славянских языков, македонский язык, Западная Болгария, глаголица, палеография, Мариинское Евангелие

Abstract

This paper offers a publication of two short Glagolitic graffiti inscriptions: the inscription **†ѠѢѢѢѢѢѢѢѢѢ ALEKЪSEDRЪ**, dating back to the late 10th or 11th

century from St. Archangels' Church in St. Naum's Monastery on the southern bank of Lake Ohrid in Macedonia, and the inscription ✠P AN , in Hagia Sophia, Istanbul (Constantinople), Turkey.

Keywords:

Macedonia, Ohrid, St. Naum's Monastery, Turkey, Istanbul, Hagia Sophia, 10th–11th centuries, epigraphy, graffiti, history of Slavic languages, Macedonian language, Western Bulgaria, Glagolitsa, paleography, Codex Marianus

Данная статья посвящена двум глаголическим надписям: в церкви святых Архангелов в монастыре преподобного Наума на Охридском озере и в соборе Святой Софии в Стамбуле. Ниже дается предварительная публикация этих надписей и их краткий анализ¹.

До 2013 года на территории Македонии и ее ближайших окрестностей, то есть в том регионе, где было создано большинство сохранившихся древнейших глаголических рукописей, выявлены следующие памятники глаголической эпиграфики.

1. Глаголическо-кириллическая надпись $\text{P}\text{X}(\text{H})\text{X}\text{A}\text{H}$ ПОПЪ (*Ник(к)оула попъ*) на западной стороне южного столба церкви святых Архангелов в монастыре святого Наума на южном берегу Охридского озера, в Македонии. Кроме глаголическо-кириллической надписи опубликованы и две ранние кириллические надписи из церкви святых Архангелов: одна из них находится рядом с надписью Никулы, а другая — на соседнем, северном, столбе (оба столба выполнены из мрамора). Данные надписи публиковались Й. Ивановым [1908: 217 (№№ 21–22); 1931: 53 (№ 40)], В. Штефаничем [ШТЕФАНИК 1966: 25–26, таб. II: 1–2 (= ŠTEFANIĆ 1969: 29–30, sl. VI–VII)], Б. Фучичем [Fučić 1982: 334], Ф. В. МАРЕШЕМ [2008 (перепечатка статьи 1985 года)], Ц. Гроздановым [1995: 31–34]. Глаголическо-кириллическую надпись датируют либо концом X — началом XI века (В. Штефанич, Ф. В. Мареш), либо XII веком (Б. Фучич, Ц. Грозданов), а кириллические надписи, по мнению Ф. В. Мареша, относятся одна к концу X века, а другая к XI — началу XIII века².

¹ Автор сердечно признателен архимандриту монастыря преподобного Наума отцу Нектарию за предоставленную возможность изучить и сфотографировать надписи в церкви св. Архангелов. Марине А. Бобрик, Алексею А. Гиппиусу, Матео Жагару, Хайнцу Микласу, Алексею М. Пентковскому, Штефану Пилату, Анастасии К. Поливановой, Анатолию А. Турилову, Эмили Црвенковской, Марице Чунчич — моя глубокая благодарность за помощь в работе над данной статьей.

² Свой современный архитектурный облик церковь св. Архангелов получила уже во время османского владычества. До этого колонны с надписями находились в первоначальном монастырском храме, созданном на рубеже IX–X веков. Подробнее см. [Коцо 1966; Грозданов 1995].

2. Граффити, которые можно интерпретировать как надписи $\text{†}\text{𐌺}$ (*аб*) и 𐌸 или 𐌶 (*в* или *д*), на мраморной плите из церкви святого Николая в селе Крупиште в Брегалницкой епархии на востоке Македонии. Надписи хаотично расположены на камне вперемешку с крестами и другими более или менее ясными символами, в том числе знаками, которые можно понять как кириллические буквы. Другие многочисленные камни с разбросанными на них надписями, в том числе с буквами, похожими на глаголические, выявлены в Крупиште и в соседних селах. Материалы опубликованы археологом Б. Алексовой [1989: 107–118, 287 (ил. 122) и след.]³.

3. Надпись ШЭЖШ... (*шест...*) на обломке корчаги из Чечана на севере Косова (к югу от города Косовская Митровица), датируемая временем не позднее XI века⁴.

2 октября 2013 года на северной стороне южной колонны в церкви святых Архангелов монастыря святого Наума удалось обнаружить еще одну глаголическую надпись (рис. 1).

Между четвертой и пятой буквами видим вертикальный штрих, предшествовавший нанесению надписи-граффито: из-за него писавший сделал в этом месте небольшой отступ. Поверх надписи в древности был нанесен рисунок-граффито, изображающий здание с треугольной крышей (возможно, церковь). Основная часть рисунка выполнена длинными горизонтальными и вертикальными штрихами, которые пришлось поверх пяти последних букв надписи. Наложение рисунка на надпись особенно заметно в правой части шестой и в правой части восьмой букв. Наиболее значительно повреждены седьмая и последняя (десятая) буквы надписи⁵.

Текст надписи таков: $\text{†}\text{𐌺}\text{Э}\text{†}\text{Ж}\text{Э}\text{С}\text{𐌶}\text{Ж}$, то есть *АЛЕКЪСАДРЪ*.

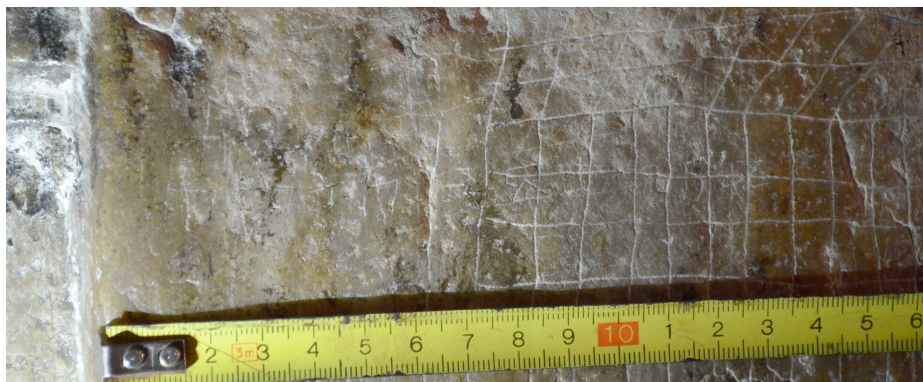
Рассмотрим отличительные черты палеографии данной надписи.

³ Исследовательница считала возможным датировать брегалницкие надписи IX–X веками. Это мнение поддержано Л. Славевой [1998].

Отмечу, что надписи из монастыря св. Наума и из Брегалницкой епархии не входят в каталоги староболгарских надписей К. Попконстантинова и О. Кронштайна, где приводятся те надписи с территории Македонии, которые либо датированы [POPKONSTANTINOV, KRONSTEINER 1994: 13–16, 243–244; POPKONSTANTINOV, KRONSTEINER 1997: 97–98, 107–109, 121–123, 137–139, 141–143, 157–158], либо находятся в непосредственной близости от болгарской границы [POPKONSTANTINOV, KRONSTEINER 1997: 87–88]. В их книге 1997 года все надписи воспроизведены по изданию Й. Иванова.

⁴ См. [Трифунувич 2001: 167–169] об этой и двух других глаголических надписях, обнаруженных на территории, населенной сербами (только описание, без иллюстраций). Две другие сербские глаголические надписи — столь же краткие, как и надпись из Чечана — выявлены близ Дуная в Сербии, недалеко от болгарской и румынской границ.

⁵ На прориси обозначены только уверенно читаемые штрихи надписи.

Н Ѡ ѡ ѣ Н ѡ ѡ ѣ ѡ ѡ ѡ ѡ

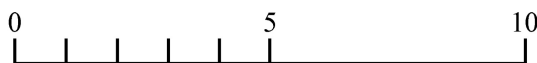

Рис. 1. Фотография и прорись надписи в монастыре св. Наума
Fig. 1. Photograph and line drawing of the inscription in St Naum's Monastery

Буква **†** *A* с длинными засечками, опускающимися до низа строки, регулярно встречается в памятниках, начиная с Мариинского Евангелия (Западная Болгария, начало XI века)⁶.

Ѡ *D* имеет округлый верх, петли округлы, верх соединяется с петлями в их верхних точках. Сходный вид буква **ѡ** имеет в ряде памятников X–XII веков: в Ассеманиевом Евангелии (Западная Болгария, XI век), на вставных листах Зографского Евангелия (Западная Болгария, XI–XII века), на Башчанской плите (остров Крк, около 1100 года), в отрывках Гршковича и Михановича (Сербия или Хорватия, XII век), в надписи № 1 из Круглой церкви в Преславе [PORKONSTANTINOV, KRONSTEINER 1994: 166–167]⁷.

⁶ Подробнее о начерках **†** см. [Ягичъ 1911: 182; Fučić 1982: 9].

Места происхождения и даты рукописей и надписей здесь и ниже даются более или менее условно, так как большинство глаголических памятников не имеют точных датировок и географических привязок.

⁷ Датировка глаголических надписей из Круглой церкви X веком несколько сомнительна ввиду написания слова *ты* как **ѠѠѠ** (*mi*) в надписи № 2.

Начертание Э *E* выделяется тем, что сначала выполнена горизонталь, а лишь затем “полукруглая” часть буквы.

Верхняя петля буквы Ѧ *L* примыкает к горизонтали, левой своей стороной смыкаясь с краем левой петли; похожий облик Ѧ ср. в Ассеманиевом Евангелии, в Кркской надписи (X–XI века) [Fučić 1982: 223–224], в Мариинском Евангелии, в Синайской Псалтыри (западноболгарский писец, XI век).

Начертание Ъ *P* весьма характерно: нижняя “горизонталь” петли скошена. Ближайшие параллели такому Ъ находятся в Киевских листках (чешский или моравский писец, X век), в Синайской Псалтыри и в Пражских отрывках (Чехия, конец XI — начало XII века). В других памятниках такой вариант Ъ не известен.

Буква Ѣ *C* представлена в типичном раннем варианте с округлым верхним элементом.

Буква Ѽ *T*, встреченная в надписи дважды, отличается двумя особенностями. Основная ее часть выполнена четырьмя прямыми линиями: двумя штрихами, перекрещивающимися в центре, и двумя горизонтальными штрихами, ограничивающими букву сверху и снизу. Такой же рисунок Ѽ видим на первой странице Киевских листков (написанной позднее остального текста, вероятно, в XI веке) и в первом почерке надписи из Жупы Дубровачкой (юг Далмации, XI век) [Ѓунџић, Реркић 2009]⁸. Сходный рисунок представлен также в надписи на оловянном амулете из Хаскова (юг Болгарии, X — середина XI века) [Попконстантинов 2009: 345]⁹ и во втором почерке надписи из Жупы Дубровачкой: в этих памятниках основная часть буквы сильно наклонена влево. Вторая особенность заключается в том, что молоточек отходит влево не от середины высоты буквы, а значительно ниже, что находит себе параллель в почерке Пражских отрывков и в верхней части (первом почерке) надписи из Жупы Дубровачкой. В памятниках более поздних, чем XI век, такие начертания не встречаются.

Буква Ѧ *A* несколько повреждена штрихами рисунка, нанесенного поверх надписи. Не вполне ясно, был ли у этой буквы один или два горизонтальных штриха.

Следует отметить использование для обозначения малого юса графемы Ѧ вместо более древнего диграфа ЭѦ. Такая графическая система свойственна большинству глаголических текстов, исключая несколько памятников X–XI веков, написанных на Синае и в Древней Руси. Отсут-

⁸ Ср. также букву Ѽ похожего облика — в виде песочных часов, представленную в сборнике Клоца (Западная Болгария или Сербия, XI век) и в надписи № 16 из Новгорода (вероятно, середина XI — начало XII века) [Михеев 2012: 79, 92].

⁹ В этой надписи буква Ѽ наклонена против часовой стрелки.

ствие графемы **Є** в древнерусских надписях говорит в пользу датировки реформы орфографии, связанной с введением этой буквы, временем не раньше конца X — начала XI века, когда глаголическая письменность была воспринята на Руси¹⁰.

Яркой языковой чертой надписи является передача иноязычного звукосочетания [an] через юс малый. Такое написание фиксируется в нескольких рукописях западноболгарского (македонского) происхождения: см. формы (1) **†ⲀⲞⲉⲛⲈⲚⲈⲘⲞⲠⲚⲞⲠⲚⲞⲠ** (*александрову*) в Мариинском Евангелии (Мк 15.21)¹¹, (2) *александриѣ* в Загребской триоди первой половины XIII века¹² (23г.13) [Црвенковска 1999: 24, 147], (3) *алеѡандрова* в Орбельской триоди примерно второй половины XIII века (22b.3) [Црвенковска, Макаријоска 2010: 26, 154]¹³, (4) *александрьскаго* (sic!, 73г.23), *александра* (sic!, 86v.20) в Струмицком (Македонском) Апостоле второй половины XIII века [Блахова, Хауптова 1990: 288, 342]¹⁴. Судя по всему, произношение сочетания *an* в виде назализованного гласного в заимствованных словах было свойственно именно западноболгарским (македонским) говорам, в которых малый юс был гласным типа *ǣ* — назализованным гласным открытого образования, близким к среднему ряду¹⁵.

¹⁰ Отмечу также наличие вставного ера между согласными *к* и *с*. К сожалению, судить о причине вставки ера нельзя: это могла быть и особенность произношения автора надписи, и особенность графической системы, то есть орфографическая условность.

¹¹ См. в издании [Ягичъ 1883: 181] (в кириллической транслитерации). Больше нигде в Мариинском Евангелии слова с этим корнем не встречаются.

¹² Благодарю А. А. Турилова за ценные консультации по вопросу датировки упоминаемых в статье рукописей.

¹³ Отмечу, что в Словаре церковнославянского языка македонской редакции [Речник 2006: 247] ошибочно указаны чтения Орбельской триоди (ошибочное *алеѡандрова* в словаре) и Шафариковой триоди (ошибочное *александрию* в словаре вместо *александрию* в рукописи (1v.12); благодарю Э. Црвенковскую за возможность ознакомиться с фотокопией данного листа).

¹⁴ Данные словоформы находятся в заголовках чтений. Ср. также словоформу *александрѣ* (Деян 4.6) во Вранешницком Апостоле XIII века — так эта словоформа передана в словаре [Речник 2006: 248]. Впрочем, Б. Конески воспроизводит это чтение иначе и цитирует словоформы *александрѣ* (6б) и *александрьска* (10б) [Конески 1956: 19].

¹⁵ См. упоминания в литературе [Ван-Вейк 1957: 207; Вайан 1952: 40; Селищев 1951: 271; Конески 1956: 19; Конески 1965: 35; Конески 1981: 46; Тотоманова 1991: 259–260; Црвенковска 1999: 24; Црвенковска, Макаријоска 2010: 26; Пилат 2013: 171]. В пару к форме *александрову* из Мариинского Евангелия Н. Ван-Вейк, А. М. Селищев и Б. Конески приводят форму *константинъ* из Сборника Клоца. Между тем, в действительности в соответствующем месте в Сборнике Клоца читается форма **†ⲀⲞⲈⲠⲚⲞⲠⲚⲞⲠⲚⲞⲠ** (*кон|стантинъ*) II, 24–25 (см. фотокопию [Dostál 1959: 22] и наборные издания [Miklosich 1860: 10; Срезневский 1866: 172]). Ошибочный пропуск буквы **Ⲡ** Н восходит к наборному изданию [Vondrák 1893: 50] (эта ошибка повторяется в более позднем издании [Dostál 1959: 58, 149] и в пражском словаре [SJS 1973: 46]). Нельзя здесь не отметить другой ошибки пражского

Таким образом, палеографические и лингвистические особенности надписи указывают на то, что она была создана носителем местного диалекта примерно в XI веке или в конце X века. Датировку в первую очередь определяют архаичные начертания букв Ѡ Д, Ъ Р, Ѣ С, Ѥ Ъ, а локализацию — написание слова через малый юс. Несмотря на краткость граффито, можно отметить, что ближайший к нему и по характеру почерка и по языку памятник письменности — это Мариинское Евангелие, переписанное в Западной Болгарии ориентировочно в начале XI века¹⁶. Кроме того, почерк Александра палеографически очень сходен с первым почерком надписи-граффито XI века на черепице из Жупы Дубровачкой (на южной оконечности Далмации).

Завершая здесь краткий анализ публикуемой надписи, следует добавить, что весь комплекс древних граффито на столбах церкви св. Архангелов в монастыре св. Наума, несомненно, заслуживает более тщательного специального исследования с применением всего доступного арсенала методов эпиграфики, истории архитектуры и лингвистики¹⁷.

Перейдем к глаголической надписи в Софийском соборе в Стамбуле. Насколько мне известно, найденное граффито — пока единственный памятник глаголической эпиграфики с территории Турции.

Благодаря трудам Ю. А. Артамонова, А. А. Гиппиуса и И. В. Зайцева в последние годы количество выявленных древних *кириллических* надписей в Св. Софии превысило 70. Подавляющее большинство из них принадлежит паломникам из Руси, и лишь одна определяется как южнославянская¹⁸.

В ходе частичного осмотра некоторых стен северной галереи хор Софийского собора 5 октября 2013 года на мраморной облицовке южной стороны восточной лопатки северной стены северной галереи, в 28 см от левого края и примерно в 133 см от пола, обнаружена надпись, состоящая из двух крупных глаголических букв (рис. 2).

словаря, который указывает на наличие формы *костлѣтинъ* в Похвальном слове Кириллу и Мефодию по Успенскому сборнику рубежа XII–XIII веков [SJS 1973: 45]. В изданиях же находим форму *костлѣтинъ* 1106b.21–22 [Шахматовъ, Лавровъ 1899: 160; Князевская, Демьянов, Ляпон 1971: 200].

¹⁶ О происхождении Мариинского Евангелия см., в частности, [Милетичъ 1886; Бузук 1925; Lunt 2001: 7].

¹⁷ В качестве предварительного замечания необходимо отметить, что гласный *ou* вместо ожидаемого *o* в имени *Ни(к)оула* в расположенной рядом с опубликованным мной граффито глаголическо-кириллической надписи представляет собой один из многочисленных случаев передачи иноязычного [o] через *ou* в славянских языках; ср. [Шахматовъ 1915: 165; Вайан 1952: 39; Селищев 1951: 119]. Ср. иную трактовку Ф. В. Мареша [2008: 236].

¹⁸ Это надпись “† Азь писаѣ Нѣнчюѣ граматикъ” (XIV–XV века), автор которой, предположительно, был молдо-влахийского происхождения [Артамонов, Гиппиус 2012: 49; Артамонов, Гиппиус, Зайцев 2012: 286].

Рис. 2. Фотография и прорись надписи в св. Софии
 Fig. 2. Photograph and line drawing of the inscription in Hagia Sophia

Вокруг надписи расположены другие граффити: греческая надпись, рисунки, кресты. Непосредственно справа от надписи другой рукой начертан крест, не имеющий отношения к глаголическому тексту.

Текст надписи таков: **PH AH**. Перед нами недописанное слово — *Андрей, Антоний, Анастас* или подобное¹⁹.

О начертании **PH** с длинными засечками см. выше.

Буква **PH** в данной надписи имеет уникальное начертание: без нижней горизонтали и с треугольной петлей, правый угол которой направлен вверх. Нижняя горизонталь (отворот влево внизу строки) буквы **PH** практически утрачена в одном из вариантов начертания этой буквы в Охридском Апостоле первой половины XIII века²⁰, хотя там отворот не отсутствует вовсе, а заменен короткой горизонтальной засечкой. Впрочем, наиболее правдоподобным объяснением отсутствия нижней горизонтали в стамбульской надписи кажется то, что эта буква не была дописана, как и слово целиком. Наличие верхнего горизонтального отворота буквы **PH** позволяет датировать граффито временем не позднее XIII века [Fučić 1982: 12]²¹.

Случайные находки глаголических надписей на Охридском озере и в Стамбуле свидетельствуют о том, что многие глаголические граффити на стенах церквей в разных частях Балканского полуострова еще ждут своих исследователей. В то время как в Восточной Болгарии и в Дал-

¹⁹ М. Чунчич в беседе с автором этих строк высказала предположение, что это могло быть слово *анагема*.

²⁰ А. А. Турилов датирует Охридский Апостол временем архиепископства Димитрия Хоматиана (1216–1236 годы). Благодарю А. А. Турилова за это указание.

²¹ Ср. также [КАРЕТАНИЋ, ŽAGAR 2001: 27] о других вариантах буквы **PH** с треугольными петлями.

мации выявлены десятки древних глаголических надписей, во многих других регионах последовательные эпиграфические исследования не ведутся, что не позволяет нам пока полноценно судить о путях и масштабах распространения глаголицы на Балканах.

Литература

АЛЕКСОВА 1989

АЛЕКСОВА Б., *Епископијата на Брегалница: Прв словенски црковен и културно-просветен центар во Македонија*, Прилеп, 1989.

АРТАМОНОВ, ГИППИУС 2012

АРТАМОНОВ Ю. А., ГИППИУС А. А., “Древнерусские надписи Софии Константинопольской”, в: К. В. НИКИФОРОВ (отв. ред.), *Славянский альманах 2011*, Москва, 2012, 41–52.

АРТАМОНОВ, ГИППИУС, ЗАЙЦЕВ 2012

АРТАМОНОВ Ю. А., ГИППИУС А. А., ЗАЙЦЕВ И. В., “Древнерусские надписи-граффити Константинопольской Софии: Предварительные итоги исследования”, в: В. Б. ПЕРХАВКО (сост.), *1150 лет Российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.)*, Москва, 282–292.

БЛАХОВА, ХАУПТОВА 1990

БЛАХОВА Е., ХАУПТОВА З. (подг.), *Струмички (Македонски) апостол: Кирилски споменик од XIII век*, Скопје, 1990.

БУЗУК 1925

БУЗУК П. А., “Замечания о Мариином евангелии. (Продолжение)”, *Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук, 1924 года*, 1925, XXIX, 307–368.

ВАЙАН 1952

ВАЙАН А., *Руководство по старославянскому языку*, Москва, 1952.

ВАН-ВЕЙК 1957

ВАН-ВЕЙК Н., *История старославянского языка*, Москва, 1957.

ГРОЗДАНОВ 1995

ГРОЗДАНОВ Ц., “Триконхалната црква на Свети Наум Охридски”, в: Ц. ГРОЗДАНОВ, *Свети Наум Охридски*, Скопје, 1995, 27–36.

ИВАНОВЪ 1908

ИВАНОВЪ Й., *Български старини изъ Македония*, София, 1908.

ИВАНОВЪ 1931

ИВАНОВЪ Й., *Български старини изъ Македония*, второ, доп. изд., София, 1931.

КНЯЗЕВСКАЯ, ДЕМЬЯНОВ, ЛЯПОН 1971

КНЯЗЕВСКАЯ О. А., ДЕМЬЯНОВ В. Г., ЛЯПОН М. В. (изд. подг.), *Успенский сборник XII–XIII вв.*, под ред. С. И. Коткова, Москва, 1971.

КОНЕСКИ 1956

КОНЕСКИ Б. (приред.), *Вранешнички апостол*, Скопје, 1956.

КОНЕСКИ 1965

КОНЕСКИ Б., *Историја на македонскиот јазик*, Скопје, 1965.

КОНЕСКИ 1981

КОНЕСКИ Б., *Историја на македонскиот јазик*, Скопје, 1981.

Коцо 1966

Коцо Д., “Триконхалните цркви во Климентовото време”, в: П. Х. Илиевски (отг. ред.), *Словенска писменост: 1050-годишнина на Климент Охридски*, Охрид, 1966, 91–100.

МАРЕШ 2008

МАРЕШ Ф. В., “Стари словенски натписи (графити) во црквата на манастирот Свети Наум на Охридското Езеро”, в: Ф. В. МАРЕШ, *Компаративна фонологија и морфологија на македонскиот јазик*, Скопје, 2008, 233–238.

МИЛЕТИЧЬ 1886

МИЛЕТИЧЬ Л., “Особноститѣ на езику во Марийскиот паметник”, *Периодическо списание на Българското книжовно дружество во Сръдецѣ*, 1886, XIX–XX, 219–252.

МИХЕЕВ 2012

МИХЕЕВ С. М., “22 древнерусских глаголических надписи-графити XI–XII веков из Новгорода”, *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 2012, 62, 63–99.

ПИЛАТ 2013

ПИЛАТ Ш., “Орфографические, фонетические и морфологические особенности Скопльского Апостола, церковнославянского памятника 1313 года”, в: М. БОБРИК (сост.), *Славянский Апостол: История текста и язык*, München; Berlin; Washington, 2013 (= *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*, 21), 165–181.

ПОПКОНСТАНТИНОВ 2009

ПОПКОНСТАНТИНОВ К., “Заклинателни молитви върху оловни амулети от средновековна България и паралелите им в Требнице от средновековна Сърбия”, *Зборник радова Византолошког института*, 2009, 46, 341–350.

РЕЧНИК 2006

Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција, I: Вовед. Ѓ – Бждџџици, З. РИБАРОВА (гл. уредник), Скопје, 2006.

СЕЛИЩЕВ 1951

СЕЛИЩЕВ А. М., *Старославянский язык*, I: Введение. Фонетика, Москва, 1951.

СЛАВЕВА 1998

СЛАВЕВА Л., “Траги од предморавска писменост во Македонија”, в: В. М. ЗАГРЕБИН (сост. и отв. ред.), *Русь и южные славяне: Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987)*, С.-Петербург, 1998, 150–157.

СРЕЗНЕВСКИЙ 1866

СРЕЗНЕВСКИЙ И. И., *Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы*, С.-Петербург, 1866.

ТОТОМАНОВА 1991

ТОТОМАНОВА А.-М., “Правописните особености на Орбелскиот триод и фонетичната система на говора, отразен во него”, *Кирило-Методиевски студии*, 1991, 8, 253–263.

ТРИФУНОВИЌ 2001

ТРИФУНОВИЌ Ђ., *Ка почецима српске писмености*, Београд, 2001.

ЦРВЕНКОВСКА 1999

ЦРВЕНКОВСКА Е. (приред.), *Загребски триод*, Скопје, 1999 (= *Стари текстови*, VII).

ЦРВЕНКОВСКА, МАКАРИЈОСКА 2010

ЦРВЕНКОВСКА Е., МАКАРИЈОСКА Л. (приред.), *Орбелски триод*, Скопје, 2010 (= *Стари текстови*, X).

ШАХМАТОВЪ 1915

ШАХМАТОВЪ А. А., “Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка”, в: И. В. Ягичъ (ред.), *Энциклопедія славянской филологіи*, II.1, Петроградъ, 1915.

ШАХМАТОВЪ, ЛАВРОВЪ 1899

ШАХМАТОВЪ А. А., ЛАВРОВЪ П. А. (изд.), *Сборникъ XII вѣка Московскаго Успенскаго собора*, I, Москва, 1899.

ШТЕФАНИЌ 1966

ШТЕФАНИЌ В., "Првобитното словенско писмо и најстарата глаголска епиграфика", в: П. Х. Илиевски (отг. ред.), *Словенска писменост: 1050-годишнина на Климент Охридски*, Охрид, 1966, 13–33.

Ягичъ 1883

Ягичъ И. В. (изд.), *Памятникъ глаголической письменности Мариинское Четвероевангелие съ примѣчаніями и приложениями. Quattuor Evangeliorum versionis Palaeoslovenicae: Codex Marianus glagoliticus. Characteribus cyrillicis transcriptum*, С.-Петербургъ; Berolini, 1883.

Ягичъ 1911

Ягичъ И. В., "Глаголическое письмо", в: И. В. Ягичъ (ред.), *Энциклопедія славянской филологии*, 3: *Графика у Славянъ*, С.-Петербургъ, 1911, 51–257.

ČUNČIĆ, PERKIĆ 2009

ČUNČIĆ М., PERKIĆ М., "Hrvatski glagoljski natpis Župe dubrovačke iz 11. stoljeća", *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 2009, 59, 77–122.

DOSTÁL 1959

DOSTÁL A. (k vyd. přípr.), *Clozianus: Codex palaeoslovenicus glagoliticus, Tridentinus et Oenipontanus. Clozianus: Staroslověnský hlaholský sborník Tridentický a Innsbrucký*, Praeae, 1959.

FUČIĆ 1982

FUČIĆ В., *Glagoljski natpisi*, Zagreb, 1982 (= *Djela Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*, 57).

КАРЕТАНИЌ, ŽAGAR 2001

КАРЕТАНИЌ Н., ŽAGAR М., "Najjužniji hrvatski glagoljski natpis", *Anali Zavoda za povijesne znanosti Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti*, 2001, 39, 9–48.

LUNT 2001

LUNT H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin; New York, 2001.

MIKLOSICH 1860

MIKLOSICH F., *Zum Glagolita Clozianus*, Wien, 1860.

POPKONSTANTINOV, KRONSTEINER 1994

POPKONSTANTINOV К., KRONSTEINER О., *Старобългарски надписи. Altbulgarische Inschriften*, 1, Wien, 1994 (= *Die Slawischen Sprachen*, 36).

POPKONSTANTINOV, KRONSTEINER 1997

POPKONSTANTINOV К., KRONSTEINER О., *Старобългарски надписи. Altbulgarische Inschriften*, 2, Wien, 1997 (= *Die Slawischen Sprachen*, 52).

SJS 1973

Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae, II: K – O, Praha, 1973.

ŠTEFANIĆ 1969

ŠTEFANIĆ В., "Првобитно slavensko pismo i najstarija glagoljska epigrafika", *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 1969, 18–19, 7–40, sl. I–XVIII.

VONDRÁK 1893

VONDRÁK V. (vyd.), *Glagolita Clozův*, V Praze, 1893.

References

Aleksova B., *Episkopijata na Bregalnica: Prv slovenski crkoven i kulturno-prosveten centar vo Makedonija*, Prilep, 1989.

Artamonov Iu. A., Gippius A. A., "Drevnerusskie nadpisi Sofii Konstantinopol'skoi," in: K. V. Nikiforov (ed.), *Slavianskii al'manakh 2011*, Moscow, 2012, 41–52.

Artamonov Iu. A., Gippius A. A., Zaitsev I. V., "Drevnerusskie nadpisi-graffiti Konstantinopol'skoi

Sofii: Predvaritel'nye itogi issledovaniia," in: V. B. Perkhavko (ed.), *1150 let Rossiiskoi gosudarstvennosti i kul'tury: Materialy k Obshchemu sobraniuu Rossiiskoi akademii nauk, posviashchennomu Godu rossiiskoi istorii (Moskva, 18 dekabria 2012 g.)*, Moscow, 282–292.

Bláhová E., Hauptová Z. (podg.), *Strumički (Makedonski) apostol: Kirilski spomenik od XIII vek*, Skopje, 1990.

Buzuk P. A., "Zamechaniia o Mariiromskom evan-gelii. (Prodolzhenie)," *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Rossiiskoi akademii nauk*, 1924 go-da, 1925, XXIX, 307–368.

Crvenkovska E. (ed.), *Zagrepski trijod*, Skopje, 1999 (= *Stari tekstovi*, VII).

Crvenkovska E., Makarijoska L. (eds.), *Orbelski trijod*, Skopje, 2010 (= *Stari tekstovi*, X).

Čunčić M., Perkić M., "Hrvatski glagoljski natpis Župe dubrovačke iz 11. stoljeća," *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 2009, 59, 77–122.

Dostál A. (k vyd. přípr.), *Clozianus: Codex palaeoslovenicus glagoliticus, Tridentinus et Oenipontanus. Clozianus: Staroslověnský hlalohský sborník Tridentický a Innsbrucký*, Pragae, 1959.

Fučić B., *Glagoljski natpisi*, Zagreb, 1982 (= *Djela Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*, 57).

Grozdanov C., "Trikonhalnata crkva na Sveti Naum Ohridski," in: C. Grozdanov, *Sveti Naum Ohridski*, Skopje, 1995, 27–36.

Ivanov I., *Bŭlgarski starini iz Makedoniia*, Sofia, 1908.

Ivanov I., *Bŭlgarski starini iz Makedoniia*, vtoro, dop. izd., Sofia, 1931.

Kapetanić N., Žagar M., "Najjužniji hrvatski glagoljski natpis," *Anali Zavoda za povijesne znanosti Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti*, 2001, 39, 9–48.

Kniazevskaia O. A., Dem'ianov V. G., Liapon M. V., S. I. Kotkov (eds.), *Uspenskii sbornik XII–XIII vv.*, Moscow, 1971.

Koneski B. (ed.), *Vranešnički apostol*, Skopje, 1956.

Koneski B., *Istorija na makedonskiot jazik*, Skopje, 1965.

Koneski B., *Istorija na makedonskiot jazik*, Skopje, 1981.

Koco D., "Trikonhalnite crkvi vo Klimentovoto vreme," in: P. H. Ilievski (ed.), *Slovenska pismenost: 1050-godišnina na Kliment Ohridski*, Ohrid, 1966, 91–100.

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin; New York, 2001.

Mareš F. V., "Stari slovenski natpisi (grafiti) vo crkvata na manastiriot Sveti Naum na Ohridskoto Ezero," in: F. V. Mareš, *Komparativna fonologija i morfologija na makedonskiot jazik*, Skopje, 2008, 233–238.

Mikheev S. M., "22 drevnerusskikh glagolicheskikh nadpisi-graffiti XI–XII vekov iz Novgoroda," *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 2012, 62, 63–99.

Pilát Š., "Orfografičeskie, fonetičeskie i morfologičeskie osobennosti Skopl'skogo Apostola, tserkovnoslavianskogo pamiatnika 1313 goda," in: M. Bobrik (ed.), *Slavianskii Apostol: Istorii teksta i iazyk*, Munich; Berlin; Washington, 2013 (= *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*, 21), 165–181.

Popkonstantinov K., "Zaklinatelni molitvi vŭrkhu olovni amuleti ot srednovekovna Sŭrbiiia," *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 2009, 46, 341–350.

Popkonstantinov K., Kronsteiner O., *Altbulgarische Inschriften*, 1, Wien, 1994 (= *Die Slawischen Sprachen*, 36).

Popkonstantinov K., Kronsteiner O., *Altbulgarische Inschriften*, 2, Wien, 1997 (= *Die Slawischen Sprachen*, 52).

Ribarova Z. (ed.), *Rečnik na crkovnoslovenskiot jazik od makedonska redakcija*, I, Skopje, 2006.

Selishchev A. M., *Staroslavianskii iazyk*, 1: *Vvedenie. Fonetika*, Moscow, 1951.

Slaveva L., "Tragi od predmoravska pismenost vo Makedonija," in: V. M. Zagrebin (ed.), *Rus' i iuzhnye slaviane: Sbornik statei k 100-letiiu so dnia rozhdeniia V. A. Moshina (1894–1987)*, St. Petersburg, 1998, 150–157.

Štefanić V., "Prvobitnoto slovensko pismo i najstarata glagolska epigrafika," in: P. H. Ilievski (ed.), *Slovenska pismenost: 1050-godišnina na Kliment Ohridski*, Ohrid, 1966, 13–33.

Štefanić V., "Prvobitno slavensko pismo i najstarija glagoljska epigrafika," *Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 1969, 18–19, 7–40, sl. I–XVIII.

Totomanova A.-M., "Pravopisnite osobnosti na Orbelskiiia triod i fonetičnata sistema na govora, otrazen v nego," *Kirilo-Metodievski studii*, 1991, 8, 253–263.

Trifunović Đ., *Ka počecima srpske pismenosti*, Belgrade, 2001.

Vaillant A., *Rukovodstvo po staroslavianskomu iazyku*, Moscow, 1952.

Van Wijk N., *Istorii staroslavianskogo iazyka*, Moscow, 1957.

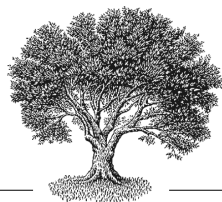
Савва Михайлович Михеев, канд. ист. наук

Институт славяноведения РАН

119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32а

Россия / Russia

mikheev@gmail.com

The Syriac *Aḥiqar*,
Its Slavonic
Version, and the
Relics of the
Three Youths
in Babylon

Basil Lourié

Scrinium. Revue de patrologie,
d'hagiographie critique et d'histoire
ecclésiastique, Saint-Petersbourg

Сирийский
“Ахикар”, его
славянская версия
и мощи
трёх Отроков
Вавилонских

Вадим Миронович Лурье

Журнал “Scrinium. Revue de patrologie,
d'hagiographie critique et d'histoire
ecclésiastique”, Санкт-Петербург

Abstract

The author argues that the earliest recension of the Slavonic *Aḥiqar* (*Povest' ob Akire Premudrom*) was produced in Bulgaria as a direct translation from Syriac, whereas the original Christian (Syriac) recension was created in the Syriac-speaking anti-Chalcedonian milieu within the Sassanid Iranian Empire in the late fifth century; in this latter context, it originated as a hagiographic legend inaugurating a new cult directed against the pro-Chalcedonian Ctesiphon cult of the Three Youths in Babylon. This anti-Chalcedonian and anti-Byzantine work was never accepted in Byzantine culture.

Keywords

Aḥiqar, *Povest' ob Akire Premudrom*, Old Testament Pseudepigrapha, Danielic Pseudepigrapha, Old Church Slavonic translations, Armenian literature of translations, Old Bulgarian translations, Old Russian translations, Slavonic Pseudepigrapha, Syriac Hagiography, Hagiographical Legends, Monophysitism

Резюме

Автор статьи считает, что славянский перевод “Ахикара” — “Повести об Акире Премудром” — был выполнен в Болгарии с сирийского оригинала, тогда как первоначальная христианская (сирийская) версия текста была создана в сирий-

ской антихалкидонской среде в Иранской империи Сасанидов в конце V в. как агиографическая легенда, призванная утвердить новый культ, направленный против халкидонского культа трёх Отроков Вавилонских. Этот антихалкидонский и антивизантийский текст не был воспринят византийской культурой.

Ключевые слова

“Ахикар”, “Повесть об Акире Премудром”, ветхозаветные апокрифы, апокрифы Даниилова цикла, старославянские переводы, армянская переводная книжность, древнеболгарские переводы, древнерусские переводы, славянские апокрифы, сирийская агиография, агиографические легенды, монофизитство

1. Introduction

The *Povest' ob Akire Premudrom* (“The Story of the Sage Aḥiqar”) is the only piece in Slavonic, which as early as in the 1900s was recognised as possibly going back to a Syriac original. Below, I will try to demonstrate that this is, indeed, the case. Then, we will have to discuss why, most probably, this work has never existed in Greek, and where is the *Sitz im Leben* of the Syriac hagiographical romance on Aḥiqar, which is not to be confused with both its Jewish Aramaic ancestors and its non-Christian “siblings”.¹

2. The Syriac Romance among the Non-Christian Aḥiqar Texts

Dealing with the very dense literary network around the *Aḥiqar* romance, it is always important to discern between three sorts of literary connexions: transmission of the sayings only, transmission of the framing narrative (plot), and transmission of the unity of, at least, some part of sayings together with the framing narrative.

Some part of sayings is attested to in many different places, in the same manner as it is habitual for the proverbs.² Thus, the sayings are the components of the romance which are featuring it as a whole in a minimal extent. The most stable component of the hagiographical romance is its rigid literary

¹ The most complete bibliography is now [CONTINI 2005], but it is almost completely untenable for the Slavic part of dossier and is not exact in the matters related to the Armenian version and its derivatives (because of the lack of first-hand knowledge of [MARTIROSIAN 1969–1972]); for updates, s. [WEIGL 2010; KONSTANTAKOS 2008–2013]. For the standard enumeration of the main recensions and versions see the corresponding entry of CAVT 195 (containing a number of inexactnesses); cf. also, for Syriac/Neo-Aramaic, [BROCK 2009]. For a general scheme of the filiation of the Aḥiqar texts in different languages, s. Fig. 1 in the Appendix.

² The literary history of different sayings included, at least, in some recensions of the *Aḥiqar* romance, could be now figured out from the data collected in the following studies, which, when taken together, would cover the whole previous scholarship: [KONSTANTAKOS 2008–2013; LICHTHEIM 1983; LINDENBERGER 1983; MARTIROSIAN 1969–1972; WEIGL 2010].

frame, which can be stuffed with the edifying episodes and sayings in an extent varying from one recension to another (cf., e.g., [LOURIÉ 2011]). However, the literary frame itself, without sayings of Aḥiqar, is a conjunction of several folktale motives available worldwide,³ and so, having no specific attachment to the romance of Aḥiqar. Thus, tracing the transmission of the *Aḥiqar* romance is a different task from tracing both transmission of its stuffing material, especially the sayings of Aḥiqar, and its literary frame taken alone. It is only a conjunction of both literary frame and sayings that matters.

There is no ground to suppose that the oldest Aramaic recension of the Aḥiqar story was preceded with some Mesopotamian document in Akkadian,⁴ even in the case if Aḥiqar is a historical person mentioned in a Babylonian tablet (Uruk, W 20030) dated to year 147 of the Seleucid era (165/164 BC). According to this document, “in the days of king Aššur-aḥ-iddina [Esarhaddon] the *ummānu* was Aba-enlil-dari, whom the Aḥlamū [Arameans] call Aḥu-uqar [Aḥiqar].” Taking this notice in its face value, one can conclude that the historical Aḥiqar was an Aramaic-speaking Jew, although taking a high position, *ummānu* (“royal scribe, counsellor”⁵) at the court of king Esarhaddon (681–669 BC) (thus, e.g., [GREENFIELD 1971/2001: 49–50 [93–94]; LINDENBERGER 1985: 483]). However, “[t]he tablet... proves only that the Aḥiqar story was well known in Seleucid Babylonia, not that it has any historical foundations in events half a millennium earlier.”⁶ There is a room, however, for hypothesising some historicity of Aḥiqar as a wise man at the court of Assyrian kings Sennacherib (705–681 BC) and his son Esarhaddon (681–669 BC) [PARPOLA 2005: 109–111].

Be that as it may, one has to start the history of the Aḥiqar romance from the lost archetype written in the Imperial, or Official Aramaic, originated somewhere in Mesopotamia not later than in the fifth century BC, when one its recensions appears in an Aramaic papyrus of the Jewish military colony in Egyptian Elephantine.⁷ Although written in Aramaic and not in Akkadian,

³ Cf., for a review of the motives according to Aarne–Thompson, [CONTINI, GROTTANELLI 2005B: 49–63].

⁴ “It is not necessary to assume that there was an original version of the Proverbs of Aḥiqar in Neo-Assyrian that was later translated into Aramaic; they could easily have circulated in both written form and oral transmission in Aramaic” [GREENFIELD 1990/2001: 50[94], n. 4]. Cf., more recently, [PARPOLA 2005].

⁵ “Craftsman, specialist” in Old Babylonian but “scholar, scribal expert,” (royal) “(chief) scribe” in Neo-Assyrian and Neo-Babylonian dialects of Akkadian; s. [CDA: 422, s.v. *ummiānu(m)*] and, with many details, [CAD 20: 108–115, s.v. *ummānu*, esp. 114–115, meaning 2b].

⁶ Found in the winter of 1959/1960, ed. princeps by J. van Dijk, 1962. Cf. already [DU BLOIS 1984: 51, n. 12] and especially [PARPOLA 2005], then, e.g., [NIEHR 2007: 9–10, 28] (with a summary of a vivid discussion); cf. the same conclusion, most recently, with the full quotation of the relevant original texts, [WEIGL 2010: 8–11].

⁷ Found in 1907, ed. princeps by Eduard Sachau in 1911, the most important editions of the whole text are [COWLEY 1923: 204–248; PORTEN, YARDENI 1993: 23–53] (Porten

the story of Aḥiqar is an “...opera *assira* non solo ambientata alla corte neosassira ma anche *scritta* in Assiria e totalmente imbevuta di valori, cultura e tradizioni assira”; indeed, the Aramaic language became in this epoch the lingua franca of the whole Fertile Crescent [PARPOLA 2005: 111].

For the history of the Christian romance of Aḥiqar, it is its pre-Christian history in Egypt that is of special importance. At least, two very short fragments of the story of Aḥiqar are preserved in Demotic Egyptian papyri of the first century BC.⁸ One can see that the Demotic text is not identical with that of the Elephantine papyrus, but the fragments are too short for any detailed comparison of the recensions. However, the very fact of the presence of the Aḥiqar story in the Ptolemaic Egypt sheds a different light on another piece of Egyptian Demotic wisdom literature, the *Instructions of ‘Onchsheshonqy* (datable only very vaguely to the interval from the seventh to the second century BC).⁹ The plot of this story is only remotely recalling that of the *Aḥiqar*, and it has its own Old Egyptian antecedent, but among the wise sayings of ‘Onchsheshonqy there are several ones overlapping with those of Aḥiqar—but from the Christian recensions, not from the Elephantine papyrus. Thus, Miriam Lichtheim concluded that the later Christian recensions go back to Aramaic recensions of the Aḥiqar romance posterior to that of the Elephantine papyrus but already available in Ptolemaic Egypt [LICHTHEIM 1983: 18]. Of course, however, this is not the only logically acceptable explanation. Both Christian recensions of the *Aḥiqar* and the *‘Onchsheshonqy* could borrow from some common earlier sources previously unconnected to the Aḥiqar tradition.¹⁰

and Yardeni provide important improvements of the reconstruction); the modern editions of the sayings only: [LINDENBERGER 1983; KOTTSEPER 1990; WEIGL 2010]. This Egyptian papyrus must be much later than the original Assyrian recension. Parpola tentatively dates the latter to the period between ca. 680 and ca. 660, that is, between the murder of Sennacherib and related events (purportedly reflected in the story of Aḥiqar) and the Assyrian occupation of Egypt established in the 660s [PARPOLA 2005: 106–108]; for a detailed chronology of Assyrian invasions to Egypt in the 660s, s. [KAHN 2006]. It is interesting that nearly the same date for the original text was proposed by Alexander Grigoriev, a Slavist, who had no first-hand access to the Assyro-Babylonian texts, but was aware of a general outline of the Assyro-Egyptian relations in the seventh century BC [GRIGORIEV 1913: 94–96].

⁸ One of them was published as a photocopy (without transliteration and translation) by G. P. G. Sobhy in 1930 and was identified almost immediately by Wilhelm Spiegelberg, but Spiegelberg died suddenly on 23 December 1930, several days before his paper containing this identification appeared in press. Thus, the first scholarly publication of this manuscript was performed only in 1976 by Karl Zauzich, who identified another fragment of the same manuscript and put forward several considerations concerning the manuscript tradition of the Demotic *Aḥiqar* [ZAUZICH 1976]. Cf. further considerations and republication of both identified Demotic fragments in [BETRÒ 2005].

⁹ Cf., for English translations and bibliography, [LICHTHEIM 1980: 159–184; RITNER 2003B].

¹⁰ Cf. [BETRÒ 2005]. Betrò considers the fragmentary Demotic story of the magician Hihor [RITNER 2003A] as inspired by the Aḥiqar story, but this conclusion is less than evident.

It is especially important for us that some of these sayings of Aḥiqar parallel to those of ʿOnchsheshonqy are known from the Armenian version only, not from the existing Syriac recensions¹¹ (the Armenian recensions all go back to the unique translation from Syriac¹²). The editor of the Armenian version Arutyun Martirosian, still unaware of the Demotic documents, attributed such “additions” (as compared with the Syriac recensions) to a local Armenian version of the internationally widespread *Sayings of Wise Men* (Խոսք իմաստասիրաց),¹³ which he, unlike previous Armenian scholars, reconsidered as not a work quoting the Armenian *Aḥiqar*, but as a piece of a different (and genuinely Armenian) origin [MARTIROSIAN 1969–1972, 2: 35–55]. Martirosian, however, did not realize the real amplitude of the dossier of the *Sayings of Wise Men*, even in those (relatively rare) recensions where Aḥiqar appears. In particular, he did not take into account the Ethiopic recension of the latter containing a section of Aḥiqar (which, in turn, is a translation of the lost Arabic original) [CORNILL 1875].¹⁴ Thus, it is hardly probable that the Armenian sayings of Aḥiqar absent from the extant Syriac versions do not go back to a lost Syriac recension. Moreover, given that some of them are shared with the Demotic sayings of ʿOnchsheshonqy, one has to date their inclusion to the Aḥiqar tradition somewhere earlier than the Syriac Aḥiqar romance (thus, in its Aramaic source(s)), whereas not necessarily earlier than the (unknown to us) date of the *Instructions of ʿOnchsheshonqy*.

Therefore, without knowing the absolute date of the inclusion of the Armenian *Sondergut* of Aḥiqar’s sayings in the Aḥiqar literary tradition, we can evaluate its relative date and suggest for it a pre-Christian and pre-Syriac (thus, Aramaic) stage of the evolution of the Aḥiqar story. The Armenian version of the Christian Aḥiqar romance (in its earliest recensions A and G) is thus a witness of an earlier (at least, in some parts) and lost Syriac recension rather than a compilative work produced out of mixing a translation from Syriac with some locally available material. This conclusion is corroborated with the very early date of the Armenian translation, the fifth century [MARTIROSIAN 1969–1972, 2: 85–101], that is, the very beginning of the Christian

¹¹ S., e.g., [LICHTHEIM 1983: 20–21, 33, 52].

¹² This is one of the main conclusions of Martirosian’s study; s. [MARTIROSIAN 1969–1972, 2: 101–113] (for the language of original) et passim (for the uniqueness of translation).

¹³ Critical edition of Aḥiqar’s sayings (based on 14 MSS) under the title Խոսք իմաստասիրաց և խրատք հասարակաց (*Sayings of Wise Men and Public Admonitions*) in [MARTIROSIAN 1969–1972, 1: 271–298] with a textual study in the same volume.

¹⁴ However, each particular saying attributed to Aḥiqar in this collection is attested to in Arabic; Cornill provides parallels from a Christian Arabic (mostly Karshuni) manuscript of the Aḥiqar romance. The history of the text of the Ethiopic *Sayings of the Wise Men* remains unstudied until now [LUSINI 2005: 256].

Armenian literature. Such a date is quite close to the approximative date of the original of the Syriac Christian romance (established by the actual scholarly consensus as the fourth or fifth century¹⁵) and is by several hundred years earlier than the probable dates of the preserved Syriac recensions.

There is a relatively ample dossier of Aḥiqar in Greek, including translations from Greek. However, taking aside the Slavic dossier (allegedly going back to a hypothetical lost Greek recension—the thesis we have to refute in the present paper) all the remaining materials are pagan and have no specific relation to Aḥiqar of the Christian literatures. The existence of some form of the Aramaic romance in a Greek version is attested to by some ancient authors, and, moreover, such a version in a substantially reworked form subsisted as a part (§§101–123) of the legendary *Life of Aesop* (approximately 1st cent. AD), where Aesop replaced Aḥiqar.¹⁶ This pagan Greek heritage is partly preserved also in Arabic but only in a Muslim tradition under the name of the legendary sage of Arab antiquity Luḡmān. However, “[a]ny real relation between the personalities of Luḡmān and Aḥiqar comes through Aesop” [HELLER, STILLMAN 1986: 813].

The Christian Aḥiqar is also known in Arabic. There are three recensions going back to the unique translation. One of them (recension C) is a Muslim reworking of a Christian text (very close to the recension A), which is preserved as an appendix to the *Thousand and One Nights*.¹⁷

It is important to note from the above discussion of the Aḥiqar materials outside the Jewish-Christian tradition, that the Christian Aḥiqar romance is completely unknown in Greek: no trace at all.¹⁸

3. Aḥiqar as a Worshipper of the Jewish God

Turning to the Jewish-Christian tradition, we meet Aḥiqar in the *Book of Tobit* (four times: 1: 21–22;¹⁹ 2: 10; 11: 18; 14: 10), itself of a date and a place of ori-

¹⁵ Cf. Riccardo Contini’s introductory notice in [PENNACCHIETTI 2005: 194].

¹⁶ For a detailed study of this Greek dossier s., first of all, the three-volume monograph of Ioannis Konstantakos [KONSTANTAKOS 2008–2013]. Rimicio, or Rinuzio Tessalo translated this *Life of Aesop* into Latin in the middle of the fifteenth century (ed. princeps Mailand, 1474).

¹⁷ Paolo Rostano Giaiero provided a detailed analysis of the three recensions in [GIAIERO 2005]. The claim, often repeated, that the Aḥiqar story became a part of the *Thousand and One Night*, is erroneous, unless one has in mind additions to the latter that appear in some Arabic manuscripts and European translations. For the history of this error in the Russian nineteenth-century scholarship dedicated to Aḥiqar, s. [MOROZOV 2009: 91–93].

¹⁸ For the sake of completeness, we have to mention a third-century AD mosaic in Trier made by a pagan artist Monnus. It was almost the scholarly consensus throughout the twentieth century that the inscription near one of the figures must be restored as [AC] ICAR. However, Hermann Koller in 1973 proposed and Robert Daniel in 1996 confirmed with a detailed study that the correct reading is [EP]ICAR(MUS); s. [DANIEL 1996].

¹⁹ For this place, there is also a Qumranic Aramaic fragment, 4Q196.

gin still under discussion²⁰ but, in its religious contents, certainly Jewish (that is, not Babylonian).²¹ The author of the *Tobit* knew the Aramaic Aḥiqar romance in a recension similar to that of the Elephantine papyrus. Here, Aḥiqar is a nephew (or, at least, another close relative) of Tobit and, therefore, is Jewish himself. It is difficult to say now how exactly the pious audience of the *Tobit* overcame Aḥiqar's polytheistic parlance, but, anyway, this has been done.

Let us recall that the Elephantine papyrus is a witness of circulation of the Aḥiqar story in its full polytheistic apparel among the strictly monotheistic Jews living around their own Temple of Yahweh.²² Thus, the very existence of the Elephantine papyrus is itself a demonstration of the fact that the original polytheistic wording of the story has been somewhat reinterpreted in a monotheistic way. Were this solution syncretistic or not, it is irrelevant to us.²³ The only relevant for the further history of the Aḥiqar romance in the Jewish-Christian milieu is another thing, namely, that the polytheistic imagery of the story certainly became "fossilized" throughout the centuries of its transmission under the authority of Aḥiqar as a righteous Jewish man and became a part of the monotheistic Jewish tradition of Aḥiqar.

This polytheistic by origin but already "fossilized" imagery was inherited by the Iranian Christian Syriac-speaking milieu, where the Christian Aḥiqar romance originated. It is known that the Syrian Christianity in Iran remained, in the fourth and the fifth centuries, much more close to its Jewish matrix than the Christianity of the Roman Empire. The original polytheistic imagery of the story, including the Semitic names of the three Babylonian gods, is preserved quite well in the Armenian branch of the tradition,²⁴ although it is partially

²⁰ S. a discussion of available viewpoints in [FITZMYER 2003: 50–54]; even the date of the Qumranic manuscripts (roughly from 100 BC TO 25 AD) is not universally accepted as the terminus ante quem for the subsisting recensions. Original language of the book is also under discussion: the unique Qumran fragment of *Tobit* in Hebrew could be either original or translation from Aramaic (the total number of the Aramaic fragments of *Tobit* in Qumran is four).

²¹ On Aḥiqar and his stepchild and nephew Nadin in *Tobit*, s. [GREENFIELD 1981/2001; FITZMYER 2003: 37–38 et ad loc.; TOLONI 2005].

²² For the religious life of the Jews of Elephantine, s. [PORTEN 1968: 105–186; 1984: 385–393]. Porten argues against the idea that the religious life of the colony was tainted by syncretism. For the opposite view, s., e.g., [VAN DER TOORN 1992].

²³ The story of Aḥiqar is one of the particular cases when some unwritten "rules of transposition" between two theological systems, the Babylonian "henotheism" and the Jewish "monotheism," were at work. The problem of a partial mutual "translatability" between the Mesopotamian and monotheistic Jewish religious systems is still far from being studied in full but, at least, started to be discussed. Cf., first of all, a pioneering monograph, focused, however, on the biblical texts [SMITH 2008].

²⁴ Arutyun Martirosian is certainly right in considering this feature of the Armenian version (and its Kipchak, Turkish Osmanic, and Georgian off-springs) as going back to a lost Syriac archetype. However, one can hardly follow Martirosian in his supposition that the peculiar list of the pagan deities in one of the two earliest Armenian recensions, G, could be genuine (s. [MARTIROSIAN 1969–1972, 2: 118–119]). In the recension

or completely suppressed in other branches (Syriac, Arabic, and Slavonic).²⁵ However, this is not to say (pace Martirosian) that the original of the Armenian version is a work of a non-Christian author. In fact, as we will see, it shares the most important features of the Christian story and appeared within an Iranian Syriac-speaking Christian community.

4. Five Branches of the Christian Tradition of the Romance of Aḫiqar

Taking aside the Aḫiqar tradition within the *Sayings of Wise Men* (which remains so far almost unstudied), we have, for the Christian Aḫiqar romance, five main branches of the text tradition. All of them go to the lost common Syriac archetype, that is, to the original text of the Christian romance. The most of the non-Syriac branches are represented in several languages, namely, Armenian tradition—in Armenian, Kipchak, Osmanic Turkish, and Georgian, Arabic tradition—in Arabic, Ethiopic, and modern Neo-Aramaic dialects (partially influenced by Syriac recensions directly), and Slavonic tradition—in Slavonic (itself in different *izvods*, that is, local versions: Bulgarian, Serbian, and Russian) and Romanian, and only the Sogdian branch is represented in Sogdian alone. Each branch is further subdivided into different recensions. Some late recensions are altered in a great extent but, nevertheless, must be taken into account as having some importance for the reconstruction of the lost archetype, at least, at the stage of comparison of the particular manuscript readings. Only one version presents no interest for any reconstruction, the Georgian one, represented with two different translations from the Ar-

G, the standard list of gods (Belšim, Šimil, and Šamin in Syriac, which became Բելշիմ, Շիմլի, Շահմին /Belšim, Šimel, Šahmin/ in Armenian) is replaced by the four-name list “Belšim, Miršahmin, Ešariše, and Išemišah (Միրշահմին, Էշարիշե, Իշեմիշահ).” Martirosian does not provide any analysis of the three latter unusual names but simply insists on their genuineness (because the names of pagan gods, according to him, would not be included by a Christian editor). However, the three latter names are clearly Iranian. Miršahmin is certainly derived from the name Mihršāh (“Mithras the King”) known as the name of the king of Mesene and a brother of the Shahanshah Šābuhr I, who was converted by Mani prior to AD 262 (Parthian text M 47: 1, publ. with a commentary in [Boyce 1975: 37]; in Parthian, *myhrš’ē*). In Ešariše, one can discern two Pahlavi components, *asar* “having no beginning, eternal” and *āsāyīšn* “rest, peace,” which results in “Eternal Rest.” In Išemišah, one can recognize a popular (until now) Iranian proper name Esmisha(h) having an obvious Zoroastrian origin (< Esmišāh, “King of Fuel,” from Pahlavi *esm* = *ēzm* “(wood)fuel”). The origin of such names is certainly interesting, but it is clear that they have nothing to do with the mainstream (Semitic) Aḫiqar tradition. As to the “standard” (Semitic) list of gods, it is not completely clear, too, with the only exception of Belšim = Baal Šamaim (“Baal of Heavens”), a well-known god of the Phoenicians; the two other are unknown as such, and their interpretation is somewhat difficult [Nau 1909: 14].

²⁵ In these branches, Aḫiqar either addresses the unique God from the very beginning (and, thus, the polytheism has no place whatsoever) or addresses, at first, three Babylonian gods but with no answer and, then, the Most High Jewish God; in the latter case, Aḫiqar will have no native son as a punishment for his former act of idolatry.

menian printed book of 1708 (Armenian recension Fa) (s. [MARTIROSSIAN 1969–1972, 2: 202–208]).

Dealing with the available witnesses of the Christian Aḥiqar romance, we will take into account the following non-Slavonic recensions.²⁶

Syriac branch: represented by five recensions in classical Syriac, not earlier than the twelfth century, and one translation from Syriac into the Eastern Christian Neo-Aramaic dialect Suret.²⁷ All manuscripts are Eastern Syrian (“Nestorian”).²⁸

SyrA: unique MS; ed. by J. Rendel Harris in [CHL 1913: 37–62 (Syriac pagination)].

SyrB: unique MS; ed. by Smil Grünberg [GRÜNBERG 1917] (sayings) and Markus Hirsch Guzik [GUZIK 1936] (narrative); this recension, as it was shown by Theodor Nöldeke, is mostly a retroversion from Arabic [NÖLDEKE 1913: 51–54]; this is why it is somewhat in between the Syriac and the Arabic branches but closer to the Arabic one.

SyrC: unique MS, fragmentary (only beginning of the story); ed. by J. Rendel Harris in [CHL 1913: 34–36 (Syriac pagination)].

SyrD: unique MS; ed. by François Nau [NAU 1918–1919A]; contains only the first third (approximately) of the text.

SyrE: two MSS; ed. by François Nau [NAU 1918–1919B].

Sogdian branch: the recently discovered fragmentary Sogdian version, although translated from Syriac, does not belong to the Syriac branch in the above sense, because it is based on an earlier recension of the Syriac text than the presently available ones.²⁹

Arabic branch: represented by three recensions in Arabic, one recension in Ethiopic, and two recensions in Neo-Aramaic dialects. The Arabic (Muslim) recension C is depending mostly on the recension AraA and contains no ancient material other than that available through the Christian recensions AraA and AraB (s. below); it will be not taken into account.³⁰ Unlike the manuscript tradition in Syriac, this tradition in Arabic and translations from Arabic is related to the Syrian Christianity with Jacobite affiliation.

AraA: three Karshuni MSS (belonging to the tradition of the Jacobite Syrian Christians), critical ed. by Agnes Smith Lewis [CHL 1913: 1–33 (Arabic pagination)].

AraB: unique MS; ed. by Mark Lidzbarski from a bilingual Turoyo-Arabic Jacobite manuscript where the two texts were put side by side, cf. below: [LIDZBARSKI 1896, 1: 1–76

²⁶ Below I omit the references to the translations (available in [CHL 1913], [NAU 1909], and/or elsewhere); it’s implied that the editors of the Oriental versions enumerated below publish them together with translations into an European language, but the Armenian and the Slavonic ones make an exception; most of them are not translated into modern languages (including Russian) at all. The most detailed bibliography of translations into modern languages is contained in [CONTINI 2005].

²⁷ Published at first in 1941 by Muḥattas d-Mār Behiso’ and then reprinted several times; unavailable to me.

²⁸ Cf. also [NAU 1914; BROCK 1968/1992] for other Syriac documents related to Aḥiqar texts.

²⁹ Only the first communication of the discovery is still available: [SIMS-WILLIAMS 2012]. The text is represented with “three small folios, [which] are in a very poor state of preservation,” but it is already clear that it contains some material missing from the available Syriac recensions but presented in the Armenian, Arabic, and Slavonic ones, or even the Aramaic papyrus; thus, according to Sims-Williams, it “... must derive from an older form of the Syriac text.” I am grateful to my anonymous reviewer for making me know this discovery.

³⁰ Cf. [GIAIERO 2005]. For a synopsis of the three Arabic recensions in a French translation, s. [NAU 1909: 145–258].

(Arabic pagination; even pages only)]; Arabic version on the even pages, Turoyo version on the odd pages.

Eth: An epitome of the romance translated from Arabic, the Arabic original being unknown; ed. by Roger Schneider in [SCHNEIDER 1978].

Ṭur: unique MS representing a translation of AraB into Turoyo, the most widespread Neo-Aramaic Christian dialect used by Syrian Jacobites; ed. together with AraB by Mark Lidzbarski [LIDZBARSKI 1896, 1: 1–77 (Arabic pagination; odd pages only)].

Mla: a translation into a Western Neo-Aramaic (Christian Jacobite) dialect Mlahsō, now extinct, recorded from the last native speaker (who died in 1998 at the age of 101) and published by Shabo Talay [TALAY 2002].

Armenian branch: represented (omitting the Georgian versions) with seven recensions in Armenian, one recension in Kipchak, and one recension in Osmanic Turkish (the two latter are also Christian Armenian, intended to Armenian audiences; both are in Armenian script). [CHL 1913] contains an edition and English translation of two Armenian recensions and the Kipchak version (called there “Old Turkish”) by F. C. Conybeare. The critical editions of all these texts are provided by Arutyun Martirosian. The Kipchak version was published several times independently by different scholars, sometimes without knowing each other’s work. The earliest Armenian recensions are ArmA and ArmG.

ArmA (six MSS) and ArmB (twenty four MSS): edited together in [MARTIROSIAN 1969–1972, 1: 75–132].

ArmC: five MSS, ed. in [MARTIROSIAN 1969–1972, 1: 133–172].

ArmD: six MSS, ed. in [MARTIROSIAN 1969–1972, 1: 173–216].

ArmE (six MSS) and ArmF (Fa five MSS, Fb three MSS; both Fa and Fb are also available in printed books): edited together in [MARTIROSIAN 1969–1972, 1: 217–242].

ArmG: one MS, ed. in [MARTIROSIAN 1969–1972, 1: 243–265].

Kipch: the Kipchak version (epitomized); one MS, ed. in Armenian script in [MARTIROSIAN 1969–1972, 1: 325–336].³¹

Turk: the Osmanic Turkish version (epitomized); one MS, ed. in Armenian script in [MARTIROSIAN 1969–1972, 1: 303–324].

The **Slavonic branch** will be discussed in the next section.

5. The Romance of Aḫīqar in the Slavonic-Romanian Tradition

The romance of Aḫīqar was extremely popular in Russian and Romanian traditions. Its popularity in Slavonic (at least, 10 South Slavic MSS and more than 50 Russian MSS, some of them now lost) is comparable with that in Armenian (56 Armenian MSS plus 14 MSS of the *Sayings of the Wise Men*). Its popularity in Romanian was similar: no less than 45 manuscripts of the eighteenth and nineteenth centuries (the earliest known manuscript was reportedly of the seventeenth century but is now lost). The romance of Aḫīqar is the most popular “people’s book” in Rumania. In both Russian and Romanian traditions the romance was preserved in a living manuscript literary tradition up to the twentieth century.³² Oddly enough, the Romanian recension as a whole remains

³¹ Other editions of the same MS (using transliterations): [CHL 1913: 185–197; DENY, TRYJARSKI 1964; GARKAVETS 2002: 175–179].

³² See the following introductions to the relevant manuscript traditions: [KUZIDOVA 2012] for the South Slavic ones, [TVOROGOV 1987] for the Russian one, [CIUCHINDEL 1976]

unpublished,³³ despite a detailed study of the manuscript tradition provided by Constantin Ciuchindel.

The earliest recension is preserved in Russian and South Slavic (Bulgarian and Serbian) manuscripts. All of them, despite linguistic distinctions, represent the same recension of the text, the so-called “**Oldest recension.**” These two “groups” of manuscripts of the same recension are often improperly called “First Russian” and “First Serbian” *recensions*, but this is simply a manner of speaking without pretending to discern these groups as recensions in the proper sense of the word. I would prefer to call them “subrecensions.” The subrecension called by the first Russian scholars (Grigoriev, Durnovo) “Serbian” is of Bulgarian origin. This is why I will prefer to call it “Bulgarian subrecension,” even when dealing with its Serbian manuscripts.

This recension is the most important to us, and it will be discussed in more details in the next section.

The so-called “**Second Russian recension**” is preserved partially in only one manuscript, published in 1915 in full but now lost.³⁴

The so-called “**Second Serbian recension**” (which I will prefer to call simply “Serbian”) is preserved in two somewhat different manuscripts (moreover, differing in writing systems: one Glagolitic, one Cyrillic) produced by Serbian or Croatian Roman Catholics (published at first by Vatroslav Jagić³⁵).

for the Romanian one. See [CIUCHINDEL 1976: 69–82] for a detailed history of the studies of the Romanian version. Cf. also Fig. 2 in the Appendix. In Romania, a classical Romanian author Anton Pann (Antonie Pantoleon-Petroveanu, 1794/8–1854) published in print his own recension of the romance (1850) under the title *Înțeleptul Archir cu nepotul său Anadam* (*Wise Archir and His Nephew Anadam*), whose popularity led to interruption of the transmission of all other recensions; this recension is continuously reprinted since then; [CARMU 2002: 135–155]. In Russia, a new recension was created by an Old Believer writer Ivan Stepanovich Mjandin (1823–1894), but, of course, it was not very widespread [PIOTROVSKAJA 1976]; s. more on the Ahiqar texts in the Russian Old Believers’ tradition in [VOLKOVA 2011]. Both Pann’s and Mjandin’s recensions are rather short and remote from the older ones, and so, are useless for the study of the origins of the Slavonic version.

³³ Only one very incomplete manuscript was published by Moses Gaster, who was still unaware of the real popularity of the work in Rumanian translation but was impressed by his own achievement—pointing out the source, before him enigmatic, of Anton Pann’s retelling [GASTER 1900/1925].

³⁴ A MS of the monastery on the Solovki Islands (16th–early 17th cent.). This lost manuscript contained a compilation of the “First Russian” recension with the “Second” one which started near to the middle of the text. The manuscript was a convolute whose relevant part was earlier than the late 16th cent. and was, in turn, a copy of an even earlier manuscript; cf. [BOBROV 2007: 41–42]. Piotrovskaja notifies that the origin of this recension remains unknown; she allows a possibility that it resulted from the Oldest rec. and the Russian “Vulgate” (Third Russian rec.): [PIOTROVSKAJA 1978: 324].

³⁵ The oldest manuscript is the Glagolitic Petrisov zbornik (1468), now Zagreb, National Library, R 4001; the younger is a Cyrillic MS (1520) from Dubrovnik (now MS IVa24 of the Croatian Academy of Sciences and Arts, Zagreb). Both are published in [JAGIĆ 1868: 137–149] (the older manuscript being used for variant readings) and also [REŠETAR 1926: 48–55] (within the publication of the whole Dubrovnik MS); cf.

This recension is severely abbreviated and, sometimes, changed in comparison with the Oldest one. Unfortunately, this is the only Slavonic recension of the romance which became widely known among the non-Slavists in the West. This early Slavonic recension, almost forgotten among the Slavs, turned out to be enormously successful among the Romanians.

According to Ciuchindel,³⁶ the **Romanian** manuscripts, albeit much variable, are classifiable into three “families”/recensions (*famili*) labelled by him A, B, and C. The *familia* A is the most close to the Serbian Slavonic original of the Romanian translation of the seventeenth century. This original was not identical to any of the two manuscripts published by Jagić but was rather compiled from the both. The *familia* B resulted during the eighteenth century from an influence of the Russian Slavonic manuscript tradition on the already existing Romanian translation. The *familia* C occupies a somewhat intermediary position. It is clear that the Romanian version, especially its *familia* A, is an important witness of the Serbian text of the romance. Thus, the Romanian version, *familia* A, is a useful tool for having access to the contents of the Serbian recension of the Slavonic version. Unfortunately, having no edition of the Romanian mediæval *Ahiqar* other than the fragmentary one provided by Gaster, we have to satisfy ourselves with the scarcely data dissipated within Ciuchindel’s monograph.

The so-called “Third Russian recension” (according to the classification of Grigoriev and Durnovo) was studied by O. A. Belobrova and O. V. Tvorogov, who came to conclusion that it must be subdivided further into two different recensions: **Third Russian recension** (36 MSS, not earlier than the 17th cent.) and **Fourth Russian recension** (6 MSS), the latter being a later extension of the former (17th cent.) [BELOBROVA, TVOROGOV 1970: 163–180].³⁷ The Third Russian recension is the Russian “Vulgate.” Elena Piotrovskaja provided argumentation for its dating to the late fifteenth century; at least, in the early sixteenth century it became already influential in Muscovy. She proposed as well a hypothesis that its sources were the Oldest recension and the Serbian (which she calls “Second Serbian”) one [PIOTROVSKAJA 1978];³⁸ this hypothesis is somewhat corroborated by the fact of the popularity of the Serbian recension witnessed by

their translation into German in [JAGIĆ 1892], in turn, translated into English (from German) by Agnes Smith Lewis in [CHL 1913: 1–23]. On the Dubrovnik MS of the *Ahiqar* romance, see esp. [DURNOVO 1931].

³⁶ Below I follow [CIUCHINDEL 1976: 109–127], who confirmed the conclusion of [GRIGORIEV 1913: 551–560] which was based on the study of two random Romanian manuscripts and Gaster’s edition.

³⁷ No critical edition of the “Third” and “Fourth” recensions exists, and even the most important manuscripts remain unpublished. Both recensions are published on the base of one manuscript per each in [KOSTOMAROV 1860: 359–364 (Third) and 364–370 (Fourth)].

³⁸ Piotrovskaja mentions that she studied 45 MSS of the Third Russian recension [PIOTROVSKAJA 1978: 323] but her detailed study has never been published.

the Romanian version (not taken into account by Piotrovskaja). Durnovo criticized Grigoriev for neglecting this recension which could be sometime useful to clarify some difficulties of the Oldest one [DURNOVO 1915B: 290].

6. The Oldest Slavonic Recension: Manuscripts and Editions

6.1. The Russian Subrecension

The Russian subrecension is attested to with five manuscripts, two of them lost.³⁹ The critical edition by Alexander Dmitrievich Grigoriev [GRIGORIEV 1913] is based on the three preserved manuscripts with additional but inconsequent use of the Solovki manuscript. The latter is published in full by Nikolai Nikolaevich Durnovo [DURNOVO 1915A: 20–36]. An eclectic edition of the Russian subrecension with a useful discussion of the difficulties is provided by Oleg Viktorovich Tvorogov [TVOROGOV 1980/1999].

O = Russian State Library, Moscow, Coll. OADR, no. 189 (15th cent.)—the main MS in Grigoriev's edition;

V = State Historical Museum (GIM), Moscow, coll. Vakhrameev, no. 427 (15th cent.);

Kh = coll. Khludov, no. 246 (17th cent.);

Sol = Solovki manuscript.

From the fifth manuscript, the lost MS 323 from A. I. Musin-Pushkin's library (especially known as the unique manuscript copy of the *Tale of Igor's Campaign*), only the initial part (15 lines of the printed text) is published by a Russian historian Nikolai Karamzin.⁴⁰

6.2. The Bulgarian Subrecension

The Bulgarian subrecension is witnessed with eight manuscripts, one of them lost. No critical edition available. All these manuscripts are described and compared in [KUZIDOVA 2012].

Sav (Serbian) = Savin 29 (Montenegro), ca. 1380; ed. [KUZIDOVA 2010]—this is **the earliest manuscript** of the Slavonic *Ahiqar*;

B (Serbian) = Belgrade 828 (Pribilov zbornik), 1408–1409, burned in 1941; ed. [DURNOVO 1915A: 37–44];

N (Serbian having Bulgarian protograph) = Nikoljac (Montenegro) no. 82, 1515–1520, unpublished;

Ch (Serbian) = GIM, Moscow, coll. Chertkov, Q 254; ed. [GRIGORIEV 1913: 236–264 (Appendix)];

Sf (Bulgarian) = Sofia, National Library “St. Cyril and St. Methodius,” no. 309 (Bejlovski sbornik), second half of the 16th cent., unpublished;

Pv (Bulgarian) = Plovdiv, National Library, no. 101, second half of the 16th—early 17th cent., variant readings published in [GRIGORIEV 1913: 236–264 (Appendix)];

A (Bulgarian) = Sofia, National Library “St. Cyril and St. Methodius,” no. 326 (Adzharski sbornik), second half of the 17th—early 18th cent., unpublished;

D (Bulgarian) = Sofia, Centre of the Slavic and Byzantine Studies “Ivan Dujčev,” Cod. D Slavo 17, first half of the 18th cent., unpublished.

³⁹ On these two lost manuscripts, s. [BOBROV 2007].

⁴⁰ First published in 1816; cf. [KARAMZIN 1818: 165 (Notes' pagination), n. 272]. On this MS, s. [BOBROV 2007].

Moreover, two relatively long fragments of the romance of Aḥiqar are contained in the Serbian manuscript Pc 53 of the National Library of Serbia, Belgrade, third quart of the 16th cent.; this manuscript, too, has a Bulgarian protograph; ed. [STANKOVIĆ 1980].

7. The Language of the Original of the Slavonic Version

7.1. Introduction

Normally, the Old Church Slavonic translations were produced from Greek, but there are some exceptions. Since Alexander Grigoriev, the Aḥiqar romance is considered to be likely one of them, even if a possibility of translation from Greek has never been excluded. Be this as it may, the Slavonic text ultimately goes back to a Syriac recension, although not identical to any of the five surviving ones. However, the Syriac manuscripts are not earlier than the twelfth century, which is considered as the latest possible date for the Slavonic translation⁴¹ (s. below). Therefore, no wonder that the Slavonic version reflects some features of a Syriac recension which is now lost. Nikolai Durnovo already noticed such a potential interest of the Slavonic version for recovering an earlier state of the Syriac text [DURNOVO 1931: 222].

Thus, taking aside completely arbitrary suppositions, there are only four a priori acceptable hypotheses: (1) translation from Syriac through a Greek intermediary (the common opinion before Grigoriev and still an authoritative hypothesis now), (2) translation from Syriac directly (a less popular but respected hypothesis by Nau and Grigoriev), (3) translation from Syriac through an Armenian intermediary (an earlier hypothesis considered by Grigoriev among others at the beginning of his research [GRIGORIEV 1900: 113],⁴² then rejected by him but reinforced by Martirossian in the 1960s),⁴³ and (4) translation from Syriac through an Arabic intermediary (one of the hypotheses discussed by Durnovo, together with possibilities of Greek and Syriac original⁴⁴).

Out of hand, we can exclude only the hypothesis of an Armenian intermediary. To begin with, the core of the argumentation by Martirossian is now de-

⁴¹ The terminus ante quem for the Slavonic translation could be established according to the manuscript tradition, the thirteenth century. The popular date established by Durnovo is that of the *Molenie Daniila Zatochnika* ("The Prayer of Daniel the Prisoner"), dated by him to the 1230s [DURNOVO 1915B: 298] but now dated approximately to the late 12th or the early 13th cent.

⁴² Grigoriev's only reason was the peculiar name, in the Slavonic version, of the servant of Aḥiqar beheaded in his place, Арапаръ /*Arapar*/, which he put in connexion (but even without providing translation) with the Armenian word առաքար /*arapar*/ "stony, rugged, craggy, uneven, rough." One cannot see how this would help to understand the name of the servant (on which s. below, sect. 7.6.2).

⁴³ Definitively in [MARTIROSSIAN 1969–1972, 2: 153–188].

⁴⁴ Especially in [DURNOVO 1915A: 99–103].

stroyed with introducing the Demotic materials into discussion of the Ahiqar tradition (in the 1970s). The Armenian *Sondergut* partially shared with the Slavonic version is no longer Armenian, even though it is attested to in Demotic Egyptian only in a minor part. Thus, fails Martirossian's main argument against the possibility of a common Syriac source for the cases of concordance between Slavonic and Armenian against Syriac. The decisive value has, however, another argument: the cases of misunderstanding of the Syriac original by the translator from Syriac, presented by the Slavonic version (which will be discussed below) have no traces in the Armenian recensions. Thus, this translator from Syriac was translating into other language than Armenian. This is an argument *ex silentio*, but, for the Armenian version, it works, because this version is preserved in a great and representative number of manuscripts. It is hardly possible that a relatively great number of mistranslations would not permeate among the Armenian manuscripts. In fact, the Armenian translation is of a high quality, much better than the translation from Syriac which is represented in the Slavonic version. Therefore, the argumentation against the hypothesis of an Armenian intermediary must be considered as decisive.

The hypothesis of an Arabic intermediary cannot be excluded so easy and so definitively. The same *argumentum ex silentio* is formally applicable to the Arabic version, too (it does not coincide with the Slavonic one in the errors of translation from Syriac), but, here, such an argument does not work. In the Arabic branch, we dispose with only a minor part of the ancient manuscript tradition, and so, our data are not representative enough to allow us to argue *ex silentio*. The hypothesis of an Arabic intermediary is, moreover, acceptable linguistically—even if we take into account the data to be discussed below, in addition to those provided by Durnovo. The most important argument against this hypothesis is I think the Ockham's razor: we don't know any other translation from Arabic into Slavonic in the Slavic literatures of such an early epoch, whereas the two remaining hypotheses, the "Greek" one and even the "Syriac" one, could be inscribed into the known context of the history of texts. Thus, from a logical point of view, the "Arabic" hypothesis is an unjustified complication—at least, until new data will be discovered.

This is why, in the following, we will limit ourselves to discussing the unique alternative: a Greek intermediary *vs* a direct translation from Syriac.

7.2. Methodology

The major difficulty of our task is to be able to discern between the text translated from some original directly and the text translated from the same original through a translation into some third language. As a similar but not identical case one can refer to the *Apocalypse of Abraham* with its linguistic analysis by Alexander Kulik: only the Slavonic version exists but it reveals many features of the lost Greek original (even of its uncial writing) and, moreover,

some features of the Aramaic original of the Greek version [KULIK 2004]. In the Slavonic *Aḥiqar*, there are no such striking traces of a Greek *Vorlage*, but, theoretically, this might be explained by a good quality of translation from Greek (even in the case of a bad quality of translation from Syriac into Greek).

In the case of the Slavonic *Aḥiqar*, some general rules of the studies of a lost *Vorlage* through the preserved version must be recalled, because they were put aside by the Slavists. For instance, Nikolai Durnovo (following Alexander Grigoriev) wrote: “As well as Grigoriev, me too, I consider to be possible to judge on the language of the original of the Slavonic translation basing on the proper names only.”⁴⁵ Such a restriction is unjustifiable. Another important source of data is the errors of translation. As it is stated by Gérard Garitte, among the translators, the worst ones are for us the best ones, because they are revealing themselves in the greatest extent.⁴⁶ Thus, our observations will be based not only on the proper names but also on the errors of translation in other parts of the text.

Dealing with the question whether a Greek intermediary was involved or not, we have to elaborate another series of rules to be applied to the features of the Syriac original revealed. All of them are proposed in the present situation of the *Aḥiqar* studies, when the quest of the undeniable traces of the Greek original has been already shown to be in vain.

All the features revealing the original in Syriac are classified into four categories:

1. those to whom the Greek linguistic milieu would be perfectly transparent (that is, easily transmissible through Greek⁴⁷);
2. those to whom the Greek linguistic milieu would present a considerable difficulty to pass by (that is, those whose route via a Greek translation is not especially probable);
3. those to whom passing through the Greek linguistic milieu is impossible;
4. other features that find the best explanation out of existence or inexistence of an intermediary between Syriac and Slavonic.

One can see that the features of the category (1) say nothing about the presence or absence of a Greek intermediary. They are, however, useful to grasp the quality of the translation from Syriac, regardless of the language of this translation, or, maybe, to evaluate the work of the editor responsible for the Syriac recension ultimately translated into Slavonic.

⁴⁵ “Подобно Гр[игорье]ву и я нахожу возможным судить о языке оригинала славянского перевода только на основании собственных имен” [DURNOVO 1915A: 100].

⁴⁶ “...vus de notre point de vue particulier, ce sont les moins bons qui sont les meilleurs” [GARITTE 1971/1980: 691].

⁴⁷ And, normally, a fortiori through Armenian and Arabic.

The features of the category (2) are especially important to us, despite the fact that every one of them taken alone would be no more informative than a feature of the category (1). If something which must be considered as having low probability under given circumstances occurs with a perceivable frequency, we have to consider a possibility that the real circumstances are somewhat different. Thus, if some features that are unlikely, even if theoretically possible in Greek occur many times, this is a strong reason contra the hypothesis of a Greek intermediary.

The value of the features belonging to the category (3) is self-evident. The category (4) contains the features corroborating or weakening the conclusion based on the features of the categories (2) and (3).

The cases of preserving /b/ in Slavonic transliterations were considered as belonging to our category (3) (that is, as strong arguments against translation from Greek) by Grigoriev but reconsidered as belonging to our category (2) by DURNOVO [1915B: 296–297]. I agree with the latter: such cases would be peculiar and unusual, would we meet them in a text translated from Greek, but not theoretically excluded. Thus, I will skip their detailed discussion limiting myself to the reference to Durnovo's analysis as sufficient.

Finally, one more methodological consideration. I consider being safer, in the study of the original language of the Slavonic version, to refrain from any judgment concerning the priority of either Bulgarian or Russian subrecension of the work. I would prefer a vice versa approach, namely, to use the conclusion concerning the language of original of the Slavonic translation as an argument in this discussion.

7.3. Category (1): the Marks of Syriac Permeable through Greek

There are, at least, four cases when difficulties of Slavonic manuscripts could be clarified with the help of reconstruction of the lost Syriac original, but all the cases to be discussed in this section are featuring the work of either editor of the Syriac recension translated into Slavonic or translator from Syriac regardless of the language of his translation, either Greek or Slavonic.

7.3.1. "Sore, ulcer" (ܫܘܠܥܢܐ) *pro* "sandals" (ܫܘܠܥܢܐ)

The saying preserved in SyrA "My son, while thou hast shoes on thy feet, tread down the thorns and make a path for thy sons and for thy sons' son" (no. 13) is distorted in Slavonic manuscripts, e.g.: Сыну, ѣдну суццю на нозѣ твои, не велми вѣступиай на ню, и уготовай путь сыномъ и дѣщеремъ своимъ [GRIGORIEV 1913: 27]⁴⁸ (no. 9; "Oh son, if thou hast an ulcer on thy feet, do not tread much on it and prepare a path for thy sons and daughters"). The whole sentence became senseless.

⁴⁸ Уготова (O) corrected to уготовай (V).

One can see that the translator from Syriac has in mind, instead of the correct reading **ܡܫܢܝܐ** /*msānē*/ “sandals, shoes,” an adjective **ܡܫܝܐ** /*masyā*/ understood as a noun with the meaning “sore, ulcer.”⁴⁹ The two dots above *nun* in the correct reading are the mark of plural form, which is not always written properly in the manuscripts, and so, the only important difference in writing is between two similar letters, *nun* and *yud*.

Probably it is an editor (scribe) and not the translator who is responsible for this error.

7.3.2. **ܡܫܠܐ**: /*hyālā*/ “Weakness” *pro* /*haylā*/ “Power/Eloquence”

The saying that corresponds to no. 19 in SyrA and is preserved in somewhat different forms in other recensions has a very peculiar wording in Slavonic. Thus, in, e.g., SyrA, we have: “My son, go not after the beauty of a woman and lust not after her in thy heart, because the beauty of a woman is her good sense, and her adornment is the word of her mouth” (no. 19). Other recensions differ in wording but preserve the general sense. The overall picture is the same even in Slavonic but one anomaly occurs: ...и женьстьѣи красотѣ не жадаи: тоя бо красота слабость язычная⁵⁰ (no. 14b; “. . .and lust not after the beauty of a woman, because her beauty is the weakness of language”).

Unfortunately, we have not, in the preserved recensions, the correct pattern of the wording of this obviously distorted phrase. It is, however, recoverable. Indeed, in Syriac, there are two complete graphic homonyms, *hyālā* and *haylā*, which both are written as **ܡܫܠܐ** and differ in vocalisation only. The former means “debility, deficiency, weakness,”⁵¹ whereas the latter means literally “power” and, by extension, “sense (of a word),” “eloquence,” and “eloquent sense of speech,” that is, a meaning absolutely adequate to our context. This meaning, however, is not quite literal, and so, an inexperienced translator would have been unaware of it.

This error does not allow defining the language of translation.

7.3.3. An Unapprehended Idiom: **ܡܫܠܐ** “Look to Thyself; Beware”

A peculiar lectio difficilior of MS O is eliminated from other Slavonic manuscripts and has no exact pattern among the non-Slavonic recensions. In the dialogue between the Pharaoh and Aḥiqar about the next difficult task (twining cables from the sand), the Pharaoh adds to his refuse to hear anything from Aḥiqar: не слушаю твое слова. и виж* [the word is abbreviated] си тако, яко

⁴⁹ Literally “moist, rotten” but also, in the medical usage, cf. the phrase “membra putrida” [PAYNE SMITH 1879–1901: 2176]. Cf. also a similar noun **ܡܫܝܐ** /*masyu*/ “decay, rottenness, an ulcer” [PAYNE SMITH (MARGOLIOUTH) 1903: 284].

⁵⁰ **Sol** has сласть (lit. “sweetness”) instead of слабость (“weakness”).

⁵¹ [PAYNE SMITH 1879–1901: 1261]: “debilitas, infirmitas.”

ТЫ⁵² ЕСМЬ РЕКЛ [GRIGORIEV 1913: 201] (“I do not hear thy words. And see [the general meaning of the abbreviated word is “to see”] thee/ty thus as I have said to thee”).

This is a calque of the Syriac idiom ܠܝ ܠܝܫܐܝܬܝܝܗܘܘܢ, literally “see at you(rself),” with the meaning “look after/to thyself” or “beware” (cf. Russian idiom “смотри у меня!”).

Again, this error is committed by the translator from Syriac, but, again, it does not allow defining the language of translation.

7.3.4. “Dale of Egypt” vs “Eagles’ Dale”: “Egypt” (ܥܝܦܘܬܐ) *pro* “Eagles” (ܥܝܫܐܝܬܐ) François Nau, who had an access to the Slavonic version through Jagić’s German translation only, was the first who proposed the hypothesis of a direct translation from Syriac into Slavonic. Among his arguments was the confusion, in Slavonic, between “Egypt” (ܥܝܦܘܬܐ /*meşren*/) and “Eagles” (ܥܝܫܐܝܬܐ /*nešrin*/; st. constr. pl.). In all the versions and recensions except the Slavonic ones, the appointed place of the meeting between the army led by Aḥiqar and the army of the Pharaoh is called “Eagles’ Dale” (ܥܝܫܐܝܬܐ ܕܥܝܦܘܬܐ). In Slavonic, this toponyme is changed into a hardly convenient “Egyptian Dale” (поле Египетское “Egyptian field”) [NAU 1909: 98].⁵³

Such confusion is possible within the Syriac manuscript tradition, and so, can be attributed to either Syrian editor/scribe or translator from Syriac with an equal probability. Of course, even in the latter case, it says nothing about the language of translation.

7.4. Category (2): the Marks of Syriac Scarcely Permeable through Greek

The Category (2) encompasses the traces of the Syriac original, whose passing through Greek is not forbidden with strong linguistic or other reasons. However, for each of them, the Greek language would be an uncomfortable milieu, and so—what is the most important—for all of them in sum passing through Greek becomes extremely unlikely (because the probability of the sequence of independent events is equal to the product of probabilities of each of them). Thus, even if each one of the following cases is not sufficient to exclude the possibility of a Greek intermediary, taken together, they form a strong argument against it.

⁵² Sic. Obviously instead of the correct ТИ (“to thee”).

⁵³ Nau was the first to suppose that the Slavonic version was translated directly from Syriac, whereas he did not reject the alternative hypothesis of a Greek intermediary. Oddly enough, Paolo Giaiero allows, for an explanation of *Nisrin* in Arabic recensions (which is obviously an inexact transliteration from Syriac), a possibility for the Slavonic reading to be original (“...l’ipotesi più semplice è che *Nisrin* in realtà sia una forma corrotta del sir. class. *Mišrin* ‘Egitto’” [GIAIERO 2005: 245]).

To this category belong as well the cases of preserving /b/ in the loan-words, as it was shown by Durnovo (s. above, section 7.2).

7.4.1. “Alon/Alom” pro “Elam” (𐎠𐎡𐎢𐎣)

Among the addressees of the two treacherous letters allegedly written by Aḥīqar was an unnamed “king of Persia and Elam” (𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣). In Slavonic, he became “king of Persia, whose name is Alon [Sol Alom]” (царє-ви перскому, ему же имя Алонъ [Sol Аломъ]).⁵⁴

In the Serbian recension, the only one known to Nau, the name of the king of Persia is *Nalon*. This confusion was interpreted by Nau as resulted from reading ʿayyin as *nun*, and so, it became the second and the latter argument provided by Nau for translation from Syriac into Slavonic. One can see, however, that the erroneous initial *n* does not occur in the earliest Slavonic recension.

Without taking into account Nau’s work, Durnovo noticed a corruption of the toponyme Elam and qualified the reading of **Sol** “Alom” as “more genuine” (“более первоначально”) [NAU 1909: 13, n.2; 98; DURNOVO 1915B: 292].

The toponyme “Elam” was quite usual not only to the Syrian audience but to the Greek audience, too. This country was not more exotic than Persia. Thus, ignorance of Elam would be impossible for a Syrian editor and hardly possible for a translator from Syriac into Greek—whereas it would be quite possible for a Slavic scribe.

7.4.2. “Naliv” pro “Niniveh” (𐎠𐎡𐎢𐎣)

The Assyrian king Sennacherib has, in Syriac, the title “the king of Assyria and Nineveh” (𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣). Both parts of this title, as they are represented in Slavonic, are of interest for us. The toponyme Nineveh (/ninwē/) is represented as if its spelling was without *yod* and with *lamad* instead of *nun*: 𐎠𐎡𐎢* (Наливская страна “country of Naliv”). Already Grigoriev and, after him, Nikita Aleksandrovich MESHCHERSKIJ [1964: 205–206] (cf. earlier [MESHCHERSKIJ 1958/1995: 251–252]) saw here an argument for a direct translation from Syriac. However, Durnovo answered that here, like in the case of “Egypt vs. Eagles,” “. . . is possible a misspelling already in the Semitic original.”⁵⁵ This is not the case, however.

The cases of an imaginary “Eagles’ Dale” and known to everybody and absolutely real Nineveh are quite different. It is highly improbable that there would

⁵⁴ Here and below the readings of the majority of the manuscripts are given according to the edition [TVOROGOV 1980/1999]. The references to the particular manuscripts imply the editions enumerated above in the section 6.

⁵⁵ “...возможна описка еще в семитском оригинале” [DURNOVO 1915A: 100].

be a Syrian scribe (that is, a literate man!) unable to recognize “Nineveh” when it is spelled correctly and in a place where its appearing is to be expected (a royal title). It is not much more probable even for a Greek (Byzantine) translator. Such an error would most likely occur in a culture quite remote from the realities of Byzantine and Iranian empires. Thus, this is a strong, even if not decisive argument for the direct translation from Syriac.

7.4.3. ܝܕܘܪܐ Rendered as “Ador”

Another part of the title of Sennacherib is in Slavonic a transliteration from Syriac ܝܕܘܪܐ /*aṭor*/ (adjective АДОРОВЪ “belonging to Ador”), which differs very much from the names of Assyria in Greek sources (normally Ἀσσυρία but occurring as well in the forms Ἀτουρία, Ἀτυρία, Ασσούρ⁵⁶). An important distinction is ου or υ in Greek vs /o/ in Slavonic.

Slavonic *Ador* is closer to Syriac *Aṭor* than to the Greek forms but /*d*/ instead of /*t*/ needs to be explained. I think it is explainable with the phonetics of the Syriac dialect known to the translator. Now, there are, on the territory of the ancient Iranian empire, Neo-Aramaic dialects where, in the intervocalic position, etymological **t* > *d*; there are some other dialects, where such processes took place earlier but now the resulting *d* > *l*. The only problem is that all these modern Aramaic dialects are Jewish [MUTZAFI 2004: 37; KHAN 2004: 29–30].⁵⁷ However, the geography of the corresponding phonological processes in the Jewish Aramaic dialects covers a large part of the historical Iranian empire.

Moreover, in another Slavonic pseudepigraphon, *2 Enoch* 48:2 (long recension only), translated from the lost Greek original, the Hebrew name of the month Ṭēbēt appears as *Theveda* (MS J) or *Thivitha* (MS R) or *Thevada* (MS P) [ANDERSEN 1983: 175, n. e], with alternation between *th* and *d* at the end of the word. These forms, even if they were transliterated from Greek, render some Aramaic pronunciation (traditional Greek rendering being τηβηθ in both Hellenistic Jewish and Byzantine texts; cf. *Esther* 2:16 *cod. Sinaiticus*, gloss, rendered as τεβεφθ /*tevef*’/ in the Slavonic translation [LUNT, TAUBE 1998: 68, 306]): the transition *b* > *v* is common to all Aramaic dialects, whereas *t* > *t* (*th*) becomes possible in the Eastern (Iranian) dialects where the emphatic consonants became plain. The final *d*, however (alternating with *th*), is inexplicable without recourse to an unknown Aramaic dialect which may be similar to the dialect underlying the Slavonic *Aḥiqar* text. It is possible that both *2 Enoch*’s translation from Greek and *Aḥiqar*’s translation from Syriac go back to the same milieu.

⁵⁶ This list is provided by [DURNOVO 1915B: 295] but I have checked it with the *Thesaurus Linguae Graecae*.

⁵⁷ Khan mentions the same process (**t* > *d* > *l*) in the Jewish dialects of Iran (Urmia, Ruwanduz, and Rustaq). I am very grateful to Alexei Lyavdansky for his consultation.

Appearance of *Ador* in a Greek translation is phonologically possible but very unlikely. In the Greek language, there were a number of place names for Assyria, the country known to the every educated person. In the Slavonic world, the situation was different, especially if the translation is to be dated to the earliest period of the Slavonic letters (as now Bulgarian scholars think, s. below). Therefore, *Ador* is also an important reason in favour of the direct translation form Syriac.

7.4.4. Aḥiqar's Title in the MSS P_v and B: съвалаторъ = ܝܕܢܪܐ ܠܥܘܪܐ "Elder for Assyria"

Nadan, when writing to the king of Persia in the name of Aḥiqar, introduced him to king with the following *lectio difficilior* preserved in two South Slavic manuscripts only: съвалаторъ /s'valator'/ (P_v) / съ оулаторъ /s' ulator'/ (B). The first of them could be read immediately as ܝܕܢܪܐ ܠܥܘܪܐ /*sabā l-ātor*/ "Elder for/in Assyria". This title has no correspondence among the Syriac and other Christian recensions but goes back to the Elephantine papyrus (although, of course, through the lost Syriac archetype of the Christian romance). In the papyrus, Aḥiqar is regularly and officially called not only "scribe" but also "elder" (ܫܒܐ). In the preserved Syriac recensions, the word "elder" occurs only in the mouth of Nadan, as a mockery. The meaning of "elder" as a high state position in Assyria was beyond the Christian scribes, even if it was, at first, retained from the Aramaic *Vorlage*.

The translator did not recognise the toponyme *ātor* "Assyria" within the phrase which he did not understand. Nevertheless, he used the Slavonic letter *tverdo* corresponding to the voiceless consonant /t/ for rendering the phoneme designated with Syriac *tet* in an intervocalic position. However, the same toponyme when recognised is rendered with the voiced consonant /d/ throughout the text ("Ador"). I do not know how to explain this fact.

Needless to say that an untranslated phrase in Syriac written down with Slavonic letters has, perhaps, some chance to be obtained through a Greek intermediary, but this is hardly the best hypothesis.

7.4.5. One More Untranslated Phrase?

In the earliest of the manuscripts, **Sav**, there is the following difficult place.⁵⁸ Aḥiqar asks Sennacherib why he wants to kill him without hearing his explanation: како хочешы погубити менѣ сили имамаль ѿ мене реч(у)—"why thou wilt me to perish *sili imamal'* <?!> from me a speech/word?"

There is no corresponding phrase in the preserved non-Slavonic recensions. In the Slavonic manuscripts, the text runs as follows:

⁵⁸[KUZIDOVA 2010: 503] for the text of **Sav** and the variants.

не слыша от уст моих ответа (**Ch**) “without hearing an answer from my mouth,”
 не слышавъ (**Sf**) “without hearing,”
 не слышавъ ответъ (**Pv = O**) “without hearing an answer,”
 не слышавъ от мене речи (**B**) “without hearing from me a speech/word.”

The mysterious phrase *sili imamal'* sounds similar to two Syriac roots, *sly* /*salli*/ (intensive stem of the verb *sl'* “to reject” marked as “rare” in a dictionary [PAYNE SMITH (MARGOLIOUTH) 1903: 378]) and *mamlē*/, also a “rarer” form of the noun *mamlilā*/“speech; talk, discourse.”⁵⁹ The verb *sly* is normally followed with the preposition *l-* [PAYNE SMITH 1879–1901: 2638], and so, it seems, that the initial *i-* in *imamal'* is a trace of *l* *صل* /*salli li*/ “(he) rejected me,” corrupted due to the haplography.

Without venturing into conjectural retroversion back into Syriac, I would conclude that the fragment under consideration is a remnant of a subordinate clause whose general meaning is “(thou wilt me to perish) after having rejected me with my speech,” that is, “without leaving me to speak.” This phrase turned out to be difficult because of its usage of two rare words, but the translator understood its general meaning from the context, and so, he added the phrase “from me a speech” as a partial translation of the difficult place. Probably the translation was left unfinished.

There is no formal reason to exclude a possibility that this semi-translation was performed into Greek, but it is not very plausible. Each editorial stage makes the text smoother, and so, such senseless inclusions have a minor chance to permeate into the translation.

7.5. Category (3): Marks of Syriac Incompatible with a Greek Intermediary

Three features of the Slavonic texts must be interpreted as even theoretically incompatible with the possibility of a Greek intermediary. Only one of them has been discussed earlier but not in an exhaustive way.

7.5.1. *ܣܢܗܪܝܒ* *snhryb* “Sennacherib” as “Сенагрипъ /*Senagrip*”

One of the most striking “Syriac” features of the Slavonic texts is their rendering of the Syriac form of the name of Sennacherib, *ܣܢܗܪܝܒ* *snhryb*, in a very exact way, *Сенагрипъ* /*Senagrip*/. The final /*p*/ instead of the etymological /**b*/ is a common feature of the mediaeval Aramaic, not only Syriac (/ **b*/ becomes voiceless at the end of the syllable), which is not specific to any dialect (cf. [LIPINŃSKI 1997: 104]).

The Slavonic form is an exact transliteration of the Syriac one and differs very much for the traditional Greek forms such as *Σανναχάριβος* (Herodotus),

⁵⁹ [PAYNE SMITH (MARGOLIOUTH) 1903: 279]: “*ܣܠܠܐ* rarely *ܣܠܠܐ*.”

Σεναχρήριβος (Flavius Josephus), Σεσσαχρήριμ (Septuagint). Durnovo quotes this variety of forms to show that there would be some another Greek form which was transliterated into Slavonic. Thus, he quotes also the form Σενερίφ taken from a Greek recension of the *Apocalypse* of Pseudo-Methodius. Durnovo thought that the Greek prototype of the Slavonic *Senagrip* would look like “something of the kind of *Σιναρίφ or *Σιναγρίφ” [DURNOVO 1915B: 295–296].

There are two serious flaws in this Durnovo’s reasoning. At first, he does not take into account that the Slavonic form is not in any extent an arbitrary one but an exact transliteration of the Syriac prototype, whereas the Syriac prototype is the normative Syriac form used without variants throughout the Syriac Bible and the Syriac original of Pseudo-Methodius [REININK 1993: 11–12]⁶⁰ (Durnovo still did not know that the Pseudo-Methodius is a Syriac work of the 690s, whose Greek text is a translation of the early ninth century). The renderings of the name of Sennacherib in different manuscripts of the earliest Greek recension of Pseudo-Methodius is especially revealing on the ways of rendering Syriac ܣܢܚܪܝܒ in Greek: Σενερήβ, Σενερήν, Σουερήν, Σενερήθ, Σενεριβέχ [AERTS, KORTEKAAS 1998: 102].

In the Greek forms, there is only the following alternative for rendering Semitic *het*: either χ or /ø/, but never γ (at the beginning of words, *het* could be rendered as well with *spiritus asper* or *spiritus lenis*). In Slavonic, there is /g/, and so, its Greek prototype would have γ. But the latter is phonologically forbidden in Greek transcriptions of Semitic words (and ignorance of this fact is the second and the greatest flaw in Durnovo’s reasoning). Thus, Slavonic /g/ in *Сенагрипъ* is a direct rendering of Syriac *het*. This conclusion is corroborated with the very fact of such accuracy in rendering of the Syriac form of the name.

7.5.2. ܢܒܘܗܝܠ *nbwḥyl* “Nabuḥail” as “*Набугаилъ /*Nabugail*”

The recension of Aḥiqar translated into Slavonic had some peculiarities of the plot which make it closer to the recension SyrE but, nevertheless, not identical to any of the known recensions. In Slavonic, the friend and colleague of Aḥiqar Nabusumiskun (= Nabū-šum-iškun “Nabu has effected a son” [TALLQVIST 1914: 160]) loses his name and acquires, instead, the name of another character, Nabuḥail (ܢܒܘܗܝܠ *nbwḥyl*) (= Nabū-ḥa’ilu “Power of Nabu”⁶¹). According to

⁶⁰ There is, in the Pseudo-Methodius, only a minor variation of spelling (implying the same pronunciation): ܣܢܚܪܝܒ.

⁶¹ Cf. [CAD 6: 31], sv. **ḥa’ilu*: “meaning uncertain, occurs only in personal names. . . , perhaps an Aramaic loanword.” However, Nau was certainly right when interpreting this name as related to Aramaic *hyl* “power”: “Nabū est puissant” or “Nabū est (ma) force” [NAU 1909: 12].

SyrE, Nabuḥail is the name of one of the two young servants of Aḥiqar who were taming the eagles⁶² and, at the end, were also the guards of imprisoned Nadan.⁶³ In Slavonic, these servants are unnamed. Normally, in Slavonic, even Nabusumiskun passes unnamed, too, called only with his title (which will be discussed below). Only at the end, Aḥiqar mentions him with the name (in Dative case), whose spelling is, of course, instable from manuscript to manuscript.

The Dative forms of the Slavonic names are the following: Набугинау (O, main scribe), Набугилу (O, correction above the line) [GRIGORIEV 1913: 207].⁶⁴ Durnovo quotes other manuscripts, especially **Ch** (Нагубыль) and **Kh** (Анабугиль), to make his point that the name is hardly recoverable, and so, is of minimal help in discussion of the original language [DURNOVO 1915B: 296–297]. However, this name turns out to be perfectly recoverable with the help of the Syriac recension E (to 1915 unpublished but accessible, in the relevant part, through the 1909 Nau’s monograph). One can see that two among the Slavonic forms, namely, Набугинау and Набугилу allow to recover the original Slavonic rendering as *Набугайль /*Nabugail*/.

I refrain from discussion of /b/ in all the preserved forms but, once more, refer to /g/, also preserved in all these forms and representing Semitic /ḥ/, as a proof of phonological impossibility of a Greek intermediary in the case of this name.

7.5.3. Nabuḥail’s Title: Намукъ /*namuk*/ = ܢܡܘܩܐ /*namiqā*/ = νομικός

The title of Nabusumiskun (Nabuḥail in Slavonic) presents a problem because the earliest Syriac recension contained a rendering of his title known from the Elephantine papyrus in the Official Aramaic of the Assyrian empire. In the papyrus, it is ܢܒܝܐ. This word is known in the Aramaic language of Jews only with the meaning of “youth.”⁶⁵ However, in the Official Aramaic it was a form of an Akkadian loanword *rabū* “officer” [KAUFMAN 1975: 87]. The literal sense

⁶² At this place, his name could go back to the archetype of the Syriac romance, because SyrA has here ܘܒܝܠ *wbyl* “Ubail,” which may be a corruption of “Nabuḥail” [NAU 1909: 12].

⁶³ His name is spelled correctly ܢܒܘܫܘܡܝܫܟܘܢ at the second instance [NAU 1918–1919B: 366] and not quite correctly at the first [NAU 1918–1919B: 357] (ܢܒܘܫܘܡܝܫܟܘܢ *nbywlh*).

⁶⁴ Grigoriev (followed by [TVOROGOV 1980/1999]) is right in considering the next word “намукъ” as a separate word and not as a part of the name, s. below; Durnovo’s criticism and his reading Набунамукъ are unjustified; cf. [DURNOVO 1915B: 296]. There are other possibilities to read the correction. Actually, it contains the following letters inscribed above the letters of the word Набугинау: г above и, и above н, л above а (the second one), and у above у. Tvorogov reads Набугинаилу.

⁶⁵ Yardeni and Porten translate even in the Elephantine papyrus (into English and into Hebrew): “the young man” and ܢܒܝܐ [PORTEN, YARDENI 1993: 31, 33, 35], but Cowley translated “the officer” [COWLEY 1923: 221–222].

of the word became inaccessible to the Christian and Jewish audience long before the date of the composition of the Syriac romance. Thus, in SyrA appears, as the constant and repeating epithet of Nabusumiskun, the phrase ܘܚܘܫܘܬܝ ܕܚܘܫܘܬܝ, which Harris refused to translate [CHL 1913: 112–113] and Nau was trying to explain but with no much success [NAU 1918–1919B: 303]. It can be translated literally as “the Humble/Lowly, my fellow.” This wording sounds a bit Christian, but, for the Christians, the word “humble” /*meskin*/ after the name would be appropriated only in first person speech. In fact, this epithet is nothing but an attempt of understanding ܘܚܘܫܘܬܝ in the Aramaic *Vorlage*.

No wonder, that the later editor introduced some clarifications and simplifications. Thus, in the earliest Armenian recensions (going back to the late fifth cent.), constantly appears “Abusmak’, my comrade” (Աբուսմակը ընկերնիս *hú*), and, in Slavonic, he is simply другъ (“friend”). Nevertheless, a wish to designate his title in a more comprehensible way persisted. Thus, in Slavonic, we meet *Набугаилу намуку “to Nabuhail *namuk*” [GRIGORIEV 1913: 207]. In Syriac, the original word is obvious: ܘܚܘܫܘܬܝ /*namiqā*/ or ܘܚܘܫܘܬܝ /*numiqā*/ (both spellings are acceptable) “notary”, which, in turn, are transliterations of Greek νομικός “lawyer, official.”

This Greek loanword in Syriac is a powerful argument against a Greek intermediary. It is extremely unlikely that a Greek scribe would not understand in Syriac a Greek loanword whose meaning in Greek was quite common.

7.6. Category (4): Other Linguistically Problematic Points

The Slavonic translation poses several other problems which must be discussed, at least, to know whether they put under suspicion our conclusion about translation from Syriac.

7.6.1. Aḥiqar Named *Akir*

In Syriac, the name of Aḥiqar is always ܘܚܘܫܘܬܝ, with the unique exception of SyrD where it is ܘܚܘܫܘܬܝ *Ḥiqar*. The Armenian version has Խիկար *Khikar* in all recensions, and the Arabic version has حيقار *Ḥiqār*. Only the Slavonic version has *Akir* (Акиръ), with *Akirie* in the Serbian recension (a vocative form which became also nominative) and, from the latter, *Archirie* in the Romanian version.⁶⁶

As Nau pointed out, the loss of /*h*/ in Slavonic does not require a Greek intermediary [NAU 1909: 98]. However, he did not refer to any precise phono-

⁶⁶ Ciuchindel considers *r* in *Archirie* as inserted by analogy with other Romanian names of Greek origin, such as *Arghirie*, *Arghir*, *Arhir*: [CIUCHINDEL 1976: 97–98]; cf. *ibid.* other forms of the name derived in the Romanian manuscripts from the genuine *Archirie*.

logical reason for this change. In fact, this problem is not so easy, because we have, in Slavonic, the regular correspondence of *glagol'* /g/ to Syriac /ḡ/, both at the end of the syllable (*Senagrip*) and in an intervocalic position (**Nabugail*).

In the Syriac version of the *Tobit*, the name is spelled as ܐܚܝܩܪ *Aḥiāḥōr*, but in the Vulgate (translated from some unknown “Chaldean” original) it becomes *Achior*.

Thus, it is most probably, I think, that the Slavonic form *Akir* goes back to the Syriac form of SyrD, *Ḥiqār*, whose early origin must be assumed due to the Armenian version. At the beginning of the word, /ḡ/ would be, probably, rendered with /ø/ plus the vowel /a/, as it was normally in Greek transliterations of the Semitic names (much more often than its rendering with χ).⁶⁷ The resulting actual form *Akir* looks as a simplification (instead of such forms as **Aikar* or **Ajkar*, which would contain the diphthong /aj/ impossible in Old Slavonic; the normal, for Old Slavonic, change /aj/ > /e/ would be forbidden because of necessity to preserve /a/ as a rendering of /ḡ/).

7.6.2. Arapar

The name of the bad servant decapitated instead of the Aḥiqar is, in the Slavonic version, quite specific but not changed according to the manuscripts, Арапаръ *Arapar*. His name is often absent from other versions, but is presented in some of the Syriac ones as either *Manzipar* or *Mediapar* and, in Armenian, as *Sēnip'ar* (and some similar variants).⁶⁸ Nau proposed to understand the ending *-apar* as a corruption of the Akkadian very common ending of personal names *-apal* (status constructus of *aplu(m)* “son”).

If *Arapar* is an Akkadian name, its initial part would go back to a late Akkadian loanword *ārā* “earth, land” [CDA: 21] (from Aramaic ܐܪܥܐ). Thus, this symbolic name has the meaning “son of the earth,” and so, has something to do with his death, when his corpse and his head, separated, were thrown and left on the surface of the earth with some specified, by the order of Sennacherib, distance from each other. *Arapar*'s execution was certainly a ritual, already inapprehensible to the Christian audience, and such a name would fit perfectly with it. Thus, this name could be an archaic feature going back, through the archetype of the Syriac Christian romance, to its Aramaic substrate.

⁶⁷ S., for the conclusions based on the most comprehensive collection of data, [ILAN 2002–2012, I: 19; II: 10].

⁶⁸ Cf. a discussion of these names in [NAU 1909: 13; DURNOVO 1915A: 78]. As it seems to me, all these names were assimilated to Iranian names with ending *-bar*. Here and elsewhere [DURNOVO 1915B: 289], Durnovo repeats his erroneous conviction that the name *Arapar* is mentioned, in the form *'Arāfar-purijus*, in the *Thesaurus Syriacus* by Payne Smith (with no column number provided). Most probably, this is a misunderstood reference provided to him by his friend and authority in Semitic matters academician Fedor Korsch, who died in 1915. I am unable to establish the real source referred to (apparently, it is not the lexicon of Bar Bahlul, either).

7.6.3. Nadan Named *Anadan*

The name of Aḫiqar's stepson, Nadan is preserved in Armenian, Նադան,⁶⁹ and Arabic, نادان. The Syriac consonant writing *nḏn* implies the same reading, because the two /a/ instead of /a/ and /i/ in Akkadian *Nadin* are attested to with the whole Greek manuscript tradition of the *Book of Tobit*.⁷⁰ This name, however, becomes *Anadan* in the whole Slavonic tradition, including its Romanian part.

Joseph Halévy proposed to derive *Nadan* from (Neo-) Persian نادان *nādān* “fool” [HALÉVY 1900: 57, n. 3], but this word is too late to contribute to our romance. Even in Middle Persian, the corresponding word is *adān* (transliteration *d'n*) “ignorant” [MACKENZIE 1971/1986: 5], which is not very similar to *Nadan*.

However, the name *Anadan*, known from Slavonic, could be read as Middle Persian *anādān* (transliteration *n't'n*) “insolvent,” from *ādān* (*t'n*) “wealthy; solvent” [MACKENZIE 1971/1986: 5, 8]. This meaning would be perfectly fitting with the role of Nadan whose wealth turned out to be ephemeral.

Halévy's reasoning, whereas unacceptable in its original form, could be useful when applied to a later form of the name, *Anadan*, rather than to the original form *Nadan*, and with the Middle Persian (Pahlavi) language instead of the Neo-Persian (Farsi). It was the Pahlavi language that dominated in the Sassanid Iran.

Thus, I think that the best available hypothesis on the name *Anadan* consists in placing its origin within the Syriac textual tradition already in the Iranian empire.

7.7. A Proof by Contradiction

The very idea of a translation into Slavonic directly from Syriac still remains a delicate matter among the Slavists. Thus, taken aside our conclusion that the Slavonic *Aḫiqar* ultimately goes back to a Syriac recension of the romance (which is in conformity with the generally accepted opinion), let us concentrate ourselves on the cases from the categories (2) and (3), that is, those that indicate towards the lack of a Greek intermediary. Namely, let us re-examine them with a proof by contradiction.

⁶⁹ In Armenian, the form Nathan (Նաթան, the only one known to the Western scholars) appears in the later recensions and, even there, not in all the manuscripts. Sometimes occurs even the form Նաթընան *Nat'dan* (in ArmG, where, normally, this name is Nadan; [MARTIROSSIAN 1969–1972, 1: 248.24]).

⁷⁰ S., for the details, [NAU 1909: 8–9]. Thus, [GIAIERO 2005: 243] is wrong when he tries to explain the form *Nādān* as a peculiarity of the Arabic version.

Thus, let us accept that a Greek intermediary did exist. We have to describe it⁷¹ (as always, without discussing rendering of /b/). The following features are the most peculiar:

- (1) Semitic /h/ is *systematically* (not occasionally, but in two different proper names) rendered with γ both at the end of the syllable and in an intervocalic position, whereas rendered with a vowel (/a/) at the beginning of the word;
- (2) a very common Greek word νομικός in a very fitting context passed unrecognised from the Syriac text to the Greek translation;
- (3) the *majority* of the geographic markers (excepting only “Egypt” and “Persia”) passed unrecognised from Syriac to Greek (“Assyria,” “Elam,” “Nineveh”).

This list can be modified by changing its point (1) with the point (1a): Semitic /h/ was rendered, in Greek, with χ (that is, in one of usual ways), but this χ became ʒ (*glagol*) in Slavonic *via* an interchange between the Slavonic letters *xěr* and *glagol*.⁷²

The point (1) could be considered, according to the presently available data (which include plenty of texts created, among others, by native speakers of Semitic languages),⁷³ as phonologically forbidden. Given that the phenomenon must occur systematically, it cannot be explained with a graphic error either. I see no possibility at all, for such a feature, to exist.

Thus, let us resort to the point (1a). It requires that the early Slavonic manuscript tradition at the stage preceding its ramification between the Bulgarian and Russian branches changed *xěr* with *glagol*, not occasionally (e.g., only in one word occurring one time), whereas also not systematically, but strictly limiting the area of change to the Akkadian names. One of these names, *Nabugail, occurs only once, but another one, Senagrip, occurs continuously with no variant with /x/ instead of /g/. Thus, a scribal error must be excluded. However, in the manuscripts of the Slavonic *Aḥiqar*, there is no trace of other systematic changes of /x/ to /g/, which would not affect the Akkadian names. Therefore, recourse to (1a) is of no help.

⁷¹ In the following, including the very idea to give a proof by the contradiction, I owe very much to Evgenij Vodolazkin and other participants of the discussion of my paper delivered at the session of the Section of the Old Russian Literature of the Institute of the Russian Literature of the Russian Academy of Sciences on May 29, 2013. I am grateful especially to my opponents Evgenij Vodolazkin, Dmitri Bulanin, Natalia Ponyrko, and others who refused to recognise my proofs of a direct translation from Syriac.

⁷² This is one of the guesses proposed by Evgenij Vodolazkin.

⁷³ See especially [ILAN 2002–2012, I: 19; II: 10]. The database of [ILAN 2002–2012] covers the whole corpus of Greek transliterations from Hebrew and Aramaic up to AD 650. We have no so exhaustive database for the later period, but both my opponents and I are unable to point out any exception from the same rules for /h/.

Let us modify our initial conditions and accept that Semitic /*h*/ was rendered with γ due to some absolutely unknown to us reasons. Nevertheless, even in this purely imaginary case, we would obtain a rather strange Greek text. Its hypothetic author would have lack of knowledge of some elementary things, such as “lawyer” and “Assyria”—otherwise they would be translated into Greek in some usual way and, then, would be either correctly translated or transliterated by the Slavic translator. Therefore, it is highly unlikely that such a text would ever exist.—This reasoning is not decisive per se, but it is important to check our previous conclusion based on the phonological impossibility for such text to exist. One has to preview that such an imaginary Greek text would contain, beside phonologically impossible features, some other oddities resulting from the fact that it would be unfitting with the cultural context of Byzantium.

Here, the proof by contradiction could be considered completed. However, there are some less rational arguments that resist to the above demonstration, especially two, normally but not necessarily connected to each other. They are the following:⁷⁴

- (1) the cumulative argument is not an argument at all,
- (2) the proper names and other special designations of foreign realities are easily and randomly changeable, and so, must be excluded from the study of the original language of a given translated text.

Answer to (1). I consider the cumulative argumentation as an important scholarly tool. Its demonstrative power results directly from the probability theory, namely, from the formulae for the probability of the simultaneous occurrence of several independent events (which is equal to the product of the probabilities of each one of them, that is, a much lesser number than the probabilities of these individual events). Thus, if several different rare events take place simultaneously, the probability of such a situation is very little, and so, this situation, very probably, is created not by an accident. This means that these events are rather not mutually independent, and so, their probabilities are to be described with Bayesian formulae for the conditional probabilities.

Unfortunately, in some discussions in humanities people argue as if the probability of the simultaneous occurrence of different rare events is equal to the probability of one or other of them. Of course, such reasoning leads to discarding the cases described in the section 7.4 and, then, apparently increases the probability that the cases described in the section 7.5 must have some different explanation, whereas still unknown to us.

Answer to (2). The second argument presents another methodological error. A glance on the proper names throughout the versions, recensions, and

⁷⁴ These arguments were shared by most, if not all, of my opponents at the session in the Section of the Old Russian Literature but mostly articulated by Evgenij Vodolazkin.

manuscripts of the *Aḥiqar* romance demonstrates, that the Slavonic names are not always unfluctuating enough in the Slavonic manuscript tradition itself but also easily recognisable in other traditions in different languages. Moreover, the proper names are unchanged even in the Mlḥasō recension despite the fact that it is available through the oral tradition exclusively. Thus, we have no chaotic changes in Slavonic proper names in neither available part of the Slavic manuscript tradition nor its lost earliest part, the latter being demonstrated with the fact of conformity between the Slavonic and Syriac forms.

Therefore, the arguments provided so far for possibility of a Greek intermediary are inconclusive.

8. Hagiographical Analysis

8.1. Hagiographical Coordinates and Some Trivia

Now, we have to reread the text of the Christian romance as a hagiographical document. Indeed, *Aḥiqar* became one of the “Old Testament saints” already in the *Book of Tobit*, and so, for a Christian reader, the story of his life is a work of hagiography—at least, on the same level as, say, the *Vitae Prophetarum*. However, the Christian romance contains more specific features of hagiographical legend, those that are described by Hippolyte Delehaye as “hagiographical coordinates” of place and of time.⁷⁵

The coordinate of place is self-evident: the capital of “Assyria,” that is, *mutatis mutandis*, of the Sassanid Iranian Empire, which is Ctesiphon.

The coordinate of time is preserved quite well in the manuscripts of the earliest Slavonic recension (and some other recensions of the Slavonic branch, too): August 25. This is the date of the unaccomplished martyrdom of *Aḥiqar*. It was appointed by Nadan in his false letters on behalf of *Aḥiqar* to foreign kings as the date of *Aḥiqar*’s treachery (appointed meeting with foreign armies at the Plain of Eagles), then, it became the date of *Aḥiqar*’s “unmasking” before Sennacherib and, with this, also the date of Sennacherib’s sentence upon *Aḥiqar* and the pretended “death” of *Aḥiqar*. There is no other date in the text, and so, this one is the only “coordinate of time” in the Christian hagiographical legend on *Aḥiqar*. It must have something to do with the cult of *Aḥiqar* as a saint.

This date completely disappeared only from the Arabic branch but is preserved quite well in the earliest Syriac recensions (where the month is called ‘*Ab*’).⁷⁶ In the Armenian recensions (where the month is called *Hrotic*’⁷⁷),

⁷⁵ [DELEHAYE 1934], especially *Leçon I*. For a larger context, s. [LOURIÉ 2009].

⁷⁶ SyrA and SyrE. The fragmentary recensions SyrC and SyrD do not preserve the passages where the date occurs.

the situation is a bit more complicated, because the date “25” is preserved only in the recensions ArmCEF, which are not the oldest and the best ones; other recensions of the Armenian branch have either “August (*Hrotic*) 15” or no date at all.⁷⁸ Nevertheless, the accord among the Syriac, Slavonic, and Armenian recensions is enough to conclude that the date August 25 is genuine.

Thus, we have, in our romance, a hagiographical legend of St Aḫiqar commemorated on 25 August. However, we have nothing similar to the commemoration of Aḫiqar in all known to us calendars, including all the published calendrical documents in Syriac.⁷⁹

The very fact that this date is appointed according to the Julian calendar would prevent it from having the “Nestorian” tradition as its origin. In the corresponding (Eastern Syrian) rite, the commemorations are normally appointed to some specific weekdays (normally, Fridays) of some specific weeks, and such early exceptions from this rule as the Christmas and the Theophany correspond only to the most important festivities common to (almost) the whole Christian world. Thus, such an appointment for the commemoration of Aḫiqar, in the fourth or the fifth century, must be considered, for the Eastern Syrian rite, as not simply unlikely but rather impossible.

Another Syriac-speaking community of the Iranian Empire was that of the anti-Chalcedonians, having split itself (in the 520s) into two major factions between the followers of Severus of Antioch and Julian of Halicarnassus. The followers of the latter were backing the leaders of the Armenian Church at the Second Council of Dwin (555), which accepted their doctrine and anathematised Severus. The liturgical rite of the Syriac-speaking followers of Severus in the Iranian Empire (known to us as the Syrian rite of Tikrit) extinguished in the eighteenth century, and so, is preserved only in a very limited number of

⁷⁷ The equivalence August to *Hrotic* excludes that it is the Armenian Old Calendar with wandering year that is meant. In the Old Armenian calendar ca. 500, the month *Hrotic* was roughly corresponding to July and shifting (with the speed one day per four years) to June. 1 *Hrotic* = 1 August would require 1 *Navasard* = 5 September, which corresponds to AD 328. S. the Table A in [DULAURIER 1859: 384]. Given that our text is a translation, one has to expect that it preserves the Julian calendar of its original.

⁷⁸ ArmABD have “August 15,” ArmG and the epitomized recensions have no date at all. The recension ArmA is an early thoroughly polished revision of the original translation; its terminus post quem is ca. 500. To this epoch, the date August 15 became the culmination of the Palestinian Dormition cycle, which was adopted also by the Armenian Church (before this, there were other – different – Marian feasts on August 15, also in Palestine). Thus, according to the revision going back to ArmA, the commemoration of Aḫiqar in the Armenian rite became concealed under the feast of Dormition.

⁷⁹ I refrain from providing here the full bibliography of these documents, although, unfortunately, there is no an exhaustive bibliography of Syrian ecclesiastical calendars (in Syriac and Arabic).

manuscripts. The liturgical traditions of the Julianists disappeared almost completely much earlier. Thus, we have no calendrical documents which would be representative for the Syriac anti-Chalcedonian tradition of Iran.

The total absence of the commemoration of Aḥiqar from the subsisting calendrical documents of the Western Syrian rite is a ponderous argument *ex silentio*, because the Jacobite Syrian calendrical tradition is represented in the available documents not in the worst way. However, the Aḥiqar romance originated in Iran, and so, its commemoration date of Aḥiqar does not necessarily penetrated into the Western Syrian rite.

The fact of a very early translation from Syriac into Armenian is fitting perfectly with the Church history of the fifth and sixth centuries, presuming that the Syriac piece was, in this early epoch, important for the anti-Chalcedonian camp (and especially for those with an Iranian background).

Given that its original affiliation to the Church of the East (“Nestorian”) must be excluded,⁸⁰ the Christian romance of Aḥiqar must originate in some Syrian milieu whose rite used the Julian calendar for the commemorations of saints. In the cases if this milieu would be pre-Chalcedonian or post-Chalcedonian but Melkite, one has to expect some Melkite mediaeval tradition of the romance, especially in such languages as Greek, Arabic, and Georgian. Instead, we have no Greek and Georgian translations at all (the late translations into Georgian from Armenian are not counting), whereas the Arabic (Karshuni) tradition is clearly Jacobite and not Melkite.

This is a typical picture of diffusion of the anti-Chalcedonian texts—unless we presume that the Slavonic version goes back to a lost Greek Byzantine original. But we do not.

8.2. The Three Young Men in Babylon on August 25

Having found nothing in the subsisting calendars of the anti-Chalcedonian traditions, we can switch our attention to the Chalcedonian calendars. Given that our cult of Aḥiqar was not shared by the Chalcedonians, it is possible that they had had another cult, which was either polemically pointed at the cult of Aḥiqar or vice versa (the cult of Aḥiqar was polemically pointed at this hypothetical cult). Thus, we have to check the Chalcedonian calendars for the same hagiographical “axis set”: August 25, Ctesiphon.

The answer follows immediately from Palestine and, as it is normally for the Palestinian liturgical documents corresponding to the Palestinian rite of the second half of the first Christian millennium, in the Georgian language:

⁸⁰ Despite the fact that all known Syriac manuscripts are “Nestorian,” whereas the Syrian anti-Chalcedonian tradition of the *Aḥiqar* is preserved in Arabic. Throughout the centuries, these two Syrian confessions were normally sharing the works produced by each one of them, excepting only the works of mutual polemics.

commemoration of the Three Young Men Ananias, Azariah, and Misael and Daniel the Prophet.⁸¹

The hagiographical dossier of the Three Young Men as Christian saints contains three groups of documents: (1) extra-biblical documents concerning their martyrdom (the only group represented in Greek and Slavonic, that is, in the preserved Byzantine traditions⁸²), (2) account of discovering of the relics on 25 August in “Babylon” (Ctesiphon) available in Armenian and Georgian only, (3) Coptic accounts related to their shrine in Alexandria and explaining, why their relics could not leave Babylon.⁸³

To these documents, several historical data should be added. In 454/455, the Chalcedonian Patriarch of Jerusalem Juvenal deposited parts of the relics of the Three Young Men in two shrines in Jerusalem. These events took place almost immediately after the re-establishing of Juvenal on the Jerusalem See with the help of the military power. Juvenal was among the supporters of Dioscorus at the Second Council of Ephesus in 449 but changed his mind at the Council of Chalcedon (451) and, because of this, was refused to return to his See by the Palestinian flock. For about twenty months, since November 451 to June or July 453, the See of Jerusalem was occupied by the anti-Chalcedonian Patriarch Theodosius [HONIGMANN 1950]. After having been re-established on his former See, Juvenal created several new shrines with the purpose of attracting the flock, among them the two shrines with the relics brought from Babylon. No wonder that, from the anti-Chalcedonian side, this new cult of the Three Young Men met a fervent opposition. The anti-Chalcedonians were trying to demonstrate that the Chalcedonian relics in Jerusalem are false, whereas the true relics will have never left Babylon. From the Coptic anti-Chalcedonian side, several legends were elaborated for this purpose. All of them demonstrate that the only shrine established by the will of the Three Youths is their martyrdom in Alexandria created by Patriarch Theophilus (385–412), although their relics are absent even from this shrine and have to remain in Babylon forever [DE VIS 1929: 58–202 ; TILL 1938; ZANETTI 2004]. In all these Coptic legends, as well as in the liturgical calendar of the Coptic Church (until present), the main festival of the Three Youths is the day of the dedication of Theophilus’ church, Pashons 10 (May 6 of the Julian calendar).

However, this Coptic dossier is featuring the troop positions of the anti-Chalcedonians in the only one seat of war, that of Egypt, whereas our main

⁸¹ Mostly on August 25, although in some Georgian documents on August 24: [GARITTE 1959A: 312, cf. 311 and 86].

⁸² The Greek legends *BHG* 484z and *BHG* 484* making the Three Youths buried by angels on the Mount Gebal, are, pace [GARITTE 1959B: 71], published by [ISTRIN 1901]; they are available in the Slavonic version, too. For the Slavonic dossier, s. [IVANOVA 2008: 362–365].

⁸³ See [VAN ESBROECK 1991; ZANETTI 2004] with further references.

interest is located at the opposite end of the Christian world, Iran. Here, the legends about the coffins of the Young Men in the completely desolated and inaccessible city of Babylon were not of much help, because the relics were quite accessible, and Babylon was transformed into the most prosperous capital city of the Sassanid Empire, Ctesiphon. Therefore, the Syriac dossier of the relics is not so easy to understand. To start with, there is no document preserved in Syriac, which would explicitly mention the relics—whereas their Syriac dossier is, nevertheless, traceable.

The discovering of the relics in Ctesiphon was earlier than the Council of Chalcedon and the following Church divisions. The Armenian/Georgian account⁸⁴ allows dating it to about 422. The story of discovering is explicitly dated to the rule of the Sassanid King of Persia Bahram V (421–438). The relics of the Three Youths were preserved in the home of a Jew built on the ruins of the palace of Nebuchadnezzar, which became famous with the wondrous healings whose cause nobody knew except the Jew himself. A court official (I will discuss his title below, section 8.3), who was a Christian and a friend of the king, asked his disciple, himself a convert from Judaism, to gain confidence of his former coreligionist and to make known the cause of these healings. The disciple presented himself to the owner of the relics as a Jew, made him drunk and wormed a secret out of the Jew. Then, the Christian official asked the head of a monastery named Anthony to help him to steal the relics. Anthony with some of his brethren visited the Jew under the guise of sick people, once more made him drunk, and managed to know that he regularly leave his home on the Sabbaths. Then, in the night to the next Saturday, the Christians intruded the home of the Jew and, not without a miracle, found the relics and stolen them. When the loss became revealed, the Jews made turmoil, and the story became known to the king. Thus, the Christian official was arrested and tortured for seven months but remained silent about the place where the relics are preserved. After this, he was released and re-established in his rights and became anew a friend of the king. The only motivation of this is a reference to the “will of God”: “. . .and then he was released from bonds by the will of God (կամարն Աստուածայ / ნებოთა ღმერთისადთა)” [GARITTE 1959B: 95; GARITTE 1961: 100]. Then, he together with Anthony and his monastery constructed a martyrrium for the relics which produced new miraculous healings.

In the background of this story, as Garitte pointed out, there is a collision between Iran and Byzantium in 421, when a new Byzantino-Iranian war started as a reaction of Byzantium to a new persecution of the Christians in Iran. Bahram stopped the persecution, and the peace was concluded. Thus, the shrine of the Three Youths in Ctesiphon was constructed (ca. 422) as a monu-

⁸⁴ Published in [GARITTE 1959B; GARITTE 1961].

ment of this peace and a sign of the Byzantine protection over the Christians of the Iranian Empire. “The will of God” in our story, which released the Christian official from his jail, turned out to undercover the military force of the emperor of Byzantium.

In the epoch of the quarrels over the Council of Chalcedon, this shrine continued to be under Byzantine Emperor’s protection, and so, its relics were available to the Chalcedonians (and unavailable to their adversaries) for removing parts of them.

This cult of deposition of the holy relics of the Three Youths in Ctesiphon on 25 August is preserved exclusively in the Chalcedonian traditions, but it certainly predates the Church divisions caused by the Council of Chalcedon. In the anti-Chalcedonian traditions, there is a number of traces of the same cult. The very story of the finding of the relics is available, beside Georgian, in Armenian; moreover, the Georgian text is translated from Armenian, and the language of this translation reveals a very early period of the Georgian literature⁸⁵ and is to be dated to the epoch of Church unity between the Georgians and the Armenians (before ca. 611), when both Churches were anti-Chalcedonian. Thus, both Armenian and Georgian legends are witnesses of the continuity of the cult of the Ctesiphon martyrism in anti-Chalcedonian traditions.

Moreover, the original language of this legend is Syriac, as Garitte demonstrated having access to the Georgian text alone, still without knowing that the Armenian version is survived. Thus, the legend of the martyrism of the Three Youths in Ctesiphon is an Iranian Christian legend written in Syriac but, then, suppressed from the Syriac tradition.

Another trace of the same legend in Syriac is preserved in one of the Jacobite Syriac calendars which mentions a feast of the Three Youths and prophet Daniel on August 22.⁸⁶

The only possible conclusion from the above data is that the commemoration of the discovery of the relics of the Three Youths was inherited by the anti-Chalcedonian Syrian rites from the pre-Chalcedonian epoch but, then, suppressed. This conclusion is in a perfect accord with the fact that the martyrism of the Three Youths in Ctesiphon was under control of the Chalcedonians.

8.3. Aḥiqar and Malpana

A more close analysis of the legend on finding the relics of the Three Youths reveals important similarities with the legend of Aḥiqar. Its main character

⁸⁵ “...la langue elle-même a une allure extrêmement archaïque” [GARITTE 1959B: 76].

⁸⁶ The calendar Nau III, ninth cent. [NAU 1915: 44]. The discrepancy between the dates August 22 and August 25 remains unexplained but, nevertheless, such a particular (for the Syrian tradition) commemoration of the Three Youths could hardly be unrelated to that of August 25.

bears the Syriac name *Maḫtūt'a* in Armenian [GARITTE 1961: 93] and different but not less Syriac name *Malp'a* in Georgian [GARITTE 1959B: 86]. The meaning of the latter name is obvious: *Malpānā* (ܡܠܦܢܐ) “teacher; doctor,” either read as **malpā* (ܡܠܦ) or having lost its last syllable during transmission from Syriac to Armenian or from Armenian to Georgian.

The name in the Armenian text seems to be replaced with a common name. Indeed, the structure of the whole sentence is very similar in both Georgian and Armenian [GARITTE 1959B: 86; GARITTE 1961: 93]:

Georgian	Armenian
მას ჟამსა შინა იყო სოფელსა მას კაცი ერთი კარანი მეფისაჲ, და სახელი მისი მალვა, და იყო კაცი იგი ქრისტეანე.	Ապա յերկրին յայնմիկ բնակեալ էր այր մի արքունիս անուն էր նորա Մախտութա և էր այր քրիստոնեայ.
In this time, in this land ⁸⁷ there was some [lit. one] man, a royal official, ⁸⁸ and his name (was) Malp'a, and that man was a Christian.	Then, there was some [lit. one] royal man living in this land, and his name was Maḫtūt'a, and (he) was a Christian man.

The phrase “one royal man,” in Armenian, sounds not smooth enough, especially in contrast with the phrase “one man, royal official,” in Georgian. But the name *Maḫtūt'a* could be a corruption of *Malkutāyā* (ܡܠܚܘܬܐ) “royal” especially probable in Armenian. Indeed, in Armenian, the word “royal” *արքունի* is a derivate of *արքայ* “king,” which is a loanword from Syriac (ܐܪܟܘܢܐ /*ārkunā*/), which is, in turn, a loanword from Greek (ἄρχων) [AČAREAN 1926–1935/1971–1979, 1: 345–347]. In Syriac, the meaning of the Greek word is preserved (“prince, ruler, governor,” but not specifically “king”), whereas, in Armenian, the word changed its sense. As it seems, the Armenian text resulted from a distortion of the Syriac phrase *ܡܠܚܘܬܐ ܐܪܟܘܢܐ* “royal governor/official” due to mistranslation of *ܐܪܟܘܢܐ* into Armenian as “(belonging to) king” (*ܐܪܟܘܢܐ* /*ārkunā*/ > *արքունի* /*ark'uni*/). Then, the word *ܡܠܚܘܬܐ* “royal” became superfluous, and so, in the course of further corruption, replaced the name of the character.

The Georgian text is translated from Armenian but, as Garitte pointed out, not from the subsisting Armenian text. As it seems, the Armenian origi-

⁸⁷ The word *სოფელი*, whose later meaning is “world,” still has an archaic meaning “land, region”; s. [GARITTE 1959B: 76].

⁸⁸ On the rare word *კარანი*, see [Garitte 1959b: 81]. It is a loanword from Armenian, where *կարան* is derived from *կարեմ* “je peux” in the same manner as *իշխան* “ishkhan” (“ruler, prince”) is derived from *իշխեմ* “je domine.” This means that this word is ultimately a calque from Greek *δυσάστος* “(court) official” (cf. Act 8: 27, where the Syriac correspondence is *ܡܠܦܢܐ*).

nal of the Georgian version represented a different Armenian translation from Syriac.

The only thing we have to retain from the above analysis is that Malpa(na) is the original name of our personage.

Now, we are in position to compare the two stories, that of Malpana and that of Aḫiqar.

Both stories have the same framing plot: an official close to the king becomes jailed without any guilt but rather for his good deeds (in the case of Malpana, these deeds could be not so good from the viewpoint of Jews, of course). Then, it becomes released and re-established in his former status. Some additional details are similar, too. The name Malpana (which, of course, could be originally a common name; we have to take into account that our legend in Armenian/Georgian could be an epitomised recension, where some details could be lost) indicates that its bearer is, like Aḫiqar, a wise man. Malpana, like Aḫiqar, was released after a war threat (although this motive does not appear explicitly; again, it could be lost if the available recension is an epitomised one). The competition between the two world's principal powers, Assyria and Egypt, corresponds, in Malpana's situation, to the competition between their successors, Sassanid Iran and Byzantium (while the latter included Egypt as its province).

The framing story about the fall and re-establishing of a high official and a friend of the king was especially popular in the Iranian territory (so-called motive of the "wise vizier")—at least, from the Sumerian epoch, when it was attested to for the first time in the world.⁸⁹ This motive remained quite productive in Iran up to the fall of the Empire: its latest Iranian incorporation is described in the *Shahnamah* by Firdowsi (written in the tenth century but based on Middle Persian sources), in the story of the Shahanshah Khusraw I Anushirwan (531–579) and his vizier Wuzurgmihr (Būzurjmihr in Firdowsi's Farsi); this story has been referred to as a parallel to the romance of Aḫiqar by NÖLDEKE [1913: 27]. Wuzurgmihr is a historical personage especially known by his charging a Persian court physician Burzōy with the mission to India for bringing the *Pañcatantra* [DU BLOIS 1990]. Another motive of the Aḫiqar romance, that of the admonitions of a high court official to his son is known, in Middle Persian, under the name of Ādurbād, whose sayings have a number of textual coincidences with those of Aḫiqar.⁹⁰

Thus, in Iran, the legend of Malpana was somewhat fitting literature fashion. One has to repeat the same about the romance of Aḫiqar, which was composed in the same vein but much richer.

⁸⁹ In the so-called *Bilingual Proverbs* (in Sumerian and Akkadian), ii, 50–63; ed. [LAMBERT 1960: 239–246, here 241], cf. [REINER 1961: 7–9].

⁹⁰ The historical Ādurbād was an important figure and a Zoroastrian theologian at the court of Šābūr (Shapur) II (309–379). See [DU BLOIS 1984].

9. The *Sitz im Leben* of the Christian Aḥiqar Romance

The two hagiographical legends, that of Malpana and that of Aḥiqar, are connected with both common commemoration date, August 25, and structural similarities. This means that one of them was composed for replacing another, as it occurs normally when there are competing cults. It is impossible to eliminate an undesirable cult of a saint or relics, unless you create another cult able to conceal it.⁹¹

The cult of the relics of the Three Youths became undesirable for the anti-Chalcedonians throughout the world, but they were in different external conditions. In Iran, unlike Egypt, the feast on 25 August in Ctesiphon was a reality, and so, one had to retain, in the concealing legend, its hagiographical coordinates.

There is a little doubt that it is the Aḥiqar legend which is the later one. Indeed, we see, that the Aḥiqar romance became popular exclusively in the anti-Chalcedonian camp, whereas the old and formerly common to both Chalcedonians and anti-Chalcedonians commemoration of the discovery of the relics of the Three Youths was preserved by the Chalcedonians exclusively.

The Aḥiqar romance was written by an anti-Chalcedonian Syrian faction in Iran, which was connected more closely to the Middle Persian culture than the Byzantine one and did not share the Greek-Syriac bilingualism common in the Western Syria. This is the explanation why the Christian romance of Aḥiqar is unknown in Greek: its Greek version has never existed.

The *Sitz im Leben* of the Syriac Aḥiqar romance is an anti-Chalcedonian Syrian community in Iran between 451 (the date of the Council of Chalcedon) and the late fifth century (the date of the Armenian version).

10. The *Sitz im Leben* of the Slavonic Version

There is, presently, a consensus of Russian scholars that the Slavonic translation (from whatever language) was made in the Kievan Rus'.⁹² This consensus

⁹¹ As it is formulated by Michel van Esbroeck in relation to the hagiographical documents, "[r]ien n'élimine mieux un document que la création d'un parallèle destiné à le remplacer" [VAN ESBRÖECK 1989: 283].

⁹² See, for a review of literature, [THOMSON 1993/1999: 346–347] and *Addenda* [THOMSON 1999: 44], and, most recently, [TURILOV 2010: 10–11]. Thomson concludes that "...in view of equally early South Slav manuscript tradition, there is no need to posit an East Slav provenance and the East Slavisms can be explained as the result of revision" [THOMSON 1993/1999: 346–347]. Anna Pichkhadze in her recent monograph considers a number of variant readings of the Russian and Serbian manuscripts of the *Aḥiqar*. Her conclusion is that the Serbian readings, unlike the Russian ones, are varying, and so, secondary; therefore, she concludes, the Russian readings are original, and, then, the translation is made in Russia [PICHKHADZE 2011:

still did not exist before the revolution, when Durnovo wrote that the “nationality” of the translator is unclear.⁹³ However, to 1925, Durnovo changed his mind without providing any additional reasons: he enumerated the *Aḥiqar* within “. . .the series of translations, whose Russian origin one can consider as proved.”⁹⁴

This Russian consensus has never become so unanimous among the Bulgarian scholars. The finding of the manuscript of the Savina monastery allowed to Anisava Miltenova substantiating the claim that the Slavonic translation of the *Aḥiqar* belongs to the earliest layer of the Slavonic translations made in Bulgaria, when this text was translated within a collection of various Old Testament pseudepigrapha [BOGDANOVIĆ, MILTENOVA 1987] (cf. [KUZIDOVA 2010; KUZIDOVA 2012]).

The same manuscript of the Savina monastery contains as well *The Twelve Dreams of Shahaisha* and the Eleutherius recension of the *Twelve Fridays*. I argued elsewhere that these works are also of Syro-Iranian origin and are translated into Slavonic from Syriac directly (for the Eleutherius recension of the *Twelve Fridays*, I consider the direct translation as the most likely option; anyway, this is a work written in Syriac and unknown in Greek) [LOURIÉ 2012; LOURIÉ 2013]. Such a literary convoy of the *Aḥiqar* in its earliest Slavonic manuscript is a powerful argument for the Bulgarian and not Russian origin of the Slavonic translation.⁹⁵

12, 47–50 et passim]. However, the fact that the Serbian readings are secondary does not prove that the translation is Russian. Pichkhadze says no word about the Bulgarian manuscripts and the traces of Bulgarian protographs in the Serbian manuscripts. Thus, her study is in fact not an argument against the Bulgarian origin of the translation.

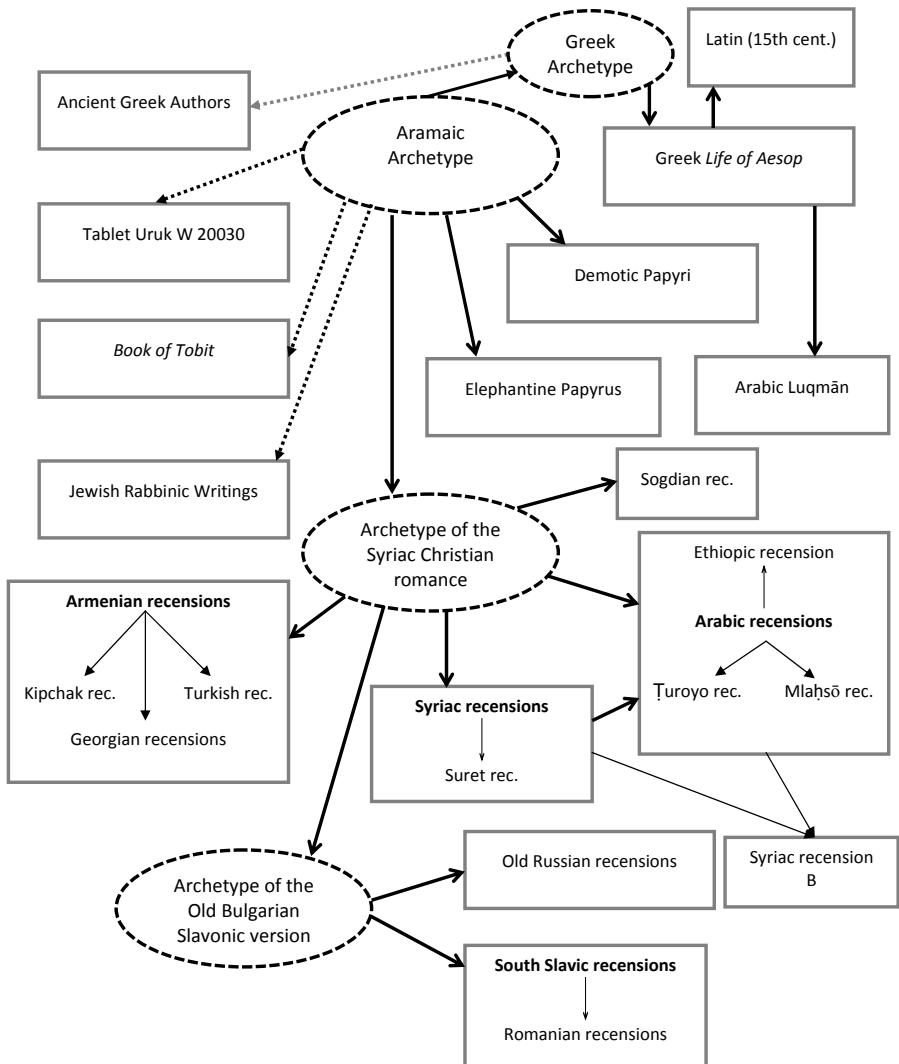
⁹³ Cf. [DURNOVO 1915A: I]: “The question about the nationality of the Slavic translator is not resolved with the necessary completeness and clearness, namely, whether this translator was a South Slav or a Russian, and, in the latter case, whether he originated from Southern or Northern Rus’ . . .” [“не решенным с той полнотой и ясностью, с какой это требовалось... вопрос о национальности славянского переводчика повести (т. е. был ли этот переводчик южным славянином или русским, а в последнем случае южанином или северянином)”].

⁹⁴ [DURNOVO 1925/2000: 375]: “...в ряде переводов, русское происхождение которых можно считать доказанным”.

⁹⁵ I am very grateful to all those who supported me in this study, and especially to Eugen Barsky, Elena Bormotova, Ioannis Konstantakos, Irina Kuzidova, Elena Ludilova, Alexei Lyavdansky, Nikolai Seleznyov, as well as my dear opponents from the Section of the Old Russian Literature of the Institute of the Russian Literature, St. Petersburg, and my anonymous reviewer.

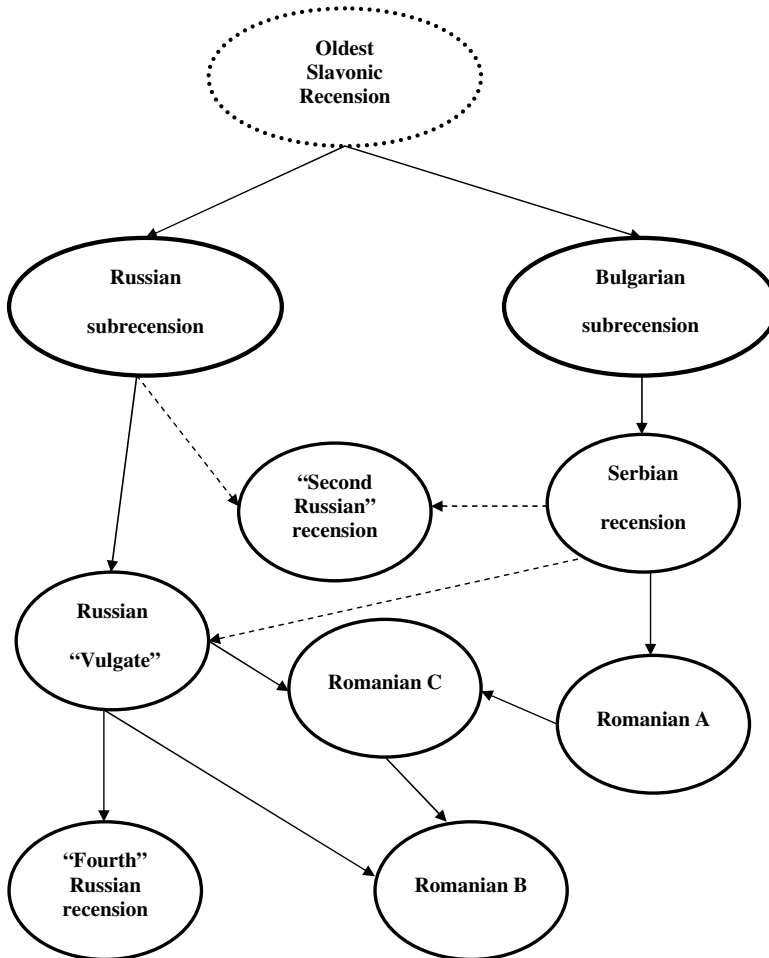
Appendix 1

Filiation of the Aḥiqar Texts
(Together with References to Them in Antiquity)

Appendix 2

The Structure of the Slavonic Branch of the Aḥiqar Texts (in Slavonic and Romanian)

Notes:

1. The Russian recensions which appeared in the eighteenth century and later and the Romanian recensions which appeared in the nineteenth century are not taken into account.

2. The so-called "Second Russian recension" is localised hypothetically according to [PIOTROVSKAJA 1978].

3. "Russian 'Vulgate'" = "Third Russian recension" according to [BELOBROVA, TVOROGOV 1970].

Bibliography

AČAREAN 1926–1935/1971–1979

Աճարեան Հ., *Հայերէն Արմատական Բառարան* [ACHAREAN H., *The Etymological Dictionary of Armenian*], 1–4, Yerevan, 1926–1935; repr. 1971–1979.

AERTS, KORTEKAAS 1998

AERTS W. J., KORTEKAAS G. A. A., Die Apokalypse des Pseudo-Methodius. *Die ältesten griechischen und lateinischen Übersetzungen*, I (= Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 569; Subsidia, 97), Louvain, 1998.

ANDERSEN 1983

ANDERSEN F. I., “2 (Slavonic Apocalypse of) Enoch (Late First Century A.D.),” in: J. H. CHARLESWORTH (ed.), *The Old Testament Pseudepigrapha*, 1, Garden City, NY, 1983, 91–221.

BELOBROVA, TVOROGOV 1970

БЕЛОБРОВА О. А., ТВОРОГОВ О. В., “Переводная беллетристика XI–XIII вв.,” в: Я. С. ЛУРЬЕ (ред.), *Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе*, Ленинград, 1970, 142–194.

BETRÒ 2005

BETRÒ M., “La tradizione di Ahiqar in Egitto,” in: [CONTINI, GROTTANELLI 2005A: 177–191].

BHG

HALKIN F., *Bibliotheca Hagiographica Graeca*, I–III; *Novum Auctarium BHG* (= Subsidia hagiographica, 8a, 65), Bruxelles, 1957 [repr. in one vol. 1985], 1984.

BOBROV 2007

БОБРОВ А. Г., “Существовал ли Мусин-Пушкинский сборник со «Словом о Полку Игореве»? (Об одном заблуждении Эдварда Кинана)”, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1/2, 2007, 39–51.

BOGDANOVIĆ, MILTENOVA 1987

БОГДАНОВИЋ Д., МИЛТЕНОВА А., “Апокрифният сборник от манастира Савина, XIV в., в сравнение с други подобни южнославянски ръкописи”, *Археографски прилози*, 9, 1987, 7–30.

BOYCE 1975

BOYCE M., *A Reader in Manichaean Middle Persian and Parthian* (= Acta Iranica, 9. Textes et mémoires, 2), Leiden, 1975.

BROCK 1968/1992

BROCK S. P., “A Piece of Wisdom Literature in Syriac,” *Journal of Semitic Studies*, 13, 1968, 212–217 [repr. in: S. P. BROCK, *Studies in Syriac Christianity. History, Literature and Theology* (Variorum. Collected Studies Series CS357), Hampshire–Brookfield, 1992, V].

BROCK 2009

BROCK S. P., “Ahiqar,” in: S. P. BROCK et al. (eds.), *Gorgias Encyclopedic Dictionary of the Syriac Heritage*, Piscataway, NJ, 2011, 11–12.

CAD

The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago, 1–21, Chicago, IL, 1956–2010.

CARMU 2002

CARMU I., *Cărți populare românești* (= Biblioteca școlarăului), Bucharest–Chișinău (Kishinev), 2002.

CAVT

HAЕLEWYCK J.-C., *Clavis Apocryphorum Veteris Testamenti* (= Corpus Christianorum), Turnhout, 1998.

CDA

BLACK J., GEORGE A., POSTGATE N., *A Concise Dictionary of Akkadian* (= Santag. Arbeiten und Untersuchungen zur Keilschriftkunde, 5), Wiesbaden, 2000².

CHL 1913

CONYBEARE F. C., HARRIS J. R., LEWIS A. S., *The Story of Aḥīkar from the Aramaic, Syriac, Arabic, Armenian, Ethiopic, Old Turkish, Greek and Slavonic Version*, 2nd ed. enlarged and corrected, Cambridge, 1913.

CIUCHINDEL 1976

CIUCHINDEL C., *Povestea lui Archirie filosoful... Carte populară românească din secolul al XVII-lea*, Bucharest, 1976.

CONTINI 2005

CONTINI R., GROTTANELLI C., "Bibliografia ahiqariana," in: [CONTINI, GROTTANELLI 2005A: 275–325].

CONTINI, GROTTANELLI 2005A

CONTINI R., GROTTANELLI C. (eds.), *Il saggio Ahiqar. Fortuna e trasformazioni di uno scritto sapienziale. Il testo più antico e le sue versioni*, Brescia, 2005.

CONTINI, GROTTANELLI 2005B

CONTINI R., GROTTANELLI C., "Introduzione," in: [CONTINI, GROTTANELLI 2005A: 11–89].

CORNILL 1875

CORNILL C. H., *Maṣḥafa Falâsfâ Ṭabibân. Das Buch der weisen Philosophen nach dem Aethiopischen Untersucht*, Leipzig, 1875.

COWLEY 1923

COWLEY A., *Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C.*, Oxford, 1923.

DANIEL 1996

DANIEL R. W., "Epicharmus in Trier: A Note on the Monnus-Mosaic," *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 114, 1996, 30–36.

DE VIS 1929

DE VIS H., *Homélie coptes de la Vaticane*, II (= Cahiers de la Bibliothèque Copte, 6), Copenhagen, 1929.

DELEHAYE 1934

DELEHAYE H., *Cinq leçons sur la méthode hagiographique* (= Subsidia hagiographica, 21), Bruxelles, 1934.

DENY, TRYJARSKI 1964

DENY J., TRYJARSKI E., "«Histoire du sage Hikar» dans la version arméno-kiptchak," *Rocznik Orientalistyczny*, 27, 2, 1964, 7–61.

DU BLOIS 1984

DU BLOIS F., "The Admonitions of Ādurbād and Their Relationship to the Aḥīkar Legend," *Journal of the Royal Asiatic Society*, 116, 1984, 41–53.

DU BLOIS 1990

DU BLOIS F., *Burzōy's Voyage to India and the Origin of the Book Kalīlah wa Dimnah* (= Royal Asiatic Society. Prize Publication Fund, 23), London, 1990.

DULAURIER 1859

DULAURIER É., *Recherches sur la chronologie arménienne technique et historique*, I: *Chronologie technique*, Paris, 1859.

DURNOVO 1915A

ДУРНОВО Н. [Н.], *Материалы и исследования по старинной литературе, 1: К истории повести об Акире* (= off-print from *Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества*, IV, issue 2 [the whole volume has never been published]), Москва, 1915.

DURNOVO 1915B

ДУРНОВО Н. [Н.], Review of [GRIGORIEV 1913], *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, 20.4, 1915 [publ. 1916], 255–302.

DURNOVO 1925/2000

ДУРНОВО Н. Н., “К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола”, *Slavia*, 4, 1925, 446–460 [репр. в: ДУРНОВО Н. Н., *Избранные работы по истории русского языка*, Москва, 2000, 368–382].

DURNOVO 1931

ДУРНОВО Н., “Дубровницкий список Повести об Акире”, in: V. ČOROVIĆ et al. (eds.), *Zbornik iz dubrovačke prošlosti: Milanu Rešetaru o 70-oj godišnjici života prijatelji i učenici* (= Dubrovnik, 2), Dubrovnik, 1931, 221–226.

FITZMYER 2003

FITZMYER J. A., *Tobit* (= Commentaries in Early Jewish Literature), Berlin, 2003.

GARITTE 1959A

GARITTE G., *Le calendrier palestino-géorgien du Sinaiticus 34 (Xe siècle). Édité, traduit et commenté* (= Subsidia hagiographica, 30), Bruxelles, 1959.

GARITTE 1959B

GARITTE G., “L’Invention géorgienne des trois enfants de Babylone,” *Le Muséon*, 72, 1959, 69–100.

GARITTE 1961

GARITTE G., “Le texte arménien de l’Invention des trois enfants de Babylone,” *Le Muséon*, 74, 1961, 91–108.

GARITTE 1971/1980

GARITTE G., “Traduttore traditore di se stesso,” *Bulletin de la Classe des Lettres de l’Académie Royale de Belgique*. 5e sér., 57, 1971, 39–80, [repr. in: GARITTE G., *Scripta disiecta. 1941–1977*, II (= Publications de l’Institut Orientaliste de Louvain, 22), Louvain, 1980, 676–717].

GARKAVETS 2002

ГАРКАВЕЦ А. Н., *Кыпчакское письменное наследие, I: Каталог и тексты памятников армянским письмом*, Алматы, 2002.

GASTER 1900/1925

GASTER M., “Contribution to the History of Aḥiqar and Nadan,” *Journal of the Royal Asiatic Society*, 32, 1900, 301–319 [repr. in: GASTER M., *Studies and Texts in Folclore, Magic, Medieval Romance, Hebrew Apocrypha, and Samaritan Archeology*, I, London, 1925, 239–257].

GIAIERO 2005

GIAIERO P. R., “Tre recensioni arabe della Storia di Ḥayqār,” in: [CONTINI, GROTTANELLI 2005A: 227–253].

GREENFIELD 1971/2001

GREENFIELD J. C., “The Background and Parallel to a Proverb of Aḥiqar,” in: A. CAQUOT, M. PHILONENKO (eds.), *Hommages à André Dupont-Sommer*, Paris, 1971, 49–59; repr. in: [GREENFIELD 2001: 93–103].

GREENFIELD 1981/2001

GREENFIELD J. C., “Aḥiqar in the Book of Tobit,” in: J. DORÉ, P. GRELOT, M. CARREZ (eds.), *De la Torah au Messie: Mélanges H. Cazelles*, Paris, 1981, 329–336; repr. in: [GREENFIELD 2001: 195–202].

GREENFIELD 1990/2001

GREENFIELD J. C., “Two Proverbs of Aḥiqar,” in: T. ABUSCH et al. (eds.), *Lingering over Words: Studies in Ancient Near Eastern Literature in Honor of William L. Moran* (= Harvard Semitic Studies, 37), Atlanta, GA, 1990, 195–201, repr. in: [GREENFIELD 2001: 313–319].

GREENFIELD 2001

PAUL SH., STONE M. E., AND PINNICK A. (eds.), *‘Al kanfei Yonah: Collected Studies of Jonas C. Greenfield on Semitic Philology*, I, Jerusalem, 2001.

GRIGORIEV 1900

ГРИГОРЬЕВ А. Д., “К вопросу о происхождении и редакциях Повести об Акире Премудром”, в: Н. А. Янчук (ред.), *Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями*, Москва, 1900, 107–113.

GRIGORIEV 1913

ГРИГОРЬЕВ А. Д., *Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты*, Москва, 1913.

GRÜNBERG 1917

GRÜNBERG S., *Die weisen Sprüche des Achikar nach der syrischen Hs. Cod. Sachau Nr. 336 der Kgl. Bibliothek in Berlin herausgegeben und bearbeitet*, Berlin, 1917.

GUZIK 1936

GUZIK M. H., *Die Achikar-Erzählung nach der syrischen Handschrift Cod. Sachau Nr. 336 der Preussischen Staatsbibliothek*, Zürich–Krakow, 1936.

HALÉVY 1900

HALÉVY J., "Tobie et Akhiakar," *Revue sémitique*, 8, 1900, 23–77.

HELLER, STILLMAN 1986

HELLER B., STILLMAN N. A., "Luḳmān," in: C. E. BOSWORTH, E. VAN DONZEL, B. LEWIS, CH. PELLAT, *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*, 5, Leiden, 1986, 811–813.

HONIGMANN 1950

HONIGMANN E., "Juvenal of Jerusalem," *Dumbarton Oaks Papers*, 5, 1950, 209–279.

ILAN 2002–2012

ILAN T., *Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity*, I–IV (= Texts and Studies in Ancient Judaism, 91 [Part I], 148 [Part II], 126 [Part III], 141 [Part IV]), Tübingen, 2002 [Part I], 2008 [Part III], 2011 [Part IV], 2012 [Part II].

ISTRIN 1901

ИСТРИН В. М., *Греческие списки апокрифического мучения Даниила и трех отроков* (= Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, LXX, 1), С.-Петербург, 1901.

IVANOVA 2008

ИВАНОВА К., *Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*, София, 2008.

JAGIĆ 1868

JAGIĆ V., "Prilozi k historiji kniževnosti naroda hrvatskoga i srbskoga," *Arkiv za povjestnicu jugoslavensku*, 9, 1868, 65–151.

JAGIĆ 1892

JAGIĆ V., "Der weise Akyrios. Nach einer altkirchenslavischen Übersetzung statt der unbekanntenen byzantinischen Vorlage ins Deutsche übertragen," *Byzantinische Zeitschrift*, 1, 1892, 107–126.

KHAN 2004

KHAN G., *The Jewish Neo-Aramaic Dialect of Suleymaniyya and Ḥalabja* (= Studies in Semitic Languages and Linguistics, 44), Leiden, 2004.

KAHN 2006

KAHN D., "The Assyrian Invasions of Egypt (673–663 B.C.) and the Final Expulsion of the Kushites," *Studien zur Altägyptischen Kultur*, 34, 2006, 251–267.

KARAMZIN 1818

КАРАМЗИН Н., *История государства Российского*, III, изд. второе, исправленное, С.-Петербург, 1818.

KAUFMAN 1975

KAUFMAN S. A., *The Akkadian Influences on Aramaic* (= Assyriological Studies, 19), Chicago–London, 1975.

KONSTANTAKOS 2008–2013

ΚΟΝΣΤΑΝΤΑΚΟΣ Ι., *Η Διήγηση του Αχιμάρ στην αρχαία Ελλάδα*, 1–3, Athens, 2008–2013.

KOSTOMAROV 1860

КОСТОМАРОВ Н. (ed.), *Памятники старинной русской литературы, издаваемые Графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи*, 2, С.-Петербург, 1860.

KOTTSIEPER 1990

Kottsieper I., *Die Sprache der Ahiqarsprüche* (= Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 194), Berlin—New York, 1990.

KULIK 2004

Kulik A., *Retroversing Slavonic Pseudepigrapha. Toward the Original of the Apocalypse of Abraham* (= Text-Critical Studies, 3), Atlanta, GA, 2004.

KUZIDOVA 2010

Kuzidova I., “Преписът на Повестта за Акир Премъдри в ръкопис № 29 от манастира Савина (около 1380 г.)”, в: М. Йовчева et al. (eds.), *Пъние мало Георгию. Сборник в чест на 65-годишнината на проф. дфн Георги Попов*, София, 2010, 492–509.

KUZIDOVA 2012

Kuzidova I., “Textologische Übersicht von südslawischen Abschriften der *Geschichte über Akiris den Weisen*,” *Кирило-Методиевски студии*, 21, 2012 [= *Средневековне текстове, автори и книги. Сборник в чест на Хайнц Миклас*], 309–320.

LAMBERT 1960

Lambert W. G., *Babylonian Wisdom Literature*, Oxford, 1960, [repr.: Oxford, 1963; Winona Lake, 1996].

LICHTHEIM 1980

Lichtheim M., *Ancient Egyptian Literature*, III: *The Late Period*, Berkeley—Los Angeles, 1980.

LICHTHEIM 1983

Lichtheim M., *Late Egyptian Wisdom Literature in the International Context: A Study of Demotic Instructions* (= *Orbis biblicus et orientalis*, 52), Göttingen, 1983.

LIDZBARSKI 1896

Lidzbarski M., *Die neu-aramäischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin* (= Ergänzungshefte zur Zeitschrift für Assyriologie, Semitische Studien 4/9, 1–2), Weimar, 1896.

LINDENBERGER 1983

Lindenberg J. M., *The Aramaic Proverbs of Ahiqar* (= The Johns Hopkins Near Eastern Studies), Baltimore—London, 1983.

LINDENBERGER 1985

Lindenberg J. M., “Ahiqar (Seventh to Sixth Century B.C.),” in: J. H. Charlesworth (ed.), *The Old Testament Pseudepigrapha*, 2, Garden City, NY, 1985, 479–507.

LIPÍŃSKI 1997

Lipiński E., *Semitic Languages: Outline of a Comparative Grammar* (= *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 80), Leuven, 1997.

LOURIÉ 2009

Lourie B. M., *Введение в критическую агиографию*, С.-Петербург, 2009.

LOURIÉ 2011

Lourie B., “India «far beyond Egypt»: *Barlaam and Ioasaph* and Nubia in the 6th century,” in: D. Bumazhnov, E. Grypeou, T. B. Sailors, A. Toepele (eds.), *Bibel, Byzanz und Christlicher Orient. Festschrift für Stephen Gerö zum 65. Geburtstag* (= *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 187), Leuven, 2011, 135–180.

LOURIÉ 2012

Lourie B., “Friday Veneration in Sixth- and Seventh-Century Christianity and Christian Legends about the Conversion of Naḡrān,” in: C. A. Segovia, B. Lourie (eds.), *The Coming of the Comforter: When, Where, and to Whom? Studies on the Rise of Islam and Various Other Topics in Memory of John Wansbrough* (= *Orientalia Judaica Christiana*, 3), Piscataway, NJ, 2012, 131–230.

LOURIÉ 2013

Lourie B., “The Slavonic Apocalypse *The Twelve Dreams of Shahaisha*: An Iranian Syriac Reworking of a Second Temple Jewish Legend on Jambres,” in: S. Tokhtasev [Токхтасев],

- P. LURIA [LUR'E] (eds.), *Commentationes Iranicae, Vladimirof. Aaron Livschits nonagenario donum natalicum / Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица*, St. Petersburg, 2013, 481–507.
- LUNT, TAUBE 1998
LUNT H. G., TAUBE M., *The Slavonic Book of Esther: Text, Lexicon, Linguistic Analysis, Problems of Translation* (= Harvard Series in Ukrainian Studies), Cambridge, MA, 1998.
- LUSINI 2005
LUSINI G., “La Storia di Ahiqar in versione etiopica,” in: [CONTINI, GROTTANELLI 2005A: 255–266].
- MACKENZIE 1971/1986
MACKENZIE D. N., *A Concise Pahlavi Dictionary*, London, 1971, 1986 (repr. with corrections).
- MARTIROSSIAN 1969–1972
Ս. Ս. ՄԱՐՏԻՐՈՍՅԱՆ, *Պատմություն և խրատը Խիկարայ իմաստունի. (Հայկական խիկարություն)*. Գրքեր 1, 2 [A. A. MARTIROSSIAN, *The Story and Proverbs of Khikar the Wise. (Armenian Recension)*, 1, 2] Yerevan, 1969–1972.
- МЕШЧЕРСКИЙ 1958/1995
МЕЩЕРСКИЙ Н. А., “Искусство перевода Киевской Руси”, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 15, 1958, 54–72; repr. (with unified bibliography for the whole volume) in: [MESHCHERSKIY 1995: 246–271].
- МЕШЧЕРСКИЙ 1964
МЕЩЕРСКИЙ Н. А., “Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI–XV вв.”, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 20, 1964, 180–231.
- МЕШЧЕРСКИЙ 1995
МЕЩЕРСКИЙ Н. А., *Избранные статьи*. Под ред. Е. Н. Мещерской (= Петербургский университет. Наследие ученых), С.-Петербург, 1995.
- MOROZOV 2009
МОРОЗОВ Д. А., *Комедия “Тысячи и одной ночи”: эстафета мистификаций, или Шедевр европейского романтизма*, Москва, 2009.
- MUTZAFI 2004
MUTZAFI H., *The Jewish Neo-Aramaic Dialect of Koy Sanjaq (Iraqi Kurdistan)*, Wiesbaden, 2004.
- NAU 1909
NAU F., *Histoire et Sagesse d’Ahikar l’Assyrien (fils d’Anaël, neveu de Tobie). Traduction des versions syriaques avec les principales différences des versions arabes, arménienne, grecque, néo-syriaque, slave et roumaine* (= Documents pour l’étude de la Bible. Apocryphes de l’Ancien Testament), Paris, 1909.
- NAU 1914
NAU F., “Préceptes anonymes et histoire d’Ahiqar,” *Revue de l’Orient Chrétien*, 19, 1914, 209–214.
- NAU 1915
NAU F., *Un martyrologe et douze ménologes syriaques* (= Patrologia Orientalis, X, 1), Paris, 1915.
- NAU 1918–1919A
NAU F., “Histoire et sagesse d’Ahikar d’après le manuscrit de Berlin «Sachau 162», fol. 86 sq.,” *Revue de l’Orient Chrétien*, 21, 1918–1919, 148–160.
- NAU 1918–1919B
NAU F., “Documents relatifs à Ahikar. Édition et traduction d’un manuscrit de Mgr Graffin (C), avec les principales variantes d’un manuscrit de M. H. Pognon (P). Édition de la partie récente du manuscrit de M. H. Pognon,” *Revue de l’Orient Chrétien*, 21, 1918–1919, 274–307, 356–400.
- NIEHR 2007
NIEHR H., *Aramäischer Ahiqar* (= Jüdische Schriften aus hellenistisch-römischer Zeit. N.F., Bd 2., Lfr. 2), Gütersloh, 2007.
- NÖLDEKE 1913
NÖLDEKE TH., *Untersuchungen zum Achikarroman* (= Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, phil.-hist. Kl., N. F., 14, 4), Berlin, 1913.

PARPOLA 2005

PARPOLA S., "Il retroterra assiro di Ahiqar," in: [CONTINI, GROTTANELLI 2005A: 91–112].

PAYNE SMITH 1879–1901

PAYNE SMITH R., *Thesaurus Syriacus*, 1–2, Oxford, 1879–1901.

PAYNE SMITH (MARGOLIOUTH) 1903

PAYNE SMITH (MARGOLIOUTH) J., *A Compendious Syriac Dictionary*, Oxford, 1903.

PENNACCHIETTI 2005

PENNACCHIETTI F., "Il testo siriano antico di Ahiqar," in: [CONTINI, GROTTANELLI 2005A: 193–225].

ПІСНІХАДЗЕ 2011

ПІСНІХАДЗЕ А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва, 2011.

PIOTROVSKAJA 1976

ПІОТРОВСКАЯ Е. К., "Усть-цилемская обработка Повести об Акире Премудром", *Труды Отдела древнерусской литературы*, 31, 1976, 378–383.

PIOTROVSKAJA 1978

ПІОТРОВСКАЯ Е. К., "О III русской редакции Повести об Акире Премудром", *Вспомогательные исторические дисциплины*, 10, 1978, 323–327.

PORTEN 1968

PORTEN B., *Elephantine. The Life of an Ancient Jewish Military Colony*, Berkeley–Los Angeles, 1968.

PORTEN 1984

PORTEN B., "The Jews in Egypt," in: W. D. Davies, L. FINKELSTEIN (eds.), *The Cambridge History of Judaism. 1: Introduction; The Persian Period*, Cambridge, 1984, 372–400.

PORTEN, YARDENI 1993

PORTEN B., YARDENI A., *Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. 3: Literature, Accounts, Lists* (= The Hebrew University, Department of the History of the Jewish People: Texts and Studies for Students), Jerusalem, 1993.

REINER 1961

REINER E., "The Etiological Myth of the «Seven Sages»,» *Orientalia*, 30, 1961, 1–11.

REININK 1993

REININK G. J., *Die syrische Apokalypse des Pseudo-Methodius*, [I] (= Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 540; Scriptorum syri, 220), Louvain, 1993.

REŠETAR 1926

РЕШЕТАР М., *Либро од мнозијех разлога. Дубровачки ћирилски зборник од г. 1520* (= Зборник за историју, језик и књижевност српског народа, I отд., књ. 15), Sremski Karlovci, 1926.

RITNER 2003A

RITNER R. K., "The Magician Hihor (Jug Berlin 12845)," in: SIMPSON W. K. (ed.), *The Literature of Ancient Egypt. An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies, and Poetry*, New Haven–London, 2003, 492–493.

RITNER 2003B

RITNER R. K., "The Instruction of 'Onchsheshonqy (P. British Museum 10508)," in: *IBID.*, 497–529.

SCHNEIDER 1978

SCHNEIDER R., "L'histoire d'Ahiqar en éthiopien," *Annales d'Éthiopie*, 11, 1978, 141–152.

SIMS-WILLIAMS 2012

SIMS-WILLIAMS N., "A Sogdian Version of the Wisdom of Ahiqar," in: American Oriental Society. *Abstracts of Communications Presented at the Two Hundred and Twenty-Second Meeting. Boston, March 16–19, 2012*, New Haven, CT,–Ann Arbor, MI, 2012, 32–33.

SMITH 2008

SMITH M. S., *God in Translation: Deities in Cross-Cultural Discourse in the Biblical World* (= Forschungen zum Alten Testament, 57), Tübingen, 2008.

STANKOVIĆ 1980

СТАНКОВИЋ Р., "Слово Акира Премудрог (препис из 1570/80. године)", *Археографски прилози*, 2, 1980, 219–227.

TALLQVIST 1914

TALLQVIST K. L., *Assyrian Personal Names* (= Acta Societatis Scientiarum Fennicae, 43,1), Helsingfors, 1914.

TALAY 2002

TALAY SH., "Die Geschichte und die Sprüche des Ahiqar im neuaramäischen Dialekt von Mlahsō," in: W. ARNOLD, H. BOBZIN (eds.), "Sprich doch mit deinen Knechten aramäisch, wir verstehen es!": 60 Beiträge zur Semitistik. Festschrift für Otto Jastrow zum 60. Geburtstag, Wiesbaden, 2002, 695–712.

THOMSON 1993/1999

THOMSON F. J., "'Made in Russia': A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia," in: G. BIRKPELLNER (ed.), *Millennium Russiae Christianae. Tausend Jahre Christliches Russland 988–1988: Vorträge des Symposiums anlässlich der Tausendjahrfeier der Christianisierung Russlands (Münster 5.–9. Juni 1988)*, Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der slawischen Studien, 16; Cologne, 1993, 295–354; repr. with *Addenda* in [THOMSON 1999, ch. V].

THOMSON 1999

THOMSON F. J., *The Reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia* (= Variorum Collected Studies Series: CS590), Aldershot, 1999.

TILL 1938

TILL W., "Ein saidischer Bericht der Reise des Apa Johannes nach Babylon," *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft* 37, 1938, 130–139.

TOLONI 2005

TOLONI G., "Tobi e Ahiqar. Sulle tracce di un racconto antico," in: [CONTINI, GROTTANELLI 2005A: 141–165].

TURILOV 2010

ТУРИЛОВ А. А., "Из истории русско-южнославянских книжных связей XII–XIII вв.: новое и забытое", *Russica Romana*, 17, 2010 [publ. 2011], 9–32.

TVOROGOV 1980/1999

ТВОРОГОВ О. В., "Повесть об Акире Премудром. Подготовка текста, перевод и комментарии", в: Д. С. Лихачев (ред.), *Памятники литературы Древней Руси. XII век*. Москва, 1980, 246–281, 656–658 [репр. в: Д. С. Лихачев и др. (ред.), *Библиотека литературы Древней Руси, 3: XI–XII века*. С.-Петербург, 1999; on-line publication at <http://lib.pushkinskiydom.ru/>].

TVOROGOV 1987

ТВОРОГОВ О. В., "Повесть об Акире Премудром", в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 1, Ленинград, 1987, 343–345.

VOLKOVA 2011

Волкова Т. Ф., "Повесть об Акире Премудром в печорской рукописной традиции", *Известия Уральского федерального университета*, Сер. 2: Гуманитарные науки, 90, 2011, 2, 113–128.

VAN DER TOORN 1992

VAN DER TOORN K., "Anat-Yahu, Some Other Deities, and the Jews of Elephantine," *Numen*, 39, 1992, 80–101.

VAN ESBROECK 1989

VAN ESBROECK M., "La Lettre sur le Dimanche, descendue du ciel," *Analecta Bollandiana*, 107, 1989, 267–284.

VAN ESBROECK 1991

VAN ESBROECK M., "Three Hebrews in the Furnace," in: A. S. АТИЯ (ed.), *The Coptic Encyclopedia*, 7, New York, 1991, 2257–2259.

WEIGL 2010

WEIGL M., *Die aramäischen Achikar-Sprüche aus Elephantine und die alttestamentliche Weisheitsliteratur* (= Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 399), Berlin—New York, 2010.

ZANETTI 2004

ZANETTI U., "Le roman de Bakhéos sur les Trois Jeunes Saints de Babylone. Fragments coptes sahidiques," in: B. JANSSENS, B. ROOSEN, P. VAN DEUN (eds.), *Philomathestatos. Studies in Greek and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday* (= Orientalia Lovaniensia Analecta, 137), Leuven—Paris—Dudley, MA, 2004, 712–747.

ZAUZICH 1976

ZAUZICH K. TH., "Demotische Fragmente zum Ahikar-Roman," in: H. FRANKE, W. HEISSIG, W. TREVE (eds.), *Folia rara: Wolfgang Voigt LXV Diem Natalem Celebranti ab Amicis et Catalogorum Codicum Orientalium Conscribendorum Collegis Dedicata* (= Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland: Supplementband 19), Wiesbaden, 1976, 180–185.

References

Acharean H., *The Etymological Dictionary of Armenian*, 1–4, Yerevan, 1926–1935; repr. 1971–1979.

Aerts W. J., Kortekaas G. A. A., *Die Apokalypse des Pseudo-Methodius. Die ältesten griechischen und lateinischen Übersetzungen*, I (= Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium, 569; Subsidia, 97), Louvain, 1998.

Andersen F.I., "2 (Slavonic Apocalypse of) Enoch (Late First Century a.d.)," in: J. H. Charlesworth (ed.), *The Old Testament Pseudepigrapha*, 1, Garden City, NY, 1983, 91–221.

Belobrova O. A., Tvorogov O. V., "Perevodnaia belletristika XI–XIII vv.," in: Ia. S. Lur'e (ed.), *Istoki russkoi belletristiki. Vozniknovenie zhanrov siuzhetnogo povestvovaniia v drevnerusskoi literature*, Leningrad, 1970, 142–194.

Betrò M., "La tradizione di Aḥiqar in Egitto," in: Contini R., Grottanelli C. (eds.), *Il saggio Aḥiqar. Fortuna e trasformazioni di uno scritto sapienziale. Il testo più antico e le sue versioni*, Brescia, 2005, 177–191.

Black J., George A., Postgate N., *A Concise Dictionary of Akkadian* (= Santag. Arbeiten und Untersuchungen zur Keilschriftkunde, 5), Wiesbaden, 2000.

Bobrov A. G., "Sushchestvoval li Musin-Pushkinskii sbornik so «Slovom o Polku Igoreve»? (Ob odnom zabluzhdenii Edvarda Kinana)," *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1/2, 2007, 39–51.

Bogdanović D., Miltenova A., "Apokrifniiat sbornik ot manastira Savina, XIV v., v sravnenie s drugi podobni iuzhnoslavianski rukopisi," *Arkheografski prilozhi*, 9, 1987, 7–30.

Boyce M., *A Reader in Manichaean Middle Persian and Parthian* (= Acta Iranica, 9. Textes et mémoires, 2), Leiden, 1975.

Brock S. P., "A Piece of Wisdom Literature in Syriac," *Journal of Semitic Studies*, 13, 1968, 212–217.

Brock S. P., *Studies in Syriac Christianity. History, Literature and Theology* (Variorum. Collected Studies Series CS357), Hampshire—Brookfield, 1992, V.

Brock S. P., "Aḥiqar," in: S. P. Brock et al. (eds.), *Gorgias Encyclopedic Dictionary of the Syriac Heritage*, Piscataway, NJ, 2011, 11–12.

Carmu I., *Cărți populare românești* (= Biblioteca școlarăului), Bucharest—Chișinău (Kishinev), 2002.

Ciuchindel C., *Povestea lui Archirie filosoful... Carte populară românească din secolul al XVII-lea*, Bucharest, 1976.

Contini R., Grottanelli C., "Bibliografia aḥiqariana," in: Contini R., Grottanelli C. (eds.), *Il saggio Aḥiqar. Fortuna e trasformazioni di uno scritto sapienziale. Il testo più antico e le sue versioni*, Brescia, 2005, 275–325.

Conybeare F. C., Harris J. R., Lewis A. S., *The Story of Aḥiqar from the Aramaic, Syriac, Arabic, Armenian, Ethiopic, Old Turkish, Greek and Slavonic Version*, 2nd ed. enlarged and corrected, Cambridge, 1913.

Cowley A., *Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C.*, Oxford, 1923.

de Vis H., *Homélie coptes de la Vaticane*, II (= Cahiers de la Bibliothèque Copte, 6), Copenhagen, 1929.

Delehaye H., *Cinq leçons sur la méthode hagiographique* (= Subsidia hagiographica, 21), Brussels, 1934.

Deny J., Tryjarski E., "«Histoire du sage Hikar» dans la version arméno-kiptchak," *Rocznik Orientalistyczny*, 27, 2, 1964, 7–61.

du Blois F., "The Admonitions of Ādurbād and Their Relationship to the Aḥiqar Legend," *Journal of the Royal Asiatic Society*, 116, 1984, 41–53.

du Blois F., *Burzōy's Voyage to India and the Origin of the Book Kalīlah wa Dimnah* (= Royal Asiatic Society. Prize Publication Fund, 23), London, 1990.

Durnovo N. N., *Izbrannye raboty po istorii rus-skogo iazyka*, Moscow, 2000, 368–382.

Durnovo N., "Dubrovnikskii spisok Povesti ob Akire," in: V. Čorović et al. (eds.), *Zbornik iz dubrovačke prošlosti: Milanu Rešetaru o 70-oj godišnjici života prijatelji i učenici* (= Dubrovnik, 2), Dubrovnik, 1931, 221–226.

Fitzmyer J. A., *Tobit* (= Commentaries in Early Jewish Literature), Berlin, 2003.

Garitte G., *Le calendrier palestinogéorgien du Sinaiticus 34 (Xe siècle). Édité, traduit et commenté* (= Subsidia hagiographica, 30), Brussels, 1959.

Garitte G., "L'Invention géorgienne des trois enfants de Babylone," *Le Muséon*, 72, 1959, 69–100.

Garitte G., "Le texte arménien de l'Invention des trois enfants de Babylone," *Le Muséon*, 74, 1961, 91–108.

Garitte G., *Scripta disiecta. 1941–1977*, II (= Publications de l'Institut Orientaliste de Louvain, 22), Leuven, 1980, 676–717.

Garkavets A. N., *Kypchakskoe pis'mennoe nasledie. I: Katalog i teksty pamiatnikov armianskim pis'mom*, Almaty, 2002.

Gaster M., *Studies and Texts in Folclore, Magic, Medieval Romance, Hebrew Apocrypha, and Samaritan Archeology*, I, London, 1925.

Giaiero P. R., "Tre recensioni arabe della Storia di Ḥayqār," in: Contini R., Grottanelli C. (eds.), *Il saggio Ahiqar. Fortuna e trasformazioni di uno scritto sapienziale. Il testo più antico e le sue versioni*, Brescia, 2005, 227–253.

Greenfield J. C., "The Background and Parallel to a Proverb of Ahiqar," in: A. Caquot, M. Philonenko (eds.), *Hommages à André Dupont-Sommer*, Paris, 1971, 49–59.

Greenfield J. C., "Ahiqar in the Book of Tobit," in: J. Doré, P. Grelot, M. Carrez (eds.), *De la Torah au Messie: Mélanges H. Cazelles*, Paris, 1981, 329–336.

Greenfield J. C., "Two Proverbs of Ahiqar," in: T. Abusch et al. (eds.), *Lingering over Words: Studies in Ancient Near Eastern Literature in Honor of William L. Moran* (= Harvard Semitic Studies, 37), Atlanta, GA, 1990, 195–201.

Grünberg S., *Die weisen Sprüche des Achikar nach der syrischen Hs. Cod. Sachau Nr. 336 der Kgl. Bibliothek in Berlin herausgegeben und bearbeitet*, Berlin, 1917.

Guzik M. H., *Die Achikar-Erzählung nach der syrischen Handschrift Cod. Sachau Nr. 336 der Preussischen Staatsbibliothek*, Zurich–Krakow, 1936.

Haelewyck J.-C., *Clavis Apocryphorum Veteris Testamenti* (= Corpus Christianorum), Turnhout, 1998.

Heller B., Stillman N. A., "Luḳmān," in: C. E. Bosworth, E. van Donzel, B. Lewis, Ch. Pellat, *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*, 5, Leiden, 1986, 811–813.

Halkin F., *Bibliotheca Hagiographica Graeca*, I–III; *Novum Auctarium BHG* (= Subsidia hagio-

graphica, 8a, 65), Bruxelles, 1957 [repr. in one vol. 1985], 1984.

Honigmann E., "Juvenal of Jerusalem," *Dumbarton Oaks Papers*, 5, 1950, 209–279.

Ilan T., *Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity*, I–IV, Tübingen, 2002–2012.

Ivanova K., *Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*, Sofia, 2008.

Khan G., *The Jewish Neo-Aramaic Dialect of Suleymaniyya and Halabja* (= Studies in Semitic Languages and Linguistics, 44), Leiden, 2004.

Kahn D., "The Assyrian Invasions of Egypt (673–663 B.C.) and the Final Expulsion of the Kushites," *Studien zur Altägyptischen Kultur*, 34, 2006, 251–267.

Kaufman S. A., *The Akkadian Influences on Aramaic* (= Assyriological Studies, 19), Chicago–London, 1975.

Konstantakos I., *Ē Diēgēsē tou Achikar stēn archaia Ellada*, 1–3, Athens, 2008–2013.

Kottsieper I., *Die Sprache der Ahiqarsprüche* (= Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 194), Berlin–New York, 1990.

Kulik A., *Retroversing Slavonic Pseudepigrapha. Toward the Original of the Apocalypse of Abraham* (= Text-Critical Studies, 3), Atlanta, GA, 2004.

Kuzidova I., "Prepisūt na Povesta za Akir Premūdiri v rŭkopis N° 29 ot manastira Savina (okolo 1380 g.)," in: M. Yovcheva et al. (eds.), *Pēnie malo Geōrgiiu. Sbornik v chest na 65-godišhinata na prof. dfn Georgi Popov*, Sofia, 2010, 492–509.

Kuzidova I., "Textologische Übersicht von süd-slawischen Abschriften der *Geschichte über Akiris den Weisen*," *Kirilo-Methodievski studii*, 21, 2012 [= *Srednevekovne tekstove, avtorii i knigi. Sbornik v chest na Heinz Miklas*], 309–320.

Lambert W. G., *Babylonian Wisdom Literature*, Winona Lake, 1996.

Lichtheim M., *Ancient Egyptian Literature*, III: *The Late Period*, Berkeley–Los Angeles, 1980.

Lichtheim M., *Late Egyptian Wisdom Literature in the International Context: A Study of Demotic Instructions* (= Orbis biblicus et orientalis, 52), Göttingen, 1983.

Lindenberger J. M., *The Aramaic Proverbs of Ahiqar* (= The Johns Hopkins Near Eastern Studies), Baltimore–London, 1983.

Lindenberger J. M., "Ahiqar (Seventh to Sixth Century b.c.)," in: J. H. Charlesworth (ed.), *The Old Testament Pseudepigrapha*, 2, Garden City, NY, 1985, 479–507.

Lipiński E., *Semitic Languages: Outline of a Comparative Grammar* (= Orientalia Lovaniensia Analecta, 80), Leuven, 1997.

Lourié V. M., *Vvedenie v kriticheskuii agiografiiu*, St. Petersburg, 2009.

Lourié B., "India «far beyond Egypt»: Barlaam and Ioasaph and Nubia in the 6th century," in:

D. Bumazhnov, E. Grypeou, T. B. Sailors, A. Toepel (eds.), *Bibel, Byzanz und Christlicher Orient. Festschrift für Stephen Gerö zum 65. Geburtstag* (= *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 187), Leuven, 2011, 135–180.

Lourié B., "Friday Veneration in Sixth- and Seventh-Century Christianity and Christian Legends about the Conversion of Nağrān," in: C. A. Segovia, B. Lourié (eds.), *The Coming of the Comforter: When, Where, and to Whom? Studies on the Rise of Islam and Various Other Topics in Memory of John Wansbrough* (= *Orientalia Judaica Christiana*, 3), Piscataway, NJ, 2012, 131–230.

Lourié B., "The Slavonic Apocalypse *The Twelve Dreams of Shahaisha*: An Iranian Syriac Reworking of a Second Temple Jewish Legend on Jambres," in: S. Tokhtasev, P. Luria (eds.), *Commentationes Iranicae, Vladimiro f. Aaron Livschits nonagenario donum*, St. Petersburg, 2013, 481–507.

Lunt H. G., Taube M., *The Slavonic Book of Esther: Text, Lexicon, Linguistic Analysis, Problems of Translation* (= Harvard Series in Ukrainian Studies), Cambridge, MA, 1998.

Lusini G., "La Storia di Ahiqar in versione etiopica," in: Contini R., Grottanelli C. (eds.), *Il saggio Ahiqar. Fortuna e trasformazioni di uno scritto sapienziale. Il testo più antico e le sue versioni*, Brescia, 2005, 255–266.

MacKenzie, A *Concise Pahlavi Dictionary*, London, 1986.

Martirosian A. A., *The Story and Proverbs of Khikar the Wise (Armenian Recension)*, 1, 2, Yerevan, 1969–1972.

Meshcherskii N. A., "Problemy izucheniiia slaviano-russkoi perevodnoi literatury XI–XV vv.," *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 20, 1964, 180–231.

Meshcherskii N. A., *Izbrannye stat'i*, E. N. Meshcherskaia (ed.), St. Petersburg, 1995.

Morozov D. A., *Komediiia "Tysiachi i odnoi nochi": estafeta mistifikatsii, ili Shedevr evropeiskogo romantizma*, Moscow, 2009.

Mutzafi H., *The Jewish Neo-Aramaic Dialect of Koy Sanjaq (Iraqi Kurdistan)*, Wiesbaden, 2004.

Niehr H., *Aramäischer Ahiqar* (= *Jüdische Schriften aus hellenistisch-römischer Zeit*. N.F., Bd 2., Lfr. 2), Gütersloh, 2007.

Parpola S., "Il retroterra assiro di Ahiqar," in: Contini R., Grottanelli C. (eds.), *Il saggio Ahiqar. Fortuna e trasformazioni di uno scritto sapienziale. Il testo più antico e le sue versioni*, Brescia, 2005, 91–112.

Paul Sh., Stone M. E., and Pinnick A. (eds.), *ʿAl kanfei Yonah: Collected Studies of Jonas C. Greenfield on Semitic Philology*, I, Jerusalem, 2001.

Pennacchietti F., "Il testo siriano antico di Ahiqar," in: Contini R., Grottanelli C. (eds.), *Il saggio Ahiqar. Fortuna e trasformazioni di uno scritto sapienziale. Il testo più antico e le sue versioni*, Brescia, 2005, 193–225.

Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvisticheskii aspekt*, Moscow, 2011.

Piotrovskaiia E. K., "Ust'-tsilemskaia obrabotka Povesti ob Akire Premudrom," *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 31, 1976, 378–383.

Piotrovskaiia E. K., "O III russkoi redaktsii Povesti ob Akire Premudrom," *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 10, 1978, 323–327.

Porten B., *Elephantine. The Life of an Ancient Jewish Military Colony*, Berkeley—Los Angeles, 1968.

Porten B., "The Jews in Egypt," in: W. D. Davies, L. Finkelstein (eds.), *The Cambridge History of Judaism. 1: Introduction; The Persian Period*, Cambridge, 1984, 372–400.

Porten B., Yardeni A., *Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. 3: Literature, Accounts, Lists* (= The Hebrew University, Department of the History of the Jewish People: Texts and Studies for Students), Jerusalem, 1993.

Reiner E., "The Etiological Myth of the «Seven Sages»," *Orientalia*, 30, 1961, 1–11.

Reinink G. J., *Die syrische Apokalypse des Pseudo-Methodius*, [I] (= *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*, 540; *Scriptores syri*, 220), Leuven, 1993.

Rešetar M., *Libro od mnozijekh razloga. Dubrovački ćirilski zbornik od g. 1520* (= *Zbornik za istoriju, jezik i književnost srpskog naroda*, I otd., knj. 15), Sremski Karlovci, 1926.

Ritner R. K., "The Magician Hihor (Jug Berlin 12845)," in: Simpson W. K. (ed.), *The Literature of Ancient Egypt. An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies, and Poetry*, New Haven—London, 2003, 492–493.

Ritner R. K., "The Instruction of Onchsheshonqy (P. British Museum 10508)," in: Simpson W. K. (ed.), *The Literature of Ancient Egypt. An Anthology of Stories, Instructions, Stelae, Autobiographies, and Poetry*, New Haven—London, 2003, 497–529.

Schneider R., "L'histoire d'Ahiqar en éthiopien," *Annales d'Éthiopie*, 11, 1978, 141–152.

Sims-Williams N., "A Sogdian version of the Wisdom of Ahiqar," in: American Oriental Society. *Abstracts of Communications Presented at the Two Hundred and Twenty-Second Meeting. Boston, March 16–19, 2012*, New Haven, CT,—Ann Arbor, MI, 2012, 32–33.

Smith M. S., *God in Translation: Deities in Cross-Cultural Discourse in the Biblical World* (= *Forschungen zum Alten Testament*, 57), Tübingen, 2008.

Stanković R., "Slovo Akira Premudrog (prepis iz 1570/80. godine)," *Arhejografski prilozii*, 2, 1980, 219–227.

Talay Sh., "Die Geschichte und die Sprüche des Ahiqar im neuaramäischen Dialekt von Mlaḥsō," in: W. Arnold, H. Bobzin (eds.), "Sprich doch mit deinen Knechten aramäisch, wir verstehen es!": 60 Beiträge zur Semitistik. *Festschrift für Otto Jastrow zum 60. Geburtstag*, Wiesbaden, 2002, 695–712.

Thomson F. J., *The Reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia*, Variorum Collected Studies Series: CS590; Aldershot, 1999.

Toloni G., "Tobi e Ahiqar. Sulle tracce di un racconto antico," in: R.Contini, C. Grottanelli (eds.), *Il saggio Ahiqar. Fortuna e trasformazioni di uno scritto sapienziale. Il testo più antico e le sue versioni*, Brescia, 2005, 141–165.

Turilov A. A., "Iz istorii rusko-iuzhnoslavianskikh knizhnykh sviazei XII–XIII vv.: novoe i za-bytoe," *Russica Romana*, 17, 2010 [publ. 2011], 9–32.

Tvorogov O. V. (transl., ed., comment.), "Povest' ob Akire Premudrom," in: D. S. Likhachev et al. (eds.), *Biblioteka literaturnykh Drevnei Rusi*, 3: XI–XII veka. St. Petersburg, 1999, 246–281, 656–658.

Tvorogov O. V., "Povest' ob Akire Premudrom," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1, Leningrad, 1987, 343–345.

Volkova T. F., "Povest' ob Akire Premudrom v pechorskoj rukopisnoi traditsii," *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 90, 2011, 2, 113–128.

van der Toorn K., "Anat-Yahu, Some Other Deities, and the Jews of Elephantine," *Numen*, 39, 1992, 80–101.

van Esbroeck M., "La Lettre sur le Dimanche, descendue du ciel," *Analecta Bollandiana*, 107, 1989, 267–284.

van Esbroeck M., "Three Hebrews in the Furnace," in: A. S. Atiya (ed.), *The Coptic Encyclopedia*, 7, New York, 1991, 2257–2259.

Weigl M., *Die aramäischen Achikar-Sprüche aus Elephantine und die alttestamentliche Weisheitsliteratur* (= Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 399), Berlin–New York, 2010.

Zanetti U., "Le roman de Bakhéos sur les Trois Jeunes Saints de Babylone. Fragments coptes sahidiques," in: B. Janssens, B. Roosen, P. Van Deun (eds.), *Philomathestatos. Studies in Greek and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday* (= Orientalia Lovaniensia Analecta, 137), Leuven–Paris–Dudley, MA, 2004, 712–747.

Zauzich K. Th., "Demotische Fragmente zum Ahiqar-Roman," in: H. Franke, W. Heissig, W. Treve (eds.), *Folia rara: Wolfgang Voigt LXV Diem Natalem Celebranti ab Amicis et Catalogorum Codicum Orientalium Conscriptorum Collegis Dedicata* (= Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland: Supplementband 19), Wiesbaden, 1976, 180–185.

Basil Lourié

Scrinium. Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclésiastique,
Saint-Petersbourg, Éditeur en chef

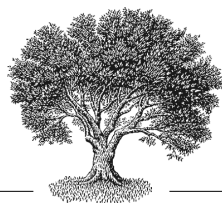
Gorgias Press LLC

954 River Rd

Piscataway, NJ

08854 USA

hieromonk@gmail.com

Iz sintakse
Kožičićeva
*Misala hruackoga**

Ivana Eterović
Sveučilište u Zagrebu

Jozo Vela
Staroslavenski institut, Zagreb

О синтаксисе
Миссала хруацког
Ш. Кожиčićа

Ивана Этерович
Загребский университет

Йозо Вела
Старославянский институт, Загреб

Nacrtak

Misal hruacki (1531) Šimuna Kožičića Benje zauzima posebno mjesto među hrvatskoglagoljskim misalima. Recentna su istraživanja naime utvrdila da je riječ o prvoj hrvatskoj potpunoj redakciji biblijskih čitanja prema Vulgati, pri čijem se priređivanju Kožičić zasigurno služio nekim onovremenim latinskim misalom venecijanske provenijencije. Budući da je sintaksa ostala uglavnom izvan dovida dosadašnjih istraživanja, ovdje se pažnja sustavnije posvećuje upravo toj jezičnoj razini. Slijedeći latinsku sintaksu, Kožičić s jedne strane rabi oblike i konstrukcije kojima odstupa od hrvatskokrkvenoslavenske tradicije, dok s druge strane gdjekad odstupa i od latinskoga i od hrvatskoga crkvenoslavenskoga jezika dajući prednost starohrvatskim konstrukcijama. Time se osmišljenost njegove koncepcije književnoga jezika, u kojoj je odnos hrvatskih crkvenoslavenskih i starohrvatskih (čakavskih) jezičnih elemenata uređen i donekle standardiziran, potvrđuje i na sintaktičkoj razini. Iako raščlamba odabranih sintaktičkih tema očekivano potvrđuje jaku ovisnost *Misala hruackoga* o latinskome predlošku, ujedno ukazuje i na to da s naglašavanjem toga utjecaja ne valja pretjerivati. Kožičić ne preslikava slijepo latinske konstrukcije samo radi približavanja predlošku, već latinski jezik shvaća ponajprije kao poticaj i primjer gradnje vlastitoga književnoga jezika te njegova oblikovanja na jasnim sintaktičkim načelima.

* Članak je nastao u okviru rada na znanstvenim projektima *Enciklopedija hrvatskoga glagoljaštva* i *Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije*, koje financira Ministarstvo znanosti, obrazovanja i sporta Republike Hrvatske.

Ključne riječi

hrvatski crkvenoslavenski jezik, riječka glagoljska tiskara, Šimun Kožičić Benja, *Misal hruački*, *Vulgata*, sintaksa

Резюме

Misal hruački (1531) Шимуна Кожичича Бени занимает особое место среди хорватскоглаголических миссалов. Современными исследователями достоверно установлено, что в нём содержится первая полная хорватская редакция библейских чтений из *Вульгаты*, в подготовке которой Кожичич несомненно пользовался неким ему современным латинским миссалом венецианского происхождения. Поскольку в существующих исследованиях *Mиссала хруацкого* его синтаксис до сих пор не был описан, в настоящей статье мы основное внимание уделяем именно этому языковому уровню данного памятника. Калькируя латинские синтаксические конструкции, Кожичич отступает, с одной стороны, от хорватскоглаголической традиции, с другой — и от структуры латинского текста, предпочитая древнехорватские конструкции. Тем самым его концепция хорватского литературного языка, в которой соотношение церковнославянских и древнехорватских (чакавских) языковых элементов приведено в строгий порядок и до некоторой степени стандартизовано, задействована и на синтаксическом уровне. Несмотря на то что анализ ряда синтаксических оборотов вполне ожидаемо демонстрирует зависимость *Mиссала хруацкого* от латинского подлинника, преувеличивать влияние последнего, однако, не следует. Латинские конструкции слепо копируются Кожичичем не только в целях приближения к подлиннику, но и потому, что именно латинский язык он считает образцом для формирования собственного литературного языка, причём прежде всего на синтаксическом уровне.

Ключевые слова

церковнославянский язык хорватской редакции, риекская глаголическая типография, Шимун Кожичич Беня, *Misal hruački*, *Vulgata*, синтаксис

1. Uvod

Sintaktička istraživanja hrvatskoga crkvenoslavenskog jezika unapredovala su posljednjih godina,¹ no riječ je i dalje o najslabije istraženoj jezičnoj razini toga jezika. U svojem je istraživanju sintaktičkih svojstava najstarijih hrvatsko-

¹ Na prvome mjestu valja istaknuti habilitacijsku radnju Johannes Reinarta [REINHART 1993] i brojne sintaktičke priloge Milana Mihaljevića (npr. [MIHALJEVIĆ 1990; 1992; 1997; 2003; 2006; 2011]). Možemo ovdje izdvojiti i radove Jasne Vince, koja se bavila različitim pitanjima u vezi sa sredstvima izricanja izravnoga objekta i njihovim značenjem u hrvatskome crkvenoslavenskom jeziku ([VINCE MARINAC 1992; 1993; 1998; 2000] i [VINCE 2008a; 2008b; 2008c]), među kojima su osobito zanimljivi oni u kojima se dotiče i nekih tema nadrećenične sintakse (npr. [VINCE MARINAC 1997; VINCE 2005]). Sintaksu hrvatskoglagoljskih psaltira 14. i 15. stoljeća (Lobkovicova, Pariškoga i Fraščićeve) analizirala je u svojoj disertaciji Lucija Turkalj [TURKALJ 2012], dok je Ana Kovačević u svojem doktorskom radu istražila izražavanje negacije na morfološkoj, sintaktičkoj i suprasintaktičkoj razini u hrvatskome crkvenoslavenskom jeziku [KOVAČEVIĆ 2012].

glagoljskih tekstova iz 12. i 13. stoljeća Milan Mihaljević utvrdio da su najveće nejednačenosti među fragmentima zastupljene upravo na sintaktičkoj razini [MIHALJEVIĆ 2006: 221]. Posljedica je to naime činjenice da su u njima, osim utjecaja starocrkvenoslavenskoga i starohrvatskoga (čakavskoga) jezika, zastupljeni i jezični utjecaji predložaka s kojih su hrvatskoglagoljski tekstovi prevedeni: grčkoga i latinskoga.

Tekstovi prevedeni s grčkoga predloška naslijeđeni su iz razdoblja starocrkvenoslavenskoga jezika, a njihova prva redakcija datira u početak 12. stoljeća, otkad možemo pratiti prilagodbu prema latinskoj Bibliji [REINHART 1990], no ne provodi se u jednakoj mjeri u svim misalima. Najbrojniji prijevodi s latinskoga jezika potječu iz 14. i 15. stoljeća, koja se smatraju zlatnim dobom hrvatskoga glagoljaštva [MIHALJEVIĆ, REINHART 2005: 40]. Među hrvatskoglagoljskim misalima posebno mjesto zauzima *Misal hruacki*² Šimuna Kožičića Benje, prvi hrvatski misal s misnim čitanjima posve uređenima po latinskoj Bibliji [CEKOVIĆ, SANKOVIĆ, ŽAGAR 2010: 138]. Kožičićeva odstupanja od dotadašnje hrvatske crkvenoslavenske tradicije posljedica su sustavna redigiranja prema latinskome, pri čemu se Kožičić služio nekim onovremenim latinskim misalom, pretpostavlja se venecijanske provenijencije [BENVIN 1988: 159; ŽAGAR 2012B: 116]. Dosadašnjim je istraživanjima dokazana osmišljenost i uređenost Kožičićeve koncepcije književnoga jezika (npr. [TOMAŠIĆ 2001; CEKOVIĆ, SANKOVIĆ, ŽAGAR 2010; ŽAGAR 2012A; ŽAGAR 2012B; KUŠTOVIĆ 2012; CEKOVIĆ, ETEROVIĆ 2012; MIHALJEVIĆ 2012]), no sintaktička je razina ostala izvan njihova dovida, stoga smo se odlučili sustavnije posvetiti upravo toj jezičnoj razini. Participi pritom ostaju ovdje izvan fokusa našega razmatranja zato jer smo se njima detaljnije bavili drugom prilikom [ETEROVIĆ, VELA 2013].

Budući da se u njoj nalaze opširnija biblijska čitanja i iz Staroga i iz Novoga zavjeta, istraživanje smo proveli na drugoj petini Kožičićeva misala (ff. 50r–100v). Korpus je proširen ciljanom pretragom pojedine sintaktičke značajke i u ostatku *Misala* ondje gdje je to bilo nužno zbog nedostatka broja primjera. Služeći se metodom ovjerenom u recentnim istraživanjima jezika *Misala hru-*

² Ovdje rabimo lik *hruacki* naspram standardnojezičnoga *hrvatski* ponajprije iz razloga što se, u skladu s varijantom naslova kakva dolazi u incipitu, gdje je latinicom (izuzev slova *h*) zabilježeno *MISAL HRUACKI*, takav naslov za Kožičićev misal uvriježio u literaturi. Naravno, u incipitu se latiničkim grafemom *u* bilježi fonem *v*, što potvrđuje lik *hrvacki*, potvrđen u glagoljičkome kolofonu (f. 248v). Zanimljivo je da pridjev *hrvatski* Kožičić u incipitu i kolofonu misala bilježi *hrvacki* primjenjujući fonološko načelo (čime registrira artikulacijsko stapanje dentalnog okluziva *t* na početku unutrašnjeg zatvorenog sloga s frikativom *s* na početku sufiksa u afrikatu *c*, pojavu inače pisanim spomenicima rijetko potvrđenu [LUKEŽIĆ 2012: 110]), dok u samom tekstu misala u sličnim slučajevima primjenjuje morfonološko načelo (*trahonitskoeū, enesaretskuū*). U *Knjižicama od žitija rimskih arhijerejev i cesarov*, tiskanima samo šest dana nakon tiskanja misala, dotični pridjev nalazimo na istoj stranici (19v) jednom zabilježen morfonološki (*hrvatski*), drugi put fonološki (*hrvackim*) [Kožičić 2007: 19v].

ackog (v. više u [ŽAGAR 2012B]), usporedili smo sintaksu njegova misala sa sintaksom drugih tiskanih hrvatskoglagolskih misala 15. i 16. stoljeća: *Prvotiskom* (1483), *Senjskim misalom* (1494) i *Misalom Pavla Modrušanina* (1528), kako bismo stekli uvid i u Kožičićev odnos prema sintaktičkoj normi hrvatskoga crkvenoslavenskog jezika.³ Svojim istraživanjem želimo pridonijeti boljem poznavanju sintakse *Misala hruackoga* i pružiti osnovu za proučavanje sintaktičke norme u ostalim izdanjima riječke glagolske tiskare, ali i omogućiti bolji uvid u položaj crkvenoslavenskoga jezika početkom novoga vijeka.

S obzirom na Kožičićevo sravnjivanje misalskoga teksta s latinskim predloškom, najveći utjecaj latinskoga jezika mogao se očekivati na sintaktičkoj razini. Da su najvažnije razlike zastupljene upravo na sintaktičkome planu, uputila su već i početna istraživanja *Misala hruackog*, utvrdivši da su brojne Kožičićeve promjene u upotrebi glagolskih oblika u odnosu na hrvatskocrkvenoslavensku tradiciju posljedica približavanja teksta latinskome, a ne jezičnoga pomlađivanja [CEKOVIĆ, SANKOVIĆ, ŽAGAR 2010]. Istraživanje koje smo proveli potvrdilo je da je utjecaj latinskoga jezika velik, međutim naglasilo je i činjenicu da ni na sintaktičkoj razini ne možemo govoriti o ropskome prevođenju jer Kožičić predložak ne slijedi potpuno. Ovisno o odnosu prema latinskome predlošku i hrvatskome crkvenoslavenskom jeziku uočene je sintaktičke osobitosti moguće razvrstati u dvije osnovne skupine.

2. Utjecaj latinskoga jezika

U prvu se skupinu mogu svrstati sintaktičke značajke koje su unesene pod latinskim utjecajem, a koje se u hrvatskome crkvenoslavenskom jeziku pojavljuju ili vrlo rijetko ili posve iznimno. Jedna je od takvih značajki česta Kožičićeva upotreba eliptičnih rečenica.

2.1 Elipsa kopule

U klasičnome grčkom i latinskom oblici glagola *biti* (*esse*, εἶναι) kao kopula mogu biti izostavljeni u izrekama, kratkim izjavama, pitanjima i sl., odnosno u predikatima tvorenima s participom [GILDERSLEEVE, LODGE 2000: 147;

³ Usporedbu s latinskim tekstom proveli smo na izdanju *Missale Romanum, Mediolani, 1474. Vol. 1: Text*, koje je uredio Robert Lippe 1899. godine (kratica MR). Podastirući ga u primjerima, radi lakšeg smo čitanja ispravili srednjovjekovnu grafiju i dodali oznake biblijskih mjesta prema suvremenoj Vulgati. Budući da je tekst Vulgate uspostavljen tek nakon Tridentskog sabora 1590, odnosno 1598. godine, njegovo je uvrštavanje u liturgijske knjige moglo početi tek nakon toga. Stoga smo se umjesto usporedbe s posttridentskom Vulgatom odlučili za usporedbu biblijskih odlomaka s prvim tiskanim latinskim rimskim misalom (1474.). Potpunu usporedbu međutim nije moguće provesti sve dok se ne utvrdi konkretno izdanje latinskoga rimskog misala prema kojem je Kožičić načinio svoj misal. Naime biblijski se tekstovi onodobnih latinskih rimskih misala, ovisno o izdanju, razlikuju u pojedinostima.

GILDERSLEEVE 1900: 41]. Rečenice s nominalnim predikatom bez kopule u grčkome tekstu Biblije zastupljene su osobito u Starom zavjetu, pa ih se zajedno s onima u Novom zavjetu promatra kao sintaktičke hebraizme. Izvorno su dakle hebraizmi i primjeri koji se nalaze u starocrkvenoslavenskim prijevodima s grčkoga, no u starocrkvenoslavenskome ipak nema mnogo takvih primjera i grčki nominalni predikat bez kopule znatno se češće prevodi starocrkvenoslavenskim predikatom s kopulom [VEČERKA 1996: 141]. U latinskome tekstu Biblije brojni primjeri predikata bez kopule pod utjecajem su grčkoga predloška [PLATER, WHITE 1997: 30].

Prilagođavajući tekst latinskome, Kožičić tvori eliptične rečenice izostavljajući kopulu: *da uvedutъ êzici êko az g(ospod)ъ 50r (ut sciant gentes quia ego Dominus Ez 36,23 [MR: 105]); azъ g(ospod)ъ b(og)ъ vašъ ne stvorite tadbi 57v (ego Dominus Deus uester non facietis furtum Lv 19,10–11 [MR: 120]); ufanie moe ti v danъ umučenъê 59v (spes mea tu in die afflictionis Jer 17,17 [MR: 125]); tko odъ vašъ boei se b(og)a slišei glasъ raba nego 68r (quis ex uobis timens Deum audiens uocem serui eius Is 50,10 [MR: 142]); i êkože skrveno lice ego i pogrъeno 72r (et quasi absconditus uultus eius et despectus Is 53,3 [MR: 150]); sego radi mnozi nem(o) čni meû v(a)mi i sl(a)bi i spet mnozi 75v (ideo inter uos multi infirmi et imbecilles et dormiunt multi 1Cor 11,30 [MR: 157]). U paralelnim tiskanim misalima⁴ nema elipse: *da uvêdetъ êzici êko azъ esamъ g(ospod)ъ; azъ es(a)mъ g(ospod)ъ b(og)ъ vašъ ne tvorite tadbi; upv(a)nie moe ti esi v danъ postradaniê; kto estъ va vašъ boei se b(og)a da poslušaeъ glasa otroka ego; i êko skrušeno bêše lice ego i zabveno; i bo sutъ mnozi nem(o)čni meû v(a)mi i nedužni i spet mnozi.**

Zabilježili smo međutim i primjer gdje Kožičić ne slijedi latinski tekst, nego je istovjetan drugim tiskanim misalima: *čto e(stъ) tebi i mnê m(u)žu božbi 52v (quid mihi et tibi uir Dei? 3Reg 17,18 [MR: 110]);* kao i slučaj da Kožičić ima glagol *biti* premda ga nema ni u latinskome, a ni u uspoređenim misalima: *niščъ ne budi tebi s pravadnimъ onim 66v (nihil tibi et iusto illi Mt 27,19 [MR: 139]); Mo/SM/PT ničeso že tebê i pravadniku tomu.*⁵

2.2 *Praesens historicum*

Druga je značajka koju Kožičić unosi vjerno slijedeći latinski tekst, a suprotno (hrvatskoj) starocrkvenoslavenskoj tradiciji, upotreba historijskoga prezenta. Historijski prezent, koji se još naziva i pripovjedačkim ili narativnim prezentom, stilsko je sredstvo koje se koristi u pripovijedanju prošlih događaja da bi

⁴ Razlike među paralelnim tiskanim misalima malobrojne su i zastupljene ponajprije na grafematičkoj razini. Budući da je u fokusu ovoga rada sintaksa Kožičićeva misala, takve će se razlike zanemariti pri navođenju primjera, a zbog istog se razloga neće uvijek precizirati iz kojega se točno misala primjer donosi.

⁵ Izostavljanje glagola prema latinskim eliptičnim rečenicama učestala je pojava i u Kašićevu prijevodu Biblije (usp. [Vrtić 2009: 351–352]).

se slušatelj što jače uživio u događaj budući da mu se relativnom upotrebom prezenta predočava kao da se on odvija pred njegovim očima (usp. [KATIČIĆ 2002: 56; GORTAN, GORSKI, PAUŠ 2005: 257]). U istraženome korpusu Kožičić dosljedno uvodi historijski prezent na mjestima gdje je on u latinskome: *voini že dovedošę ga vnutarъ v dvorъ vladavca i prizivaŭtъ vse voinstvo i oblačet ga v purpiru i pletuče trnovъ venacъ polagaŭtъ nemu i načeše pozdravlati ga* 70v–71r (*militēs autem duxerunt eum intro in atrium praetorii et conuocant totam cohortem et induunt eum purpura et imponunt ei plectentes spineam coronam et coeperunt salutare eum* Mc 15,16–18 [MR: 147]); *i vedut ga na męsto golgote ... i davahu nemu piti murnoe vino* 70v (*et perducunt illum in Golgotha locum ... et dabant ei bibere myrratum uinum* Mc 15,22–23 [MR: 147]); *i abie petęhъ vspe privodet že i(su)sa ot kaęfi v pritvorъ be že ŭtro i ne vnidoše oni v pritvorъ da bi se ne oskvrnili* 79r (*et statim gallus cantauit adducunt ergo Iesum a Caypha in praetorium erat autem mane et ipsi non introierunt in praetorium ut non contaminarentur* Jo 18,27–28 [MR: 164]); *i tako izide i(su)sъ nose trnov venac i črvlenu rizu i govoritъ nimъ pilatъ se č(lovę)kъ pokle ga vidęše arhieręi i sluge glašahu rekuče propni propni ga govoritъ nimъ pilatъ vazmite ga vi i propnite* 79v (*exiuit ergo Iesus portans coronam spineam et purpureum uestimentum et dicit eis Pillatus ecce homo cum ergo uidissent eum pontifices et ministri clamabant dicentes crucifige crucifige eum dicit eis Pillatus accipite eum uos et crucifigite* Jo 19,5–6 [MR: 165]). Jedina su zabilježena iznimka primjeri latinskoga *ait*, koje Kožičić, kao i usporedni misali, prevodi 3. l. sg. aor. *reče*, no s obzirom na činjenicu da je taj glagol u latinskome krnj i nema perfekt taj se slučaj može i izuzeti.

Historijski prezent nije nepoznat starocrkvenoslavenskome, no budući da se pojavljuje samo četiri puta⁶ u prijevodu Evanđelja (od oko 350 slučajeva u grčkome izvorniku), a ostali su primjeri iz mlađih zborničkih tekstova Suprasalskog zbornika, s razlogom se bilo postavljalo pitanje u kojoj se mjeri radi o izvornoj stilskoj pojavi u starocrkvenoslavenskome, a u kojoj mjeri o kalku s grčkoga. Mišljenja su na kraju ipak prevagnula u korist prvoga (usp. [HUNTLEY 1979; VEČERKA 1993: 173–174]). Premda upotreba historijskog prezenta u hrvatskome crkvenoslavenskom nije još temeljito istražena, u prilog tome da on ni u toj redakciji crkvenoslavenskoga vjerojatno nije osobito zastupljen govori činjenica da se u gore navedenim primjerima u tiskanim misalima redom pojavljuju oblici aorista: *prizvaše, oblęše, vložišę, pridu, vese, r(e)če, gl(agol)a*, a aorist je i u rukopisnim misalima.⁷

⁶ Spomenici se i u ta četiri slučaja razlikuju, odnosno svaki od njih ima paralelne tekstove u kojima je aorist, a utvrditi sa sigurnošću koji od spomenika čuva izvorni prijevod Sv. Braće potpuno je nemoguće (usp. [VEČERKA 1993: 174]).

⁷ Odnosno u četiri misala koji su kao reprezentativni za hrvatsku redakciju crkvenoslavenskoga ekscerpirani u Staroslavenskome institutu kao građa za izradu Rječnika crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije: VAT4, LAB, Roč i Nov.

2.3 Upotreba kondicionala

Utjecaju latinskoga jezika pripisana je i već registrirana naglašenija upotreba kondicionala u *Misalu hruackome* u odnosu na hrvatskoglagoljsku tradiciju [ČEKOVIĆ, SANKOVIĆ, ŽAGAR 2010: 146–147]. Ono što bismo tom zapažanju ovdje dodali jest stanovita ograda te upotrebe, odnosno zanimljiva činjenica da, u našem korpusu, Kožičić kondicionalom prevodi samo latinski konjunktiv imperfekta i pluskvamperfekta.⁸ Što se pak distribucije kondicionala tiče, ona je više-manje onakva kakva je u hrvatskome crkvenoslavenskom.⁹ Kondicional se pojavljuje u samostalnoj upotrebi za izricanje želje (*da bismo mrtvi bili rukoû gospodneû v zemli eûpatscei* 61r), u protazi i apodozi pogodbene rečenice (*ako bi ot b(og)a sa ne bilb ničože ne bi mogalb tvoriti* 51v), te u zavisnim namjernim (*pristupi fjezi otrinulb da bi û* 52r), zahtjevnim/željnim (*molaše i(su)sa niki farifei eûb da bi s nimb* 58v), upitnim (*opita ako č(lovê)kь galileêninb bil bi* 74r), izričnim (*kimь govorb esi obetue da umnožil bi seme nihb* 58r), odnosnim (*odlučil že biše vladavacь po dnemь častnimь otputiti plku uznika ednogo egože izvolil bi* 66v), pa čak i posljedičnim (*rabbi tko sagrêši sa ili roditela ego da slepь rodil se bi* 50v) i uzročnim rečenicama (*reče že sie ne da bi pomnû imel o ubozih na zane da tat bê i mošne imebi êže šalahu se nošaše* 68r).

Da Kožičić ne preslikava mehanički glagolske oblike, nego postupa promišljeno i sustavno, može se dobro pokazati na primjeru zavisnih namjernih i zahtjevnih rečenica. U ovim rečenicama u latinskome se može pojaviti ili konjunktiv prezenta ili konjunktiv imperfekta, a distribucija im je, bez semantičke razlike, strogo određena pravilom tzv. *slaganja vremena* (*consecutio temporum*).¹⁰ Prevodeći takve rečenice, Kožičić koristi dva oblika koja se u hrvatskome crkvenoslavenskom u njima pojavljuju, ali ih strogo distribuira te latinski konjunktiv imperfekta prevodi kondicionalom (uz tek poneke propus-

⁸ Pronašli smo samo dva primjera u kojima je kondicionalom preveden latinski konjunktiv prezenta: 1) *nêstь ki znal bi puta nêe ni ki izmislilь bi stazi nêe* 89r (*non est qui sciat uiam eius neque qui excogitet semitas eius* Bar.3,31 [MR: 184]). Usporedni tiskani misali imaju tu prezent. Konjunktiv u latinskome označava da rečenica nije samo relativna, nego da ima dodatno posljedično značenje; 2) *nêstь va vrimenê semь kneza ni proroka ni hrcega ni olovaktomь ni žrtvi ni prnošeniê ni kadila ni mesta prvinsь prêds toboû da obresti mogli bimo pom(i)l(o)vaneê* 58v (*ut possimus inuenire misericordiam* Dn.3,39 [MR: 122]). Usporedni tiskani misali također imaju kondicional. Isti postupak prevodenja konjunktiva imperfekta i pluskvamperfekta kondicionalom primijenio je i Kašić u svojem prijevodu Biblije, no on za konjunktiv imperfekta upotrebljava kondicional sadašnji, a za konjunktiv pluskvamperfekta kondicional prošli. Takav je postupak Kašić, štoviše, propisao i svojom gramatikom [Vrrič 2009: 299].

⁹ Starocrkvenoslavenski je kondicional izražavao želju, mogućnost, pogodbu i dubioznost/deliberativnost (usp. [NANDRIŠ 1969: 158]), te se pojavljavao u irealnim pogodbenim, namjernim i zahtjevnim zavisnosloženim rečenicama, mada u ne baš raširenoj upotrebi. U hrvatskome crkvenoslavenskom upotreba mu se pod utjecajem latinskoga širi te se još pojavljuje u zavisnim poredbenim, izričnim, vremenskim, odnosnim i upitnim rečenicama (usp. [REINHART 1993: 291]).

¹⁰ Usp. [GORTAN, GORSKI, PAUŠ 2005: 272–275, 280–285].

te), a konjunktiv prezenta (svršenim) prezentom. Takav prevodilački postupak¹¹ pokazuje da je riječ o svjesnu Kožičićevu odabiru gdje modalnost značenja koju kondicional obično izražava postaje upitna, a u prvi plan dolazi težnja da se u gradnji ovih rečenica nasljeđuju latinska sintaktička pravila. Precjenjujući pak utjecaj latinskoga predložka, očekivali bismo da je svaki konjunktiv imperfekta preveden kondicionalom, a to nipošto nije slučaj.¹² Jednako tako ni kondicional nije lišen svoje modalnosti jer se upotrebljava i u slučajevima kad u latinskome ne dolazi konjunktiv.¹³

2.4 Upotreba infinitiva

Nastojeći tekst što više približiti latinskome, Kožičić sužava upotrebu infinitiva u svojem misalu u odnosu na hrvatskokrkvenoslavensku tradiciju. Već je Reinhart u svojoj habilitacijskoj radnji o sintaksi hrvatskoglagoljskoga misala [REINHART 1993: 155–164] zabilježio određeno sužavanje upotrebe infinitiva u odnosu na starokrkvenslavenske spomenike zbog njegove zamjene rečenicom s veznikom *da*. Ustanovio je da se u velikoj većini slučajeva radi o direktnu utjecaju latinskoga predložka, gdje se pojavljuje rečenica s veznikom *ut*, te da je pojava zastupljenija u tekstovima tzv. južne redakcije, u kojima se i inače primijeti više redaktorskih zahvata prilagođavanja latinskoj Bibliji. Iz Kožičićeva su misala, barem što se našeg korpusa tiče, u odnosu na druge tiskane misale 15. i 16. stoljeća uklonjeni svi *infinitivi posljedice*: *i(su)sъ že niščъ večē ne otveča tako da divlašē se pilat* 70v (*Iesus autem amplius nihil respondit ita ut miraretur Pillatus* Mc 15,5 [MR: 147]; MO/SM/PT *i(su)sъ že ničesože k tomu ne otveča tako êko diviti se pilatu zelo*); *položi ъe na tvrdi n(e)b(e)scei svetila da bi na z(e)mli i oblada da bi dnemъ i nočiû i razdelila da bi svetlostъ i tmi* 85v (*posuit eas in firmamento caeli ut lucerent super terram et praeessent diei ac nocti et dividerent lucem ac tenebras* Gn 1,17–18 [MR: 178]; MO/SM/PT *položi ъe na tvrdi n(e)-b(e)scēi êko svētiti imъ po z(e)mli i vladati dnemъ i nočiû razlučati s(vê)tъ ot tmi*); i oni *infinitivi namjere*¹⁴ koji nisu imali opravdanja u latinskome tekstu: *grēdetъ ka grobu da plačevъ(!) tu* 53v (*uadit ad monumentum ut deploret ibi* Jo 11,31 [MR:

¹¹ Isti postupak (prezent za konjunktiv prezenta, kondicional za konjunktiv imperfekta) u gradnji namjernih zavisnih rečenica provodi i Kašić u svojem prijevodu Biblije, a on je takvu upotrebu i deskriptivno propisao u svojoj gramatici [VRTIČ 2009: 388].

¹² Npr. konjunktiv imperfekta uz vremensko *cum*, koji se nikad ne prevodi kondicionalom: *egda že približevašē se k vratomъ grada se znaš(a)hu mrtva* 52r (*cum autem appropinquaret portae ciuitatis ecce defunctus efferebatur* Lc 7,12 [MR: 109]); i *egda biše i(su)sъ va bitanii v domu simuna prokaženago pristupi k nemu žena* 64v (*cum autem esset Iesus in Bethania in domo Simonis leprosi accessit ad eum mulier* Mt 26,6–7 [MR: 136]); i *egda vedihu ga eše simuna nikogo kurineēnina* 74v (*cum ducerent eum apprehenderunt Simonem quendam Cyrenensem* Lc 23,26 [MR: 154]).

¹³ Vidi npr. njegovu upotrebu u određenim uzročnim rečenicama niže u tekstu.

¹⁴ Više o starokrkvenslavenskom infinitivu kao priložnoj oznaci posljedice, odnosno cilja ili namjere v. [TURKALJ 2012: 255–261; KURZ 1972: 70–79; ПАЦНЕРОВА 1964].

112]; MO/SM/PT *gredetъ na grobъ plakati*); *vedihuta se i ina dva zlodeê š nim ubiena bila da bi* 74v (*ducebantur autem et alii duo nequam cum eo ut interficerentur* ^{Lc 23,32} [MR: 154]; MO/SM/PT *vedêhu že i etera d'va zlodeê š nim ubiti*); *se azъ navedu vodi potopa na z(e)mlû da pobiû vsaku pltъ* 86v (*ecce ego adducam diluuii aquas super terram ut interficiam omnem carnem* ^{Gn 6,17} [MR: 180]; MO/SM/PT *se bo azъ navedu potopъ vodъ na zemlû pogubiti vsaku pltъ*). Oni pak infinitivi koji su u latinskoj Bibliji rezultat utjecaja grčkoga infinitiva namjere (usp. [PLATER, WHITE 1997: 38]) također se nalaze i kod Kožičića: *kako na razboinika izidoste s meči i drkolami eti me* 65v (*tamquam ad latronem existis cum gladiis et fustibus comprehendere me* ^{Mt 26,55} [MR: 138]); *doide mariê magdalena i druga mariê viditi grobъ* 94v (*uenit Maria Magdalene et altera Maria uidere sepulchrum* ^{Mt 28,1} [MR: 194]). Njima treba pribrojiti i infinitive kojima se sukladno hrvatskoglagoljskoj tradiciji prevode latinske namjerne konstrukcije *ad + gerund(iv)*: *koliko veêê krvъ krstova ... ocestitъ svestъ n(a)šu odъ delъ mrtvihъ služiti b(og)u živomu* 55r (*quanto magis sanguis Christi ... emundabit conscientiam nostram ab operibus mortuis ad seruiendum Deo uiuenti* ^{Hbr 9,14} [MR: 115]); *i tako posla nabuhodonosorъ kralъ sabrati vovode* 91r (*itaque Nabuchodonosor rex misit ad congregandos satrapas* ^{Dn 3,2} [MR: 188]).

Provedenim redakcijskim zahvatima prilagođavanja latinskome misalu infinitiv se dakle, osim spomenute priloške upotrebe za izražavanje namjere, u našem korpusu ograničio prvenstveno na ulogu dopune modalnim (*oçemo is(u)sa videti* 60v) i faznim glagolima (*i poče plakati* 70v), zatim nominalne dopune bezličnim glagolima (*ne dostoit se namъ nikogože ubiti* 79r) i različitim drugim suznačnim glagolima (*poveli tagda pilatъ povrnuti telo* 67v), adnominalne dopune različitim imenicama (*potrebu že imeêše otpustiti im ednogo na danъ prazdnika* 74r) i pridjevima (*dužanъ e(stъ) umriti* 79v) te na službu predikata u konstrukcijama dativa s infinitivom (*prisudi pilatъ biti prošni nihъ* 74v) i akuzativa s infinitivom¹⁵ (*osudiše ga povinna biti semrti* 70r),¹⁶ no status mu je i u nekima od tih službi, kako ćemo u daljnjem tekstu pokazati na primjerima, dijelom narušen pod utjecajem govornoga jezika.

2.5 Relativno vezivanje

U istraženom korpusu zamijetili smo i Kožičićevu tendenciju da koristi odnosnu zamjenicu na početku rečenice ondje gdje ona dolazi i u latinskome predlošku umjesto anaforičke pokazne zamjenice kako bi se njezina sadržajna povezanost s prethodnim tekstom još jasnije istaknula [GORTAN, GORSKI,

¹⁵ Posebna je potkategorija ove konstrukcije akuzativ s infinitivom uz glagol (*s*)*tvoriti* kao prijevod iste latinske konstrukcije uz glagol *facere*, kojom se u Vulgati izražava kauzativnost radnje, odnosno prevode hebrejski glagoli u *hifilu* i *hofalu* (usp. [PLATER, WHITE 1997: 23; NUNN 1922: 42]), npr.: *s(ê)diti ga zgora stvorista* 61v (*eum desuper sedere fecerunt* ^{Mt 21,7} [MR: 129]).

¹⁶ Dakako, infinitiv se još koristi i za tvorbu futura I. i opisnoga imperativa.

PAUŠ 2005: 182]. Tako uvedena rečenica na prvi tren izgleda kao zavisna odnosna, no da se radi o parataksi, a ne hipotaksi, najčešće sugerira smisao. Tako je npr. u rečenici *vide že kralj êko napadahu na nъ zelo i nevoleu pripravlenъ prêda imъ daniela iže* [oni že] *položise nego v rov lavli 56v (uidit ergo rex quod irruerent in eum vehementer et necessitate compulsus tradidit eis Danielem qui miserunt eum in lacum leonum* Dn 14,29–30 [MR: 118]), u kojoj bi, da je riječ o hipotaksi, rečenica s *iže* bila prijevremena glavnoj, što smisao ne dopušta. No mogući su usto i drugi dodatni pokazatelji – npr. imperativ, koji se inače ne pojavljuje u odnosnim rečenicama: *i vide b(og)ъ da dobro biše i r(e)če prozebni z(e)mļa travu zelêneûcu i tvoreûcu semê i drevo plodovito tvoreče plodъ po rodu svoemu egože* [ego] *semê v nem budi* na *z(e)mli 85v (et uidit Deus quod esset bonum et ait germinet terra herbam uirentem et facientem semen et lignum pomiferum faciens fructum iuxta genus suum cuius semen in semetipso sit super terram* Gn 1,10–11 [MR: 178]); ili nesročnost predikata: *arhierêi že rastrzav rizi svoe r(e)če što želêemo ošče svedêtelevъ slišaste blasfemiû što se vamъ viditъ iže* [oni že] *vsî osudiše ga povinna biti smrti 70r (summus autem sacerdos scindens uestimenta sua ait quid adhuc desideramus testes? audistis blasphemiam quid vobis videtur? qui omnes condemnauerunt eum esse reum mortis* Mc 14,63–64 [MR: 146]).

Ova se pojava u latinskim gramatikama naziva relativnim vezivanjem (*relative connection, relativ Anschluss*). Izrazito je česta u latinskoj prozi Ciceronova i Cezarova razdoblja [PINKSTER 2012: 391], a dobro je zastupljena i u latinskoj Bibliji, osobito u Starom zavjetu [PLATER, WHITE 1997: 127]. U grčkome je jeziku potvrđena tek sporadično [PINKSTER 1990: 82], pa ju vjerojatno ne treba očekivati ni u starocrkvenoslavenskome. U hrvatskome crkvenoslavenskom, koliko nam je poznato, još uvijek je neistražena. Od 19 slučajeva relativnog vezivanja u latinskome, koliko ih se nalazi u našem korpusu, Kožičić također ima odnosnu zamjenicu u 17 njih, tiskani misali u 5, a uspoređeni rukopisni u 4,¹⁷ iz čega možemo zaključiti da je ono pod latinskim utjecajem polako prodiralo u hrvatskoglagoljske tekstove, no ne u tolikoj mjeri da bi se moglo smatrati vlastitošću hrvatske redakcije crkvenoslavenskoga, a Kožičić ga je uveo (gotovo) dosljedno.¹⁸

2.6 Intonacijska pitanja

I u starocrkvenoslavenskom i u hrvatskome crkvenoslavenskom jeziku tzv. nulta ili intonacijska pitanja iznimno su rijetka te se mogu svesti na svega nekoliko spornih primjera (usp. [VEČERKA 1996: 50–51; MIHALJEVIĆ 1997: 192]). Pri prevođenju iz grčkih i latinskih predložaka pitanja tvorena samo upitnom

¹⁷ Od čega samo dva slučaja imaju svi (VAT₄, NOV, ROČ, LAB), a dva samo NOV. Uzmemo li rukopisne i tiskane zajedno, imamo ukupno šest slučajeva relativnog vezivanja.

¹⁸ Relativno vezivanje dobro je potvrđeno i u Kašičevoj Bibliji, kao i u Bernardinovu, Ranjininu i Zadarskom lekcionaru (usp. [VRTIĆ 2009: 227–228]).

intonacijom, dakle bez posebne čestice, veznika, priloga, zamjenice ili druge upitne riječi, u (staro)crkvenoslavenskome su dodatno dobivala takvu riječ za oznaku upitnosti. Najčešće je to bila čestica *li*. Kožičić, prateći latinski predložak, i u tome odstupa od hrvatskocrkvenoslavenske „norme.“ U njegovu su misalu intonacijska pitanja dobro potvrđena: *v grêsehъ roenъ esi vasъ i ti učiši nasъ* 51v (*in peccatis natus es totus et tu doces nos?* Jo 9,34 [MR: 107]; MO/SM/PT *v grêšê roenъ esi vasъ ti li učiši nasъ*); *rabbi nine iskahu te iûdei kamenovati i sopetъ grêši onamo* 53r (*rabbi nunc quaerebant te Iudaei lapidare et iterum uadis illuc?* Jo 11,8 [MR: 111]; MO/SM/PT *rav'vi n'ne iskahu te iûdêi kamenovati paki li idêši tamo*); *opita ga poglavica reki ti esi kralъ iûdeiski* 66v (*interrogauit eum praeses dicens tu es rex Iudaeorum?* Mt 27,11 [MR: 139]; MO/SM/PT *ti li esi c(êsa)rъ iûdêiski*); *i reče(!) petru simune spiši ne može godinu ednu bditi sa mnoû* 69v (*et ait Petro Simon dormis? non potuisti una hora uigilare mecum?* Mc 14,37 [MR: 145]; MO/SM/PT *simune spiši li toliko li ne može edinъ časъ pobdêti sa mnoû*); *otvečav že drugi karaše ga reki ni ti se b(og)a ne boiši iže v tome osuenъi esi* 74v (*respondens autem alter increpabat illum dicens neque tu times Deum qui in eadem damnatione es* Lc 23,40 [MR: 155]; MO/SM/PT *ne li ti boiši se boga*); *r(e)če nemu petarъ g(ospod)i ti umivaši mne nozi* 75v (*dicit ei Petrus Domine tu mihi lauas pedes?* Jo 13,6 [MR: 157]; MO/SM/PT *ti li umieši nozi moi*). Ipak, treba reći kako u gotovo jednaku broju slučajeva Kožičić, jednako kao i usporedni misali, upitni karakter latinske intonacijski upitne rečenice osnažuje dodatno česticom *li*: *vprašahu eû govoreče se li vistinu e(stъ) sin vaû egože govorita vi da slepъ rodilъ se e(stъ)* 51r (*interrogauerunt eos dicentes hic est filius uester quem uos dicitis quia caecus natus est?* Jo 9,19 [MR: 107]); *i tako govoritъ nemu pilatъ mne li ne otvečavaeši ne vesi li da vlastъ imatъ propeti te* 79v (*dicit ergo ei Pilatus mihi non loqueris? nescis quia potestatem habeo crucifigere te* Jo 19,10 [MR: 165]).

3. Utjecaj govornoga jezika

U drugu bismo skupinu mogli svrstati sintaktičke značajke koje se mogu pripisati utjecaju govornoga jezika, a kojima Kožičić odstupa i od latinskoga predloška i od hrvatskocrkvenoslavenske tradicije u različitoj mjeri. Među takvim je odlikama svakako najzanimljivija potpuno provođenje niječnoga slaganja u istraženome korpusu.

3.1 Niječno slaganje

Poznato je naime da već u starocrkvenoslavenskim spomenicima pod utjecajem grčkoga jezika dodatna negacija uz glagol (niječno slaganje) može izostati ako mu zanijekana zamjenica ili zamjenički prilog odnosno čestica *ni* pretihode, a da je obavezna samo ako je glagol preponiran (usp. [KOVAČEVIĆ 2012: 222–224]). Za hrvatski su pak crkvenoslavenski istraživanja pokazala kako

je izostanku niječnoga slaganja dodatno pripomogao utjecaj latinskoga jezika. Tako je učestaliji izostanak niječnoga slaganja u tekstovima koji su kao predložak imali latinski u odnosu na one koji su prevedeni s grčkoga već za najranije hrvatskoglagoljske fragmente utvrdio Mihaljević [MIHALJEVIĆ 2006: 223], a isto je primijetio Reinhart [REINHART 1993: 171–177] u misalskim tekstovima tzv. južne redakcije, koji su u znatnijoj mjeri proveli redakcijske zahvate prilagođavanja Vulgati (usp. [KOVAČEVIĆ 2012: 42–43]).

Premda bismo, na temelju rečenoga, zbog činjenice da je Kožičić redigiranju hrvatskoglagoljskoga misala pristupio upravo kako bi ga dodatno tekstualno približio latinskome misalu, očekivali da će u *Misalu hruackome* jednostruka negacija umjesto dvostruke biti još učestalija, u njemu ona, začudo, potpuno izostaje.

U istraženom korpusu Kožičić niječno slaganje provodi uvijek,¹⁹ dakle bez obzira na red riječi, kada se radi o slaganju glagola i niječne zamjenice: *gredet noč egda nitkože delati ne možet* 50v (*uenit nox quando nemo potest operari* Jo 9,4 [MR: 106]; MO/SM/PT *egda niktože tvoriti možet*); *niednogo uzroka semrti ne obrêcuem v nemь* 74r (*nullam causam mortis inuenio in eo* Lc 23,22 [MR: 154]; MO/SM/PT *niedinoe vini semrtnie obrêtaù v nemь*), ili glagola i zamjeničkog priloga: *ako vsi sablaznet sê o tebê azь nikadaže ne sablaznu se* 65r (*et si omnes scandalizati fuerint in te ego nunquam scandalizabor* Mt 26,33 [MR: 137]; MO/SM/PT *azь nikoliže* <add. *ne Sm*> *sablažnû se*).

Kada je pak riječ o niječnom slaganju čestice/veznika *ni* i glagola, negacija se uz glagol pojavljuje ne samo u slučajevima kada *ni* niječe tek pojedine članove rečeničnog ustrojstva (osim predikata) i u kojima je prema Kovačević [KOVAČEVIĆ 2012: 230] u načelu možemo očekivati: *ni ti se b(og)a ne boiši iže v tome osuensi esi* 74v (*neque tu times Deum qui in eadem damnatione es* Lc 23,40 [MR: 155]; MO/SM/PT *ne li ti boiši se boga*); *ni sa ne sagrêši ni roditela nego* 50v (*neque hic peccauit neque parentes eius* Jo 9,3 [MR: 106]; MO/SM/PT *ni sa sagrêši ni roditela ego*), nego i onima u kojima *ni* dolazi iza zanijekanoga glagola i označava niječnost cijele surečenice koju uvodi te odgovara standardnohrvatskome vezniku *niti*:²⁰ *ne stvoriši potvora iskrnemu tvoemu ni silou ne pognêteši nego* 57v (*non facies calumniam proximo tuo nec ui opprimes eum* Lv 19,13 [MR: 120]; MO/SM/PT *ne stvoriši bêdi iskrnnemu tvoemu ni usili ego*); *puta že kazaniê ne znaše ni stazь ego ne razumêše ni sinove ego ne prieše bi* 89r (*uiam autem disciplinae nescierunt neque intellexerunt semitas eius neque susceperunt eam filii eorum* Bar 3,20–21 [MR:

¹⁹ Tek jedan primjer na prvi pogled izgleda kao iznimka: *ako azь samь sebê slavlû slava moê ničtože e(stь)* 55v (*si ego glorifico me ipsum gloria mea nihil est* Jo 8,54 [MR: 116]), no kao što primjećuje Kovačević [KOVAČEVIĆ 2012: 225], one niječne zamjenice (isključivo u značenju 'ništa') kojima se semantika obogaćuje značenjskim sastavnicama 'nevrjedno,' 'ništavno' i sl. ne podrazumijevaju niječno slaganje. Ovdje se radi upravo o takvu slučaju.

²⁰ Iz pozicije standardnoga hrvatskoga dodatna bi negacija u ovakvim slučajevima bila neovjerena.

184]; MO/SM/PT *puti že nakazovaniê ne vidêše ni stazъ ee razumêše i sinove ihъ ne priêše û); ne izbira tih g(ospod)ъ ni puta kazaniê ne obrêtoše* 89r (*non hos eligit Dominus neque uiam disciplinae inuenerunt* ^{Bar 3,27} [MR: 184]; MO/SM/PT *ne izbira ihъ g(ospod)ъ ni puti kazaniê obrêtu); a jedina je – i to, čini se, sustavna – iznimka ako se ni pojavljuje neposredno ispred glagola: ne zakuni se lažno im(e) nêm moimъ ni oskvrniši imêne b(og)a tvoego* 57v; *vi ničože nê vêste ni mislite êko bolše e(stъ) vamъ da umretъ č(lovê)kъ edanъ za plkъ* 59v.

Iz navedenih primjera vidljivo je da se ne radi o utjecaju latinskoga predloška, ali ni o utjecaju hrvatskoglagoljske tradicije, odnosno nekoga hrvatskoglagoljskoga misala, koji je, pretpostavlja se, Kožičić imao pri ruci, zbog čega se potpuno niječno slaganje u *Misalu hruackome* mora pripisati utjecaju govornoga jezika. Zanimljivo je međutim da se Kožičić odlučio upravo za takav redaktorski postupak, tim više ako znamo da je izostanak niječnoga slaganja odlika ne samo ranih hrvatskih biblijskih prijevoda (Zadarski, Bernardinov, Ranjinin lektionar), protestantskih svetopisamskih prijevoda XVI. stoljeća, Bandulavićeva lektionara, Kašićeve i Katančićeve Biblije, nego i starijih hrvatskih književnika (Marulić, Baraković, Zoranić, Držić, Lukarević, Papić, Posilović) te se zadržala i u jeziku nekih pisaca čak XVIII. i XIX. stoljeća (usp. [VRTIČ 2009: 94]), što svjedoči o njezinoj uvriježenosti i prihvatljivosti u hrvatskome literarnom izričaju.

3.2 Upotreba infinitiva

Već smo spomenuli kako do dodatna sužavanja upotrebe infinitiva u Kožičićevu misalu dolazi pod utjecajem govornoga jezika. To su naime oni slučajevi u kojima se (nasuprot infinitivu tiskanih misala) u *Misalu hruackome* pojavljuje rečenica s veznikom *da* premda u latinskome tekstu ne stoji ni namjerno ni posljedično *ut* (ni izrično *quod, quia*). Neke bismo od njih možda čak mogli i tumačiti kao približavanje latinskome tekstu ako se iz nekog razloga, recimo, želi zadržati pasivni izričaj kakav je u izvorniku: *doide že danъ oprêsnak u kom potreba bê da ubiet se paska* 72v (*uenit autem dies azymorum in qua necesse erat occidi pascha* ^{Lc 22,7} [MR: 151]; MO/SM/PT *va nže potrebnô bi žrêti pasku); sie ošče eže pisano e(stъ) potrebuetъ da isplnit se va mne i s nepravadnimi proceneny e(stъ)* 73r (*adhuc hoc quod scriptum est oportet impleri in me et cum iniquis deputatus est* ^{Lc 22,37} [MR: 152]; MO/SM/PT *podobaetъ isplniti se o mnê); no drugi nam primjeri ipak pokazuju da to nije slučaj: nitkože vistinu otai ničesože ne tvoritъ i iščetъ samъ da očitъ budet* 57r (*nemo quippe in occulto quicquam facit et quaerit ipse in palam esse* ^{Jo 7,4} [MR: 119]; MO/SM/PT *ičet bo êvi biti); v sretênie nego doide narodъ zane sliša da stvori znamenie sie* 60r (*obuiam uenit ei turba quia audierunt eum fecisse hoc signum* ^{Jo 12,18} [MR: 127]; MO/SM/PT *êko slišaše stvoršai); potrpite da vidimo egda pridet iliê da izvisit ga* 71r (*sinite uideamus si ueniat Helias ad deponendum eum* ^{Mc 15,36} [MR: 148]; MO/SM/PT *ače pridet iliê*

sneti i); *prorvateľ esamť da spasu* 71v (*propugnator sum ad saluandum* ^{Is 63,1} [MR: 149]; MO/SM/PT *prêboriteľ esamť v spasenie*); *obretosmo sego ... govoreča da on g(ospod)ь kr(a)ľ e(stb)* 74r (*hunc inuenimus ... dicentem se Christum regem esse* ^{Lc 23,2} [MR: 153]; MO/SM/PT *glagolûca sebe hr̃bsta cêsara suća*); *nadeš(e) se viditi znamênie kogodi stvorilo da bi se odъ nego* 74r (*sperabat signum aliquod uidere ab eo fieri* ^{Lc 23,8} [MR: 154]; MO/SM/PT *vidêti znamenie etero ot nego*); *i tako ako mnê išcetê pustite da otidutъ si* 78v (*si ergo me quaeritis sinite hos abire* ^{Jo 18,8} [MR: 164]; MO/SM/PT *ne dêite sihъ iti*). Raznovrsnost i brojnost ovih primjera sugerira nam kako se radi o crti iz govornoga jezika koja se u njima uspješno odrazila.

3.3 Uzročni veznik *ne da*

Utjecaju govornoga jezika valja pribrojiti i upotrebu uzročnoga veznika *ne da* kada je u korelaciji sa suprotnim *na* ili isključnim *neže* (prema latinskome *non quia ... sed (quia), non quia ... nisi, non quod ... sed*). U našem se korpusu, doduše, nalazi samo jedan takav primjer: *reče že sie ne da bi pomnû imel o ubozih na zane da tat bê i mošne imebi êže šalahu se nošase(!)* 68r (*dixit autem haec non quia de egenis pertinebat ad eum sed quia fur erat et loculos habens ea quae mittebantur portabat* ^{Jo 12,6} [MR: 142]; MO/SM/PT *ne êko o ničihъ pečalaše se na êko tat bê i mošne imêše i êže posilahu nošaše*); no proširenom ciljanom pretragom u čitavome misalu pronašli smo dodatno još tri takva primjera: *sego radi moisei da vamъ obrezanъe ne da odъ moiseê e(stb) na odъ o(ta)ць* 49v (*propterea Moyses dedit uobis circumcisionem non quia ex Moysse est sed ex patribus* ^{Jo 7,22} [MR: 104]; MO/SM/PT *ne êko ot moiseê estъ na êko ot otacъ*); *ne da bi otca vidilь tko neže onъ ki od b(og)a e(stb) ta viditъ otca* 119v (*non quia Patrem uidit quisquam nisi is qui est a Deo hic uidit Patrem* ^{Jo 6,46} [MR: 246]; MO/SM/PT *ne êko otca vidêlь estъ kto takmo sa iže ot boga estъ sa vidê otca*); *ne da dovolni esmo pomisliti čtogodi odъ n(a)sъ êkože iz nasъ na dovolenie naše odъ b(og)a e(stb)* 131v (*non quod sufficientes simus aliquid cogitare a nobis quasi ex nobis sed sufficientia nostra ex Deo est* ^{2Cor 3,5} [MR: 273]; MO/SM/PT *ne êko ot nasъ dovolni esamť pomisliti čto ot nasъ êko iz nasъ na dovolъ našъ ot boga estъ*).

Na uzročno *da* kao hrvatsku nadgradnju starocrkvenoslavenskoga u hrvatskome crkvenoslavenskom već je upozorio Mihaljević [MIHALJEVIĆ 2003: 22–23], no on ne bilježi svezu *ne da* u korelativnoj konstrukciji, a takva se sveza ne nalazi zabilježena ni u obrađenoj rječničkoj natuknici *da* u [RCJHR 2007: 237–247]. U [RJA 2: 192] ističe se međutim kako se *da* u uzročnome značenju upotrebljava češće kad je ispred njega *ne*. Zanimljivo je također da se u dvama od četiri primjera ovih rečenica pojavljuje kondicional sadašnji, a da tomu nije razlog u latinskome. Njime se, čini se, izriče dodatna subjektivnost radnje, odnosno ograda govornika od rečenicom izražene tvrdnje (koja je nečija tuđa).

3.4 Genitiv negacije

Kao jedna od posebnosti hrvatske redakcije starocrkvenoslavenskoga jezika na razini sintakse često se ističe i postupni uzmak genitiva negacije ili slavenškoga genitiva²¹ [REINHART 1993: 256; VINCE MARINAC 1998: 50; VINCE 2008A: 616; MIHALJEVIĆ, REINHART 2005: 69; MIHALJEVIĆ 2009: 338; MIHALJEVIĆ, VINCE 2012: 76]. U starocrkvenoslavenskome je genitiv kao izravni objekt uz negirane prijelazne glagole bio norma [REINHART 1993: 251], a takvo je stanje zabilježeno i u najstarijim hrvatskoglagoljskim fragmentima [MIHALJEVIĆ 2006: 227, 231, 235]. Kasniji hrvatskoglagoljski tekstovi međutim pokazuju njegovo djelomično postupno zamjenjivanje akuzativom pod utjecajem hrvatskoga govornog jezika, u kojem je, smatra se, već u 16. stoljeću sasvim rijedak [REINHART 1993: 262].

U *Misalu hruackome* genitiv negacije razmjerno je dobro očuvan: *so-boti ne hranit̃* 51r; *doideže ne prizvaše roditel̃u* 51r; *gr̃ešnih̃ ne slišit̃ b(og) ь* 51r; *ne pozdravlai ego* 52r; *ne išču sl(a)vi moe* 55r; *semrti ne uzrit̃ va veki* 55r; *vodi da ne piūt̃* 56r; *babelona ne vidēh̃ i rova ne vēm* 56v; *ne stvorite tad̃bi* 57v; *ni oskvrniši imēne b(og)a tvoego* 57v; *ne stvoriši potvora iskrnemu tvoemu* 57v; *siloū ne pognēteši nego* 57v; *pr̃ed slepim̃ potaknieniē ne položiši* 57v; *ne smotri osobstva niščago ni l(i)ca silnago ne počtui* 57v; *pokarai ga da ne budeši imel̃ gr̃eha nad̃ nit̃* 57v; *ne vziščeši maščeniē* 57v; *ne otnesi odb nas̃ pom(i)lovaniē tvoego* 58r; *vodi ne da nogam moim* 58v; *celova ne da mne* 58v; *dne č(lovēča)skago ne poželih̃* 59r; *lica moego ne otvratih̃* 68r; *ne otvrze ust̃ svojih̃* 72r; *bezakoniē ne stvori* 72r; *niednogo uzroka semrti ne obr̃ēcuem̃ v nem̃* 74r; *sud sebi ēdet i piet ne rasmatrae t(ē)la g(ospod)na* 75v; *česti imeti ne budeši sa mnoū* 75v; *kosti ego ne skrušite* 78r; *i(su)s̃b̃ že otveta ne da nemu* 79v; *niedne vlasti imel̃ ne bi protivu mnē* 79v. U svim je ovim primjerima genitiv i u tiskanim misalima.

Dosta je međutim i primjera u kojima se na mjestu genitiva u *Misalu hruackome* pojavljuje akuzativ, ne samo kad se radi o zamjenicama ili zamjeničkom pridjevu *ništože*²², gdje stanje u nekoj mjeri odgovara onome u usporednim tiskanim misalima: *ništože ne bi mogal̃ tvoriti* 51v (MO/SM/PT *znameni sih̃ ne bi mogal̃ tvoriti*); *ne otpušču te* 52r (MO/SM/PT *ne ostavlū te*); *nitkože ne êt ga* 54v (MO/SM/PT *niktože êt i*); *ne poznaste ga* 55v (MO/SM/PT *ne poznaste ego*); *ako reku da nē vem ga* 55v (MO/SM/PT *ače r̃eku êko ne vēm ego*); *skoti da*

²¹ Naziva se slavenskim jer je osobina slavenskih jezika. Danas je, doduše, živa kategorija još samo u ruskom, bjeloruskom, ukrajinskom i poljskom jeziku, dok je u češkome i slovačkome iznimno rijedak, a gotovo se posve izgubio u hrvatskome, srpskome i bošnjačkome (usp. [RICHARDSON 2007: 28]). Njegova upotreba u hrvatskome književnome jeziku „stilski je obilježena kao svečan starinski ili prisran pučki štokavski govor“ [KATIČIĆ 2002: 144].

²² Kolebanje u normi genitiva negacije kod osobnih zamjenica i zamjeničkog pridjeva *ništože* primjetno je već u starocrkvenoslavenskome (usp. [REINHART 1993: 251–252]).

ne vkusetʹ ničtože 56r (MO/SM/PT *skoti da ne okusetʹ ničesože*); *ne obrečemo ga* 56r (MO/SM/PT *mi ne obrečemo ego*); *ne kamenuemo te* 57v (MO/SM/PT *ne kamenuem te*); *vi ničtože nê veste* 59v (MO/SM/PT *vi ničtože ne viste*); *se že samʹ odʹ sebê ne reče* 59v (MO/SM/PT *segože samʹ soboû ne reče*); *ne poznaše siê učenici nego* 60r (MO/SM/PT *ne poznaše sie učenici ego*); *ničtože ne prospemo* 60r (MO/SM/PT *ničtože prospêvaemʹ*); *ne estê me* 65v (MO/SM/PT *ne êste me*); *ne zataû te* 69v (MO/SM/PT *ne otvrga se tebe*); *ne držaste mē* 70r (MO/SM/PT *ne êste me*); *ne procinismo ga* 72r (MO/SM/PT *ne mnêhomʹ i*); *ne znaem ga* 73v (MO/SM/PT *ne znaû ego*), nego i u slučajevima kada su direktni objekti imenice (ili poimeničeni particip): *ostavilʹ nisi lûbečêe tebê* 56v (MO/SM/PT *ne ostavi lûbečih te*); *i ne pomeneši krivnu graêny tvoiŋy* 57v (MO/SM/PT *ni vspomeneši krivini graêny tvoiŋy*); *ako dela otca moego ne tvorû* 58r (MO/SM/PT *ače dêlʹ otca moego ne tvorû*); *ne razori zavetʹ tvoi* 58r (MO/SM/PT *ne razori zavêta tvoego*); *olêemʹ ne pomaza glavu moû* 59r (MO/SM/PT *olêemʹ ne pomazalʹ esi glavi moee*); *ne prostriste ruce v(a)še na me* 73v (MO/SM/PT *ne prostriste rukʹ na me*); *egda li domi ne imate na snedênie i pitie* 75v (MO/SM/PT *eda hrama ne imate êsti i piti*); *ne umieši mnê nozi va veki* 75v (MO/SM/PT *ne umieši nogu moeû v vêky*); *ne prêbiše goleni nego* 80v (MO/SM/PT *ne prêbiše emu golenu*).

Premda se radi o pojavi koja prati razvojnu tendenciju hrvatskoga crkvenoslavenskog te se ne može isključiti ni mogućnost da je u (nekim) navedenim slučajevima akuzativ također i u hrvatskoglagoljskom predlošku, kojim se, pretpostavlja se, Kožičić služio, ipak ove slučajeve ističemo kao one u kojima se u *Misalu hruackome* ogleda utjecaj govornoga jezika.

4 Zaključne primjedbe

Opisali smo neke zanimljivosti sintakse Kožičićeva *Misala hruackoga*, no to ni pošto ne iscrpljuje zadanu temu. Kako smo vidjeli u pregledanome korpusu na temelju odabranih sintaktičkih osobina, utjecaj je latinskoga jezika očekivano znatan, no s naglašavanjem toga utjecaja ne valja pretjerivati. S jedne strane upotreba pojedinih oblika i sintaktičkih konstrukcija kojima Kožičić odstupa od hrvatskocrkvenoslavenske tradicije može se jednoznačno pripisati latinskome predlošku, kao što su historijski prezent, veća zastupljenost kondicionala, primjeri relativnoga vezivanja, eliptične rečenice i česta upotreba intonacijskih pitanja. S druge strane zamjetan je i utjecaj govornoga jezika, gdje Kožičić odstupa i od latinskoga i od hrvatskoga crkvenoslavenskog. Unosom iz govornoga jezika nesumnjivo se mogu smatrati primjerice potpuno provođenje niječnoga slaganja i sužena upotreba infinitiva. Nigdje se međutim ne radi o ostrim rezovima te Kožičić i u tome, možemo reći, prati razvojni tijek hrvatskoga crkvenoslavenskoga.

Općenito govoreći, Kožičićeva je sintaksa, kako padežna tako i rečenična, velikim dijelom hrvatska crkvenoslavenska.²³ Premda usporedba s drugim tiskanima misalima 15. i 16. stoljeća pokazuje brojne slučajeve Kožičićeva razilaženja od onoga što je vjerojatno mogao imati kao hrvatskoglagoljski predložak, razlike su većinom tekstološki uvjetovane latinskim predloškom (osobito u upotrebi glagolskih oblika i prijedložno-padežnih izraza) ili se Kožičić odlučuje za drugi istoznačan ili bliskoznačan element hrvatskoga crkvenoslavenskog sustava. Izrazito (staro)hrvatskih elemenata u Kožičićevoj sintaksi jako je malo, osobito ako se uzme u obzir da je hrvatski crkvenoslavenski kroz stoljeća poprimao nova i nova hrvatska obilježja te se štošta što je izvorno hrvatsko ipak ne može oštro razlučiti od hrvatskocrkvenoslavenskoga.

Ono međutim što je u Kožičićevoj sintaksi novo i što odražava koncepcijsku originalnost i autorstvo njegova književnoga jezika jest pokušaj dosljedna usustavljenja i uređenja sintakse književnog jezika po gotovo normativnim principima. Svakako, u velikoj je mjeri Kožičiću u tome pomogao latinski kao već formiran i normiran književni jezik. No njegovi se redakcijski zahvati u tom smjeru ne mogu objasniti samo tekstološki kao potreba što većeg približavanja izvorniku, nego je prije riječ o tome da je latinski Kožičiću poticaj i primjer gradnje književnoga jezika. Čak i ako promatramo npr. distribuciju glagolskih oblika,²⁴ u kojoj brojni redakcijski zahvati zamjene hrvatskoglagoljskih glagolskih oblika drugima pokazuju očitu Kožičićevu namjeru da tekst približi latinskome, pa upotrebljava prezent jer je u latinskome prezent, perfekt jer je u latinskome perfekt i sl. čineći to više ili manje dosljedno, to nas ipak ne priječi u tome da primijetimo kako time proširuje (ili barem u većoj mjeri koristi) izražajne²⁵ i stilske²⁶ mogućnosti hrvatskoga crkvenoslavenskog jezika. Unatoč tomu što Kožičić katkad toliko slijedi latinski tekst da čak uvodi novi kalk, primjerice u opisnoj tvorbi niječnoga imperativa (*ne hotiite se boèti*

²³ Kožičić najveću pomlađenost tekstova pokazuje u leksiku, a u gramatici u većoj mjeri rabi hrvatskocrkvenoslavenske oblike te mu upravo oni služe kako bi održao vezu s preuzetim književnim jezikom [ŽAGAR 2012a: 257–258; ŽAGAR 2012b: 117–118; TOMAŠIĆ 2001: 277; TOMAŠIĆ 2003: 64; CEKOVIĆ, SANKOVIĆ, ŽAGAR 2010: 161–162; MIHALJEVIĆ 2012: 161; CEKOVIĆ, ETEROVIĆ 2012: 153; KUŠTOVIĆ 2012: 138–139]. Na sintaktičkom planu hrvatska crkvenoslavenska tradicija možda se najočitije ogleda u čuvanju i plodnu korištenju starocrkvenoslavenske konstrukcije dativa apsolutnoga, na što je već u opisima drugih Kožičićevih izdanja upozorila Nazor [NAZOR 1984: 19; NAZOR 2007: 22].

²⁴ Iscrpnije su upotrebu glagolskih oblika u *Misalu hruackome* prikazali [CEKOVIĆ, SANKOVIĆ, ŽAGAR 2010].

²⁵ Kožičić npr. pokazuje izrazitu osjetljivost na izražavanje prijevremene prošle radnje te, u našem korpusu, koristi pluskvamperfekt na gotovo svim mjestima gdje je u latinskome pluskvamperfekt. Za prijevremenu buduću radnju međutim nije ni približno toliko osjetljiv budući da latinski futur II. prevodi često svršenim prezentom ili futuro prvim, uobičajenim sredstvima za izricanje buduće radnje.

²⁶ Uzmimo samo npr. *historijski prezent*.

umjesto *ne mozite se božeti*, prema lat. *nolite timere*²⁷), moramo uvijek imati na umu da Kožičić ne prevodi slijepo i da nije riječ o pukom preslikavanju već o svjesnu odabiru. Na temelju našeg uvida skloni smo reći da se radi o dobru poznavanju obaju jezičnih sustava i pokušaju da se vlastiti književni jezik po uzoru na latinski izgradi na jasnim sintaktičkim principima. Posve je drugo pitanje kako bi takav jezik funkcionirao u djelima koja nisu prijevodnog karaktera, no odgovor na njega ne možemo znati budući da nam nije poznato ni jedno takvo Kožičićevo djelo.

Skraćeni nazivi knjižnica i ustanova čuvanja

NUK	Narodna in univerzitetna knjižnica u Ljubljani
ÖNB	Österreichische Nationalbibliothek u Beču
BAV	Biblioteca Apostolica Vaticana
SI	Staroslavenski institut u Zagrebu
HDA	Hrvatski državni arhiv

Izvori

Rukopisi

LAB

„Prvi ljubljanski misal.“ NUK, Ms 162 (ranije C 162a/2). Hrvatskoglagoljski misal iz 15. st. pripisan piscu Bartolu iz Krbave. Po mjestu Bermu u Istri, gdje se upotrebljavao, naziva se još i „Beramskim.“ 245 l. pergamene. Korištena je preslika SI, F-141.

Nov

„Misal kneza Novaka.“ ÖNB, Cod. Slav. 8. Hrvatskoglagoljski misal iz 1368. g. Ponajljepši hrvatskoglagoljski rukopis, djelo kneza Novaka Disislavića. 271 l. pergamene. Korištena je preslika SI, F-2.

Roč

„Ročki misal.“ ÖNB, Cod. Slav. 4. Hrvatskoglagoljski misal koji je za mjesto Roč u Istri oko 1420. g. pisao pisac Bartol iz Krbave. 232 l. pergamene. Korištena je preslika SI, F-23.

VAT₄

„Vatikanski misal Illirico 4.“ BAV, Borg. illir. 4. Najstariji hrvatskoglagoljski misal iz poč. 14. stoljeća. Vjerojatno nastao i korišten na otoku Krku. 278 l. pergamene. Korištena je preslika SI, F-24.

Izdanja

KO

KOŽIČIĆ BENJA Š., *Misal hruacki po rimski običaj i činb*, Rijeka, 1531. HDA, odjel Metropolitanska knjižnica Zagrebačke nadbiskupije, sign. 28586. Korištena je preslika SI, F-251.

²⁷ Primjer preuzet iz [CEKOVIĆ, SANKOVIĆ, ŽAGAR 2010: 144].

KOŽIČIĆ 2007

KOŽIČIĆ Š., "Knjižice od žitija rimskih arhijerejev i cesarov," u: A. NAZOR (prir.), *Šimun Kožičić – Knjižice od žitija rimskih arhijerejev i cesarov /Rijeka 1531./, knj. 2: Latinička transkripcija glagoljskoga teksta (s predgovorom i uvodom)*, Rijeka, 2007, 51.

MO

MODRUŠANIN P. (prir.), *Misali po zakonъ rimskoga dvora*, Venecija, 1528. Korištena je preslika SI, F-255.

MR

LIPPE R. (ur.), *Missale Romanum, Mediolani, 1474. Vol. 1: Text*, London, 1899.

PT

"Prvotisak hrvatskoglagoljskoga misala," nepoznato mjesto tiskanja, 1483. Korišten je faksimilni pretisak [FRANGEŠ I DR. 1971].

SM

BAROMIĆ B., BEDRIČIĆ S., TURČIĆ G. (prir.), "Senjski misal," Senj, 1494. Korišten je faksimilni pretisak [MOGUŠ, NAZOR 1994].

Literatura

BENVIN 1988

BENVIN A., "Pitanje predložaka Kožičićevih izdanja," u: M. BOGOVIĆ (ur.), *Krbavska biskupija u srednjem vijeku. Zbornik radova znanstvenog simpozija u povodu 800. obljetnice osnutka krbavske biskupije, Rijeka, 23–24. travnja, 1986, Rijeka, Zagreb, 1988, 151–185.*

CEKOVIĆ, SANKOVIĆ, ŽAGAR 2010

CEKOVIĆ B., SANKOVIĆ I., ŽAGAR M., "Jezik *Misala hruackoga* Šimuna Kožičića Benje: glagoljski oblici," *Slovo*, 60, 2010, 133–166.

CEKOVIĆ, ETEROVIĆ 2012

CEKOVIĆ B., ETEROVIĆ I., "Dvojina u *Misalu hruackome* Šimuna Kožičića Benje," *Fluminensia*, 24/1, 2012, 143–156.

ETEROVIĆ, VELA 2013

ETEROVIĆ I., VELA J., "Sintaktičke funkcije participa u *Misalu hruackome* Šimuna Kožičića Benje," *Slovo*, 63, 2013, 1–22.

FRANGEŠ I DR. 1971

FRANGEŠ I. I DR. (ur.), *Misal po zakonu rimskoga dvora 1483.* (=Biblioteka pretisaka „Liber Croaticus“), Zagreb, 1971.

GILDERSLEEVE 1900

GILDERSLEEVE B. L., *Syntax of Classical Greek from Homer to Demosthenes*, New York, 1900.

GILDERSLEEVE, LODGE 2000

GILDERSLEEVE B. L., LODGE G., *Gildersleeve's Latin Grammar*, 3rd ed., 15th reprint, Wauconda, 2000.

GORTAN, GORSKI, PAUŠ 2005

GORTAN V., GORSKI O., PAUŠ P., *Latinska gramatika*, XII. izdanje, Zagreb, 2005.

HUNTLEY 1979

HUNTLEY D., "The Historic Present in Old Church Slavonic," *International Review of Slavic Languages*, 4, 1979, 475–489.

KATIČIĆ 2002

KATIČIĆ R., *Sintaksa hrvatskoga književnoga jezika*, 3. poboljšano izdanje, Zagreb, 2002.

KOVAČEVIĆ 2012

KOVAČEVIĆ A., *Negacija u hrvatskome crkvenoslavenskome jeziku* (doktorska disertacija obranjena na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu), Zagreb, 2012.

KURZ 1972

KURZ J., *Kapitoly ze sintaxe a z morfologie staroslověnského jazyka*, Praha, 1972.

KUŠTOVIĆ 2012

KUŠTOVIĆ T., "Lične zamjenice u *Misalu hruackom* (1531) Šimuna Kožičića Benje," *Fluminensia*, 24/1, 2012, 125–141.

LUKEŽIĆ 2012

LUKEŽIĆ I., *Zajednička povijest hrvatskih narječja: 1. fonologija*, Zagreb, Rijeka, Čavle, 2012.

MIHALJEVIĆ 1990

MIHALJEVIĆ M., "Veznici *ače* i *ako* u hrvatskoglagoljskim tekstovima," *Suvremena lingvistika*, 29/30, 1990, 99–117.

MIHALJEVIĆ 1992

MIHALJEVIĆ M., "Kako kada biše Adam plod driva jil ne biše bolan ni se staraše?" *Suvremena lingvistika*, 34, 1992, 215–228.

MIHALJEVIĆ 1997

MIHALJEVIĆ M., "Jestno-niječna pitanja u hrvatskom crkvenoslavenskom jeziku," *Suvremena lingvistika*, 43–44, 1997, 191–209.

MIHALJEVIĆ 2003

MIHALJEVIĆ M., "Veznik «da» u hrvatskoglagoljskim tekstovima," *Slavia Meridionalis*, 4, 2003, 9–34.

MIHALJEVIĆ 2006

MIHALJEVIĆ M., "Sintaktička svojstva najstarijih hrvatskoglagoljskih fragmenata," u: Л. ТАСЕВА, Р. МАРТИ, М. ЙОВЧЕВА, Т. ПЕНТКОВСКАЯ (ред.), *Многукратните преводи в южнославянското средновековие* (Доклади от международната конференция, София, 7–9 юли 2005), София, 2006, 221–239.

MIHALJEVIĆ 2009

MIHALJEVIĆ M., "Hrvatski crkvenoslavenski jezik," u: S. DAMJANOVIĆ (ur.), *Povijest hrvatskoga jezika, 1. knjiga: srednji vijek*, A. BIČANIĆ (gl. ur.), Zagreb, 2009, 283–349.

MIHALJEVIĆ 2011

MIHALJEVIĆ M., "Dopune percepcijskih glagola u hrvatskome crkvenoslavenskom jeziku," *Suvremena lingvistika*, 72, 2011, 187–200.

MIHALJEVIĆ 2012

MIHALJEVIĆ M., "Jezik kanona mise u Kožičićevu *Misalu hruackom*," *Fluminensia*, 24/1, 2012, 157–183.

MIHALJEVIĆ, REINHART 2005

MIHALJEVIĆ M., REINHART J., "The Croatian Redaction: Language and Literature," *Incontri Linguistici*, 28, 2005, 31–82.

MIHALJEVIĆ, VINCE 2012

MIHALJEVIĆ M., VINCE J., *Jezik hrvatskoglagoljskih Pazinskih fragmenata*, Zagreb, 2012.

MOGUŠ, NAZOR 1994

NAZOR A., MOGUŠ M. (ur.), *Senjski glagoljski misal 1494*. (= Pretisci HAZU, sv. 5), Zagreb, 1994.

NAZOR 1984

NAZOR A., "Šimun Kožičić Benja i njegova glagoljska tiskara u Rijeci," u: A. NAZOR (prir.), *Šimun Kožičić – Knjižice krsta: Transkripcija, komentar, rječnik*, Ljubljana, Zagreb, 1984, 5–24.

NAZOR 2007

NAZOR A., "Šimun Kožičić (oko 1460. do 1536.)," u: A. NAZOR (prir.), *Šimun Kožičić – Knjižice od žitija rimskih arhijerejev i cesarov /Rijeka 1531./, knj. 2: Latinička transkripcija glagoljskoga teksta (s predgovorom i uvodom)*, Rijeka, 2007, 11–22.

NUNN 1922

NUNN H. P. V., *An Introduction to Ecclesiastical Latin*, Cambridge, 1922.

ПАЦНЕРОВА 1964

ПАЦНЕРОВА Л., "Синтаксис инфинитива в старославянских евангельских кодексах с точки зрения техники перевода", *Slavia*, 33, 1964, 534–557.

PINKSTER 1990

PINKSTER H., *Latin Syntax and Semantics*, London, 1990.

PINKSTER 2012

PINKSTER H., "Relative Clauses in Latin: Some Problems of Description," in: P. DA CUNHA CORRÊA et al. (eds.), *Hyperboreans: Essays in Greek and Latin Poetry, Philosophy, Rhetoric and Linguistics*, São Paulo, 2012, 377–393.

PLATER, WHITE 1997

PLATER W. E., WHITE H. J., *A Grammar of the Vulgate: An Introduction to the Latinity of the Vulgate Bible*, Special Edition, Oxford, 1997.

RCJHR 2007

BADURINA-STIPČEVIĆ V., DÜRRIGL M.-A., KLENOVAR M., LUČIĆ V., MIHALJEVIĆ M., MULC I., ZARADIJA KIŠ A. (obr.), *Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije*, 14. sveščić: *gorši – danь*, Z. HAUPTOVÁ (ur.), Zagreb, 2007.

REINHART 1990

REINHART J., "Najstarije svjedočanstvo za utjecaj Vulgate na hrvatskoglagoljsku Bibliju," *Slovo*, 39–40, 1990, 45–52.

REINHART 1993

REINHART J., *Untersuchungen zur Syntax des Kroatisch-Kirchenslavischen: Das Glagolitische Missale romanum* (Habilitationsschrift zur Erlangung der Lehrbefugnis an der Universität Wien), Wien, 1993.

RICHARDSON 2007

RICHARDSON K., *Case and Aspect in Slavic*, New York, 2007.

RJA

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I–XXIII, Zagreb, 1880–1976.

TOMAŠIĆ 2000

TOMAŠIĆ T., *Jezik Šimuna Kožičića Benje prema njegovim jezikoslovnim koncepcijama u djelu „Knižice od žitiê rimskih arhierêov i cesarov“* (magistarska radnja obranjena na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu), Zagreb, 2000.

TOMAŠIĆ 2001

TOMAŠIĆ T., "Jezikoslovni stavovi i jezična praksa Šimuna Kožičića Benje," u: D. SESAR, I. VIDOVIĆ BOLT (ur.), *Drugi hrvatski slavistički kongres. Zbornik radova I.* (Drugi hrvatski slavistički kongres, 14–18. rujna 1999, Osijek), Zagreb, 2001, 275–282.

TOMAŠIĆ 2003

TOMAŠIĆ T., "Glagoljaška djelatnost Šimuna Kožičića Benje," u: P. БОЖИЛОВА (ред.), *Българи и Хървати през вековете* (Материали от конференцията, проведена в София /20–22 май 2001/), София, 2003, 56–65.

TURKALJ 2012

TURKALJ L., *Sintaksa hrvatskoglagoljskoga psaltira* (doktorska disertacija obranjena na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu), Zagreb, 2012.

VEČERKA 1993

VEČERKA R., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax, II: Die innere Satzstruktur* (= R. AITZETMÜLLER, L. SADNIK, E. WEYHER (eds.), *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*, t. 34/27,2), Freiburg i. Br., 1993.

VEČERKA 1996

VEČERKA R., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax, III: Die Satztypen. Der einfache Satz* (= R. AITZETMÜLLER, L. SADNIK, E. WEYHER (eds.), *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*, t. 36/27,3), Freiburg i. Br., 1993.

VEČERKA 2008

VEČERKA R., "Scénický prezens v staroslověnštině," *Slovo*, 56–57, 2008, 595–602.

VINCE 2005

VINCE J., "Izravni objekt kao tema," u: S. DAMJANOVIĆ (ur.), *Drugi Hercigonjin zbornik*, Zagreb, 2005, 429–434.

VINCE 2008A

VINCE J., "Uzmak genitiva izravnoga objekta," *Slovo*, 56–57, 2008, 615–626.

VINCE 2008B

VINCE J., "Izravni objekt i njegove inačice u hrvatskome crkvenoslavenskom jeziku," *Slovo*, 58, 2008, 63–86.

VINCE 2008C

VINCE J., "Očekivani i neočekivani akuzativ u *Hrvojevu misalu*," u: M. SAMARDŽIJA (ur.), *Vidjeti Ohrid: Referati hrvatskih sudionica i sudionika za XIV. Međunarodni slavistički kongres (Ohrid, 10–16. rujna 2008)*, Zagreb, 2008, 97–116.

VINCE MARINAC 1992

VINCE MARINAC J., "Vrste riječi i genitivni-akuzativni sinkretizam," *Suvremena lingvistika*, 34, 1992, 331–337.

VINCE MARINAC 1993

VINCE MARINAC J., "Predikatni proširak u akuzativu (Čimbenici koji uvjetuju genitivni oblik za akuzativ)," *Croatica*, 37/38/39, 1993, 387–398.

VINCE MARINAC 1997

VINCE MARINAC J., "Neslaganje u padežu između direktnoga objekta i njegove 'najave' u hrvatskom crkvenoslavenskom jeziku," u: S. DAMJANOVIĆ (gl. ur.), *Prvi hrvatski slavistički kongres: Zbornik radova I*, Zagreb, 1997, 621–627.

VINCE MARINAC 1998

VINCE MARINAC J., *Akuzativ u hrvatskom crkvenoslavenskom jeziku* (doktorska disertacija obranjena na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu), Zagreb, 1998.

VINCE MARINAC 2000

VINCE MARINAC J., "Sklonost lokativnomu izričaju u neobosobljenih imenica," *Riječki filološki dani*, 3, 2000, 487–494.

VRTIČ 2009

VRTIČ I., *Sintaksa Kašićeva prijevoda Svetoga pisma* (doktorska disertacija obranjena na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu), Zagreb, 2009.

ŽAGAR 2012a

ŽAGAR M., "Strategija leksičkog odabiranja u *Misalu hruackom* Šimuna Kožičića Benje (1531)," u: I. PODTERGERA (Hrsg.), *Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 2: Einflussforschung*, Göttingen, 2012, 251–259.

ŽAGAR 2012b

ŽAGAR M., "Zadaci i perspektive istraživanja jezika glagoljskih tiskanih izdanja Šimuna Kožičića Benje (uz pripremanje kritičkog izdanja *Misala hruackoga*)," *Fluminensia*, 24/1, 2012, 111–123.

Ivana Eterović (Zagreb University),
 Jozo Vela (Old Church Slavic Institute, Zagreb)

On the Syntax of Kožičić's *Misal hruacki*

Abstract

Šimun Kožičić Benja's *Misal hruacki* (1531) holds a special place amongst the Croatian Glagolitic missals. Namely, recent studies have shown it to be the first comprehensive Croatian redaction of Bible readings according to the Vulgate, and to execute this redaction, Kožičić probably made use of some contemporary Latin missal of Venetian provenance. Since the syntax has largely remained outside the range of previous studies, it is thoroughly explored in this paper. While relying on Latin syntax, Kožičić ended up using forms and structures which to some degree deviate from the Croatian Church Slavonic language tradition. At the same time, he occasionally deviates from both Latin and Croatian Church Slavonic in favor of Old Croatian forms and constructions. Thus the analysis of the syntax also confirms the presence of planning in his conception of literary language, where the status of Croatian Church Slavonic and Old Croatian (Čakavian) elements is defined and to some extent standardized. While the analysis of the selected syntactic features, as expected, affirms the strong dependence of the *Misal hruacki* on its Latin template, it also shows that the impact of this template should not be overstated. Kožičić does not blindly copy Latin constructions in order to adhere to his source, but rather takes Latin as an incentive and a reliable model on which he can construct a literary language based on clear syntactic principles.

Keywords

Croatian Church Slavonic language, Glagolitic printing house in Rijeka, Šimun Kožičić Benja, *Misal hruacki*, Vulgate, syntax

References

- Badurina-Stipčević V., Dürrigl M.-A., Klenovar M., Lučić V., Mihaljević M., Mulc I., Zeradija Kiš A. (obr.), *Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije, 14. sveščić: gorši – danj*, Z. Hauptová (ur.), Zagreb, 2007.
- Benvin A., "Pitanje predložaka Kožičićevih izdanja," u: M. Bogović (ur.), *Krbavska biskupija u srednjem vijeku. Zbornik radova znanstvenog simpozija u povodu 800. obljetnice osnutka krbavske biskupije, Rijeka, 23–24. travnja, 1986*, Rijeka, Zagreb, 1988, 151–185.
- Ceković B., Sanković I., Žagar M., "Jezik *Misala hruackoga* Šimuna Kožičića Benje: glagolski oblici," *Slovo*, 60, 2010, 133–166.
- Ceković B., Eterović I., "Dvojina u *Misalu hruackome* Šimuna Kožičića Benje," *Fluminensia*, 24/1, 2012, 143–156.
- Eterović I., Vela J., "Sintaktičke funkcije participa u *Misalu hruackome* Šimuna Kožičića Benje," *Slovo*, 63, 2013, 1–22.
- Frangeš I., Goldstein S., Hercigonja E., Zorzut K., *Misal po zakonu rimskoga dvora 1483*. (= Biblioteka pretisaka "Liber Croaticus"), Zagreb, 1971.
- Gildersleeve B. L., *Syntax of Classical Greek from Homer to Demosthenes*, New York, 1900.
- Gildersleeve B. L., Lodge G., *Gildersleeve's Latin Grammar*, 3rd ed., 15th reprint, Wauconda, 2000.
- Gortan V., Gorski O., Pauš P., *Latinska gramatika*, XII. izdanje, Zagreb, 2005.
- Huntley D., "The Historic Present in Old Church Slavonic," *International Review of Slavic Languages*, 4, 1979, 475–489.
- Katičić R., *Sintaksa hrvatskoga književnoga jezika*, 3. poboljšano izdanje, Zagreb, 2002.
- Kurz J., *Kapitoly ze sintaxe a z morfologie staroslověnského jazyka*, Prague, 1972.
- Kuštović T., "Lične zamjenice u *Misalu hruackom* (1531) Šimuna Kožičića Benje," *Fluminensia*, 24/1, 2012, 125–141.
- Lukežić I., *Zajednička povijest hrvatskih narječja: 1. fonologija*, Zagreb, Rijeka, Čavle, 2012.
- Mihaljević M., "Veznići aće i ako u hrvatskoglagoljskim tekstovima," *Suvremena lingvistika*, 29/30, 1990, 99–117.

Mihaljević M., "Kako kada biše Adam plod driva jil ne biše bolan ni se staraše?" *Suvremena lingvistika*, 34, 1992, 215–228.

Mihaljević M., "Jestno-niječna pitanja u hrvatskom crkvenoslavenskom jeziku," *Suvremena lingvistika*, 43–44, 1997, 191–209.

Mihaljević M., "Veznik «da» u hrvatskoglagoljskim tekstovima," *Slavia Meridionalis*, 4, 2003, 9–34.

Mihaljević M., "Sintaktička svojstva najstarijih hrvatskoglagoljskih fragmenata," u: L. Taseva, R. Marti, M. Iovcheva, T. Pentkovskaia (red.), *Mnogokratne prevodi u izmnozoslavianskoto sredno-vekovie* (Dokladi ot mezhdunarodnata konferentsiia, Sofia, 7–9 iuli 2005), Sofia, 2006, 221–239.

Mihaljević M., "Hrvatski crkvenoslavenski jezik," u: S. Damjanović (ur.), *Povijest hrvatskoga jezika, 1. knjiga: srednji vijek*, A. Bičanić (gl. ur.), Zagreb, 2009, 283–349.

Mihaljević M., "Dopune percepcijskih glagola u hrvatskome crkvenoslavenskom jeziku," *Suvremena lingvistika*, 72, 2011, 187–200.

Mihaljević M., "Jezik kanona mise u Kožičičevu *Misalu hruackom*," *Fluminensia*, 24/1, 2012, 157–183.

Mihaljević M., Reinhart J., "The Croatian Redaction: Language and Literature," *Incontri Linguistici*, 28, 2005, 31–82.

Mihaljević M., Vince J., *Jezik hrvatskoglagoljskih Pazinskih fragmenata*, Zagreb, 2012.

Nazor A., Moguš M. (ur.), *Senjski glagoljski misal 1494*. (=Pretisci HAZU, sv. 5), Zagreb, 1994.

Nazor A., "Šimun Kožičić Benja i njegova glagoljska tiskara u Rijeci," u: A. Nazor (prir.), *Šimun Kožičić – Knjižice krsta: Transkripcija, komentar, rječnik*, Ljubljana, Zagreb, 1984, 5–24.

Nazor A. (prir.), *Šimun Kožičić – Knjižice od žitija rimskih arhijerejev i cesarov /Rijeka 1531./, knj. 2: Latinička transkripcija glagoljskoga teksta (s predgovorom i uvodom)*, Rijeka, 2007, 51.

Nazor A., "Šimun Kožičić (oko 1460. do 1536.)," u: A. Nazor (prir.), *Šimun Kožičić – Knjižice od žitija rimskih arhijerejev i cesarov /Rijeka 1531./, knj. 2: Latinička transkripcija glagoljskoga teksta (s predgovorom i uvodom)*, Rijeka, 2007, 11–22.

Nunn H. P. V., *An Introduction to Ecclesiastical Latin*, Cambridge, 1922.

Patsnerova L., "Sintaksis infinitiva v staroslavianskikh evangel'skikh kodeksakh s točki zreniia tekhniki perevoda," *Slavia*, 33, 1964, 534–557.

Pinkster H., *Latin Syntax and Semantics*, London, 1990.

Pinkster H., "Relative Clauses in Latin: Some Problems of Description," in: P. da Cunha Corrêa et al. (eds.), *Hyperboreans: Essays in Greek and Latin Poetry, Philosophy, Rhetoric and Linguistics*, São Paulo, 2012, 377–393.

Plater W. E., White H. J., *A Grammar of the Vulgate: An Introduction to the Latinity of the Vulgate Bible*, Special Edition, Oxford, 1997.

Reinhart J., "Najstarije svjedočanstvo za utjecaj Vulgate na hrvatskoglagoljsku Bibliju," *Slovo*, 39–40, 1990, 45–52.

Reinhart J., *Untersuchungen zur Syntax des Kroatisch-Kirchenslavischen: Das Glagolitische Missale romanum* (Habilitationsschrift zur Erlangung der Lehrbefugnis an der Universität Wien), Vienna, 1993.

Richardson K., *Case and Aspect in Slavic*, New York, 2007.

Tomašić T., *Jezik Šimuna Kožičića Benje prema njegovim jezikoslovnim koncepcijama u djelu „Knjižice od žitija rimskih arhierov i cesarov“* (magistarska radnja obranjena na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu), Zagreb, 2000.

Tomašić T., "Jezikoslovni stavovi i jezična praksa Šimuna Kožičića Benje," u: D. Sesar, I. Vidović Bolt (ur.), *Drugi hrvatski slavistički kongres. Zbornik radova I.* (Drugi hrvatski slavistički kongres, 14–18. rujna 1999, Osijek), Zagreb, 2001, 275–282.

Tomašić T., "Glagoljaška djelatnost Šimuna Kožičića Benje," u: R. Bozhilova (red.), *Bŭlgari i Khŭrvati prez vekovete* (Materiali ot konferentsiata, provedena v Sofia /20–22 mai 2001/), Sofia, 2003, 56–65.

Turkalj L., *Sintaksa hrvatskoglagoljskoga psaltira* (doktorska disertacija obranjena na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu), Zagreb, 2012.

Večerka R., *Altkirchenslavische (albulgarische) Syntax, II: Die innere Satzstruktur* (= R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weyher (eds.), *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*, t. 34/27,2), Freiburg i. Br., 1993.

Večerka R., *Altkirchenslavische (albulgarische) Syntax, III: Die Satztypen. Der einfache Satz* (= R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weyher (eds.), *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*, t. 36/27,3), Freiburg i. Br., 1993.

Večerka R., "Scénický prezens v staroslovenštini," *Slovo*, 56–57, 2008, 595–602.

Vince J., "Izravni objekt kao tema," u: S. Damjanović (ur.), *Drugi Hercigonjin zbornik*, Zagreb, 2005, 429–434.

Vince J., "Uzmac genitiva izravnoga objekta," *Slovo*, 56–57, 2008, 615–626.

Vince J., "Izravni objekt i njegove inačice u hrvatskome crkvenoslavenskom jeziku," *Slovo*, 58, 2008, 63–86.

Vince J., "Očekivani i neočekivani akuzativ u *Hrvojevu misalu*," u: M. Samardžija (ur.), *Vidjeti Ohrid: Referati hrvatskih sudionica i sudionika za XIV. Međunarodni slavistički kongres (Ohrid, 10–16. rujna 2008)*, Zagreb, 2008, 97–116.

Vince Marinac J., "Vrste riječi i genitivni-akuzativni sinkretizam," *Suvremena lingvistika*, 34, 1992, 331–337.

Vince Marinac J., "Predikatni proširak u akuzativu (Čimbenici koji uvjetuju genitivni oblik za akuzativ)," *Croatica*, 37/38/39, 1993, 387–398.

Vince Marinac J., "Neslaganje u padežu između direktnoga objekta i njegove 'najave' u hrvatskom crkvenoslavenskom jeziku," u: S. Damjanović (gl. ur.), *Prvi hrvatski slavistički kongres: Zbornik radova I*, Zagreb, 1997, 621–627.

Vince Marinac J., "Sklonost lokativnomu izričaju u neobosobljenih imenica," *Riječki filološki dani*, 3, 2000, 487–494.

Žagar M., "Strategija leksičkog odabiranja u *Misalu hruackom* Šimuna Kožičića Benje (1531)," u: I. Podtergera (Hrsg.), *Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 2: Einflussforschung*, Göttingen, 2012, 251–259.

Žagar M., "Zadaci i perspektive istraživanja jezika glagoljskih tiskanih izdanja Šimuna Kožičića Benje (uz pripremanje kritičkog izdanja *Misala hruackoga*)," *Fluminensia*, 24/1, 2012, 111–123.

Ivana Eterović, prof.
znanstvena novakinja/asistentica
Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za kroatistiku
Ivana Lučića 3
10000 Zagreb
Hrvatska / Croatia
isankovi@ffzg.hr

Jozo Vela, prof.
znanstveni novak/asistent
Staroslavenski institut
Demetrova 11
10000 Zagreb
Hrvatska / Croatia
jvela@stin.hr

Этимологические
заметки о русском
семинарском
жаргоне:
взъефантулить,
сморозить, *аксиос(ви)**

Some Etymological
Notes on the Russian
Seminarian
Slang:
Vz''efantulit',
Smorozit', *Aksios(y)*

**Игорь Георгиевич
Добродомов**
Московский педагогический
государственный университет

Igor G. Dobrodomov
Moscow State Pedagogical University

Резюме

Три отдельные заметки объединены тем, что рассмотренные в них слова происходят из русского семинарского жаргона и являются грецизмами, причём в двух первых случаях неочевидными, каламбурными. Редкий глагол *взъефанту́лить* 'подвергнуть кого-либо жестокому наказанию' (и его производные *взъефанту́лка*, *взъефанту́ливание*) связан с библейским семитизмом *ἐφφραδά* (Мк 7.34), прочитанным "по Эразму" (ср. лат. *eppheta*) и прошедшим ряд словообразовательных трансформаций. Для глагола *сморозить* 'сказать глупость' приведены дополнительные аргументы в пользу его происхождения в результате контаминации русского и греческого слов в семинарской или гимназической среде, а также исчерпывающе прослежена его лексикографическая фиксация и история изучения. Наконец, в очерке о слове *аксиос* 'церковный возглас «Достоин!»' и его шутовском переносном употреблении во мн. ч. *аксиосы* 'волосы' рассмотрена вся история бытования этих лексем в разных формах существования русского языка, включая диалектные.

* Автор благодарен коллегам А. И. Грищенко, Е. В. Михайлову-Длугопольскому и В. В. Шаповалу за обогащение этих заметок новым материалом и его осмысление.

Ключевые слова

русский язык, жаргон, заимствования из греческого, семинаристы, этимология, социолингвистика, история слов, лексикография, орфография, словообразование, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский

Abstract

These three separate notes are united by the fact that the words considered originated from Russian seminarian slang and borrowed from Greek, with the first two words illustrating unobvious, punning Graecism. The rare verb *vz''efantulit'* 'to subject smb. to cruel punishment' (and its derivatives *vz''efantulka*, *vz''efantulivan'e*) is related to the Biblical Semitism ἐφφαθά (Mark 7.34), which was read "by Erasmus spelling" (cf. Latin *eppheta*) and passed through a series of word-building transformations. The verb *smorozit'* 'to say smth. stupid or inappropriate' has additional arguments in favor of its origin from contamination of Greek μωρός and Russian *мороз* in a Russian seminarian or gymnasial environment. The author has also extensively traced the way this verb is defined in dictionaries and researched by other scholars. Finally, an essay on the word *áksíós* 'church acclamation «He is worthy!»' (from Greek ἄξιος) and its comic figurative pl. *áksíósy* 'hair' considers the whole history of the usage of these lexical units in all registers of the Russian language, including dialects.

Keywords

Russian, slang, borrowings from Greek, seminarists, etymology, sociolinguistics, word history, lexicography, orthography, derivation, Nikolai Leskov, Fyodor Dostoyevsky

I. *Взьефантулить*

Большой интерес для этимологии русских семинаризмов представляет глагол *взьефантулить* и производное от него имя действия *взьефантулка*, которые не попали в русскую лексикографию, хотя эпизодически встречались в русской литературе в XIX–XX вв., причём они иногда попадали в поле зрения языковедов, но не становились объектом их пристального внимания¹. В словарях и текстах социальная соотнесённость

¹ Кроме того, в русских говорах отмечено несколько глаголов с внешне схожим потенциальным корнем и даже иногда и значением, но с иной морфологической структурой: новгор. *взьефэрить* 'припугнуть, пробрать, сделать выговор' [СРНГ, 4: 270], *подьефэрить* / *подьефэривать* новгор., псков., твер., пенз., сарат. 'подговаривать, подстрекать, подзадоривать', волог. 'надоумливать, подсказывать', сарат. 'наушничать, сплетничать', псков., сарат. 'привирать, плести', новгор., тамбов., твер., псков., пенз. 'поддразнивать, подсмеиваться', ср. также: *подьефэриваться* твер. 'подольщаться', пенз. 'принаряжаться, приукрашаться', смол. *подьефэриться* 'приспособиться, подладиться', арханг. *подьефэить* 'посчастливиться', 'польститься, угодить', а также производное со значением лица — горьк. *подьефэра* 'хитрый, ловкий подстрекатель' [СРНГ, 28: 266]. Ввиду расплывчатости семантики и варьирования формы, все эти слова для этимологизации глагола *взьефантулить* в настоящей заметке не используются.

лексики указывается нечасто, и поэтому определять её приходится по разным косвенным признакам, что не всегда обеспечивает надёжный результат.

В. В. Виноградов сокращённо и не вполне точно неоднократно цитировал значительный текстовый пассаж из “Мелочей архиерейской жизни” (1880) Н. С. Лескова с писательскими комментариями к загадочным словам в разговорах чиновников канцелярии московского полицейского генерала о возможных результатах комичного конфликта последнего с московским же митрополитом Филаретом (Дроздовым), не отделяя слов *взъефантулить*, *взъефантулка* от “жаргона мелкого чиновничества” [Виноградов 1941: 19; Виноградов 1968: 9]:

Здѣсь, среди этихъ форменныхъ людей, въ которыхъ, не смотря на всю строгость ихъ служебнаго уряда, все-таки билось своимъ боемъ настоящее широкое русское сердце, шли только тишкомъ сметки на свойскомъ жаргонѣ: “какъ то т ъ н а ш е г о : вздрючить, или взъефантулить, или пришпандорить?”

Слова эти, имѣющія не ясное значеніе для профановъ, — для посвященныхъ людей содержатъ не только опредѣлительную точность и полноту, но и удивительно широкій масштабъ. Самые разнообразныя начальственныя взысканія, начиная отъ “окрика” и “головомойки” и оканчивая непрacticуемыми нынѣ “изутиемъ сапога” и “выволочки”, — всѣ они, не смотря на безконечную разницу оттѣнковъ и нюансовъ, опытными людьми прямо зачисляются къ соответственной категории, и что составляетъ не болѣе какъ “вздрючку”, то уже не занесутъ къ “взъефантулкѣ” или “пришпандоркѣ”. Это нигдѣ не описано закономъ, но преданіемъ блюдется до такой степени чинно и безспорно, что когда съ упраздненіемъ “выволочки” и “изутиа”, вошелъ въ обычай болѣе сообразный съ мягкостью вѣка “выгонъ на ять — голубей гонять”, то чины не обманулись и это мѣропріятіе ими прямо было отнесено къ самой тяжкой категории, т. е. къ “взъефантулкѣ”. Владыка, однако, не могъ же имѣть такого вліянія, чтобы “сверзнуть” генерала, или сдѣлать ему другую какую-нибудь неприятность, а онъ просто его не болѣе, какъ “вздрючить”, но, конечно, въ лучшемъ видѣ [Лѣсковъ 1880: 261].

У В. В. Виноградова в разныхъ статьяхъ в цитате из “Мелочей архиерейской жизни” читаем то *настоящее истинно русское сердце*, то *настоящее широкое русское сердце*, причём первый вариант (с кавычками: *настоящее “истинно русское сердце”*) находим лишь в сожжённом шестомъ томе последнего прижизненного собрания сочинений Н. С. Лескова (1889)², перепечатанномъ в советскомъ изданіи [Лесков 1957, 6: 520], а второй — и в процитированномъ выше первомъ изданіи очерка, и в посмертномъ собраніи сочинений [Лѣсковъ 1903: 124].

Некоторые из приведённыхъ в “Мелочахъ” жаргонизмовъ упоминаются ранее в романе того же Лескова “Некуда” (кн. 1, гл. 29) в связи с училищемъ детей канцелярскихъ служителей:

² См. об этомъ примечание С. А. Рейсера [Лесков 1957, 6: 662].

<...> когда его семилѣтнимъ мальчикомъ привели въ суровое училище, онъ прибрѣлъ странную манеру часто пожиматься и моргать глазами. Первая изъ этихъ привычекъ была усвоена ребенкомъ, вслѣдствіе неловкости, ощущенной имъ въ новой курткѣ изъ толстаго сукна, съ натирающимъ до красна воротникомъ, а вторая получена отъ непрерывнаго опасенія ежеминутныхъ колотушекъ, затрещинъ, взвошекъ, взьефантуливанья и пришпандориванья [Лѣсковъ 1867: 240].

При этом встают вопросы: не заимствовали ли дети канцелярских служителей слова *взьефантуливанье*, *пришпандориванье* от своих родителей — мелких чиновников? или же, наоборот, родители от своих детей-учеников? или, наконец, сами вынесли их из училища? Утвердительным может быть ответ на последний и предпоследний вопрос.

Однако встречаемость слов *взьефантулитъ* и *взьефантулка* в чиновничьей среде слишком впечатляла позднейших читателей, и писатель начала ХХІ в. в романе на историческую тему без особых раздумий относит эти слова к чиновничьему жаргону, не обращая внимания на происхождение чиновничьего контингента, при этом использован соответствующий пассаж из “Мелочей архиерейской жизни”:

<...> Я должен был препровождать графа в суд и все думал: а ну как он меня взьефантулит?

— Что-что сделает? — спросил я с ужасом.

— Взьефантулит. — Сергей Владимирович рассмеялся. — Это, милейший Николай Афанасьевич, из чиновничьего жаргона, вам, пожалуй, и неизвестного. Человека можно вздрючить, можно пришпандорить, можно устроить ему выволочку, или, скажем, выгнать на ять — голубей гонять, а то и сверзнуть. А можно — взьефантулить, то есть устроить такую головомойку, что слабого человека того гляди обнесет. Однако же граф никакой взьефантулки не учинил, мы с ним счастливейшим образом поладили и некоторое время весьма весело беседовали.

<...> — Эх, — бормотал я себе под нос, чуть не плача, — вот уж, право, взьефантулил меня его высокоблагородие так уж взьефантулил... — не замечая даже, что произношу смешное словечко, узнанное мною от судебного пристава Сергея Ивлева [Данилин 2007: 47–48, 294].

Если В. В. Виноградов и “В. Данилин” (В. Бабенко и Д. Клугер) не отделяют глагол *взьефантулитъ* и существительное *взьефантулка* от “жаргона мелкого чиновничества”, поскольку они вместе фигурируют в чиновничьих “сметках на свойском жаргоне” в канцелярии московского³ полицейского генерала, то существует и другая версия — их отнесённости к жаргону духовного ведомства, высказанная младшим современником Н. С. Лескова — известным историком и публицистом конца ХІХ в. Г. А. Джаншиевым (1851–1900), сделанная им на основании

³ В. В. Виноградов неточно называет её “канцелярией губернского полицмейстера” [Виноградов 1994: 363–364].

того же материала той же самой главы “Мелочей архиерейской жизни”. Рассматривая довольно обширный список слов русского языка, связанных с телесными наказаниями, он явно указывает: “В духовном ведомстве, кроме общеупотребительных боевых терминов, есть еще свои специальные: благословить, вздрючить, пришпандорить и взъефантулить. <...> В бурсе встречались еще выражения: взбутетенить, взъерепенить, застребушить” [Джаншиев 2008: 282].

Взгляд В. В. Виноградова (1895–1969), весьма удалённого хронологически от времени Н. С. Лескова, возник при опоре на место функционирования интересующей исследователя лексики (к а н ц е л я р и я), а соображения младшего современника писателя базировались на человеческом факторе и учитывали контингент носителей жаргона — выходцев из духовного сословия, бывших семинаристов. Однако и более правдоподобное мнение Г. А. Джаншиева нуждается в поправке: упомянутые им глаголы *вздрючить*, *пришпандорить* и *взъефантулить* взяты им вовсе не из практики духовного ведомства, а фактически из приведённого нами текста Н. С. Лескова. Описанные в нём полицейские чиновники, равно как и чиновники духовного ведомства прошли одну и ту же школу — семинарию, именно оттуда ими были вынесены указанные Г. А. Джаншиевым “боевые термины”, но в собственно чиновничьем жаргоне они, конечно, не употреблялись. Глагол *благословить* тоже взят из “Мелочей архиерейской жизни”, но из другой главы, где он употреблён дьячком Лукьяном в рассказе о том, как его наказал орловский архиерей Смарагд (Крижановский), ср.: “так костылем отвозил, что и сейчас загорбок больно” — и ниже: “костылем поблагословлял” [Лесков 1957, 6: 417]. Это, конечно, не особый термин, а лишь эвфемизм вместо *наказать*, *побить*.

Все семь приведённых Г. А. Джаншиевым глаголов являются на самом деле бурсацкими, что частично подтверждается наличием некоторых из них в литературных источниках, например:

- Взбутетень его!
- Взъерепень его!
- Чтобь насквозь прошло!

Трехпудовый ударь упаль на спину Тавли [Помяловский 1902: 325].

Внимательное прочтение пассажа “Мелочей архиерейской жизни” о жаргоне чиновников из канцелярии московского полицейского генерала позволяет понять происхождение этого их “свойского жаргона”. Ключ к этому — беглая характеристика “этих форменных людей, в которых, несмотря на всю строгость их служебного уряда, всё-таки билось своим боем настоящее широкое русское сердце” (или “настоящее «истинно

русское сердце»), если соединить с ней пассаж о “чистокровной русской породе”, которая в романе “Соборяне” (1872) стала объектом обсуждения во время разговора о реформах в духовенстве, отменявших принцип наследственности при замещении церковных должностей:

При входе новых гостей предводитель Плодомасов рассказывал Туберозову о современных реформах в духовенстве и возобновил этот разговор, когда Термососов и Варнава уселись.

Уездный предводитель был поборник реформы, Туганов тоже, но последний вставил, что когда он вчера виделся с архиереем, то его преосвященство высказывался очень осторожно и, между прочим, шутил, что прекращением наследственности в духовенстве переведется у нас самая чистокровная русская порода.

— Это что же значит-с?— любопытствовал Захария.

Туганов ему объяснил, что намек этот на чистоту несмешанной русской породы в духовенстве касается неупотребительности в этом сословии смешанных браков. Захария не понял, и Туганов должен был ему помочь.

— Просто дело в том, — сказал он, — что духовные все женились на духовных же...

— На духовных-с, на духовных.

— А духовные все русские.

— Русские.

— Ну, и течет, значит, в духовенстве кровь чистая русская, меж тем как все другие перемешались с инородцами: с поляками, с татарами, с немцами, со шведами и... даже с жидами [Лесков 1957, 4: 186].

Следовательно, чиновники с “истинно русским сердцем” из канцелярии московского полицейского генерала получали образование в духовных учебных заведениях, откуда эти чиновники вынесли “свойский жаргон” и сочувствие “своему брату” в прошлом — митрополиту Филарету (Дроздову).

Вопрос о принадлежности этого жаргона проясняется ещё больше, если обратиться к автобиографической повести А. К. Воронского (1884–1937) “Бурса” (1933), где фигурирует именно бурсацкая лексика и фразеология, причём глагол *взьефантулить* объединяет список А. К. Воронского со списком Н. С. Лескова:

За столами слышен бурсацкий жаргон: отшил, очебурел, взьефантулил, взбутитенил, спасаюсь, получи с Лунца, казнеташ, оптяга, китяга, кирдюк. Много блатных слов: карась, бока рыжие, малина [Воронский 1933: 127–128].

Глагол *взьефантулить* и его производные оказались слишком трудными для лексикографов русских жаргонов, которые отказались от их включения как в общий русский жаргонный словарь — [Мокиенко, Никитина 2000], так и в специализированный [Анищенко 2007], хотя в последнем в числе источников использована повесть А. К. Воронского

“Бурса”, где фигурирует в числе других семинаризов и глагол *взъефантулить*⁴. Этот глагол может быть этимологизирован как раз с учётом среды своего бытования — семинарской, пусть наше объяснение и покажется довольно сложным.

Наличие в слове *взъефантулить* редкого для русского языка звука *ф* служит признаком заимствования его основы *-ефантул-* — но каково её происхождение? Как известно, излюбленным источником для создания слов бурсацкого жаргона были изучавшиеся в семинариях классические языки. Кроме того, важным источником был сам текст Священного Писания, изобилующий необычными для русского слуха словами. Так вот, в глаголе *взъефантулить* с некоторой долей уверенности может быть выделено в качестве корня восклицание *ἐφφαθά* (из араб. *פלף*), произнесённое в сцене исцеления глухого косноязычного Иисусом, Который “вложил персты Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его; и, возрев на небо, вздохнул и сказал ему: «еффафа» [греч. *ἐφφαθά*, ср. лат. *eppheta*], то есть: отверзись” (Мк 7.33–34). Правда, в состав жаргонного *взъефантулить* это восклицание вошло в Эразмовом, латинизированном, чтении *ефата* и соединилось с латинским же уменьшительным суффиксом *-ул-*, что отражает весьма вольное обращение семинаристов с грамматикой классических языков.

Случаи, видимо, игрового смешения Рейхлинова и Эразмова чтений в семинарской среде имеются, хотя они и немногочисленны. Так, обратная замена квази-Эразмова чтения в германизме (или италянизме) *солдат* семинарским Рейхлиновым в экспрессивном образовании *солдафон* показывает некоторую продуктивность чередования *ф* / *т* в русском языке как своеобразного экспрессивно-стилистического явления [Добродомов 2010а: 94–95].

Между исходным словом *еф(ф)афа* (*ефата*) и конечным *взъефантуливань* имеется ряд промежуточных образований (отмечены астериском):

ефафа
 **ефата*
 **ефат-ул-а*
 **ефатул-и-ть*
 взъ-ефатулить
 взъефатул-к-а
 **взъефатули-ва-ть*
 взъефатулива-нье

⁴ Не попал в словарь и ряд других слов из этого источника. Та же участь постигла и большую часть обширного списка кадетских жаргонизмов в повести В. И. Даля “Мичман Поцелуев” (1841), что отмечено в рецензии [Шаповал 2007: 311] на этот словарь.

В каком-то звене этого словообразовательного ряда перед конечным согласным *-т* исходной основы появился паразитарный *-н-*, подобный такому же согласному в просторечных формах слов *прецедент*, *константировать*, *компроментировать*, *желантин* (ср. также *климант* в очерке Н. С. Лескова “Страна изгнания” [Лесков 1958, 10: 176]).

Из приведённого материала мы не очень много узнаём о более точном значении семинарских “боевых терминов” *взьефантулить*, *взьефантулка*, *взьефантуливание*, кроме указания Н. С. Лескова на то, что “взьефантулка” относилась “к самой тяжкой категории”, куда, по-видимому, относились и “упразднённые” *изутие сапога* и *выволочка*, вместо которых “вышел в обычай более сообразный с мягкостью века «выгон на ять — голубей гонять»», причём “это мероприятие <...> прямо было отнесено к самой тяжкой категории, т. е. к «взьефантулке»”. Учитывая тот библейский контекст, в котором появляется слово *эффафа*, можно предположить, что “взьефантулка” была как-то связана с заушением и оплеванием, последнее же могло быть и частью процедуры “изутия сапога”, поскольку и это выражение имеет библейские корни, на сей раз ветхозаветные:

“Если у умершего брата не осталось потомства, то его вдова должна была не выходить замуж на сторону, а выйти замуж за деверя и родить от него сына, и счроча, љже љце родитѣлѣ, да погѣвнѣлѣ во љма оумѣршагѣ, љ не погѣвнѣтѣ љма љгѣѣ ѣ љнѣлѣ (Втор 25.6). Если же деверь откажется, несмотря на уговоры старейшин, войти к вдове брата, то она может снять с его ноги сапог и плюнуть ему в лицо; љ прозѣвѣтѣлѣ љма љгѣѣ во љнѣлѣ дѣмѣ љзѣѣтѣгѣ љзѣ ѣпогѣлѣ (Втор 25.10). Вероятно, это было весьма позорное имя. <...> [в сноске к этому месту — И. Д.:] Между прочим, это выражение — *изутие сапога* — бытовало в среде русского чиновничества, вышедшего из семинарской среды, в качестве названия одного из самых страшных начальственных взысканий, о чем в “Мелочах архиерейской жизни” рассказывает Н. С. Лесков <...> Трудно сказать, в каких действиях состояло это взыскание, но можно с большой вероятностью предполагать их суровый и даже уничижающий характер” [Камчатнов 1998: 128–129].

Кроме того, в написаниях *эффата* и *эффафа* интересующий нас источник глагола *взьефантулить* можно найти в русском переводе А. В. Ганзен (1924) романа “Дитте — дитя человеческое” датского писателя М. Андерсена-Нексё, где это слово выступает в качестве названия и составной части “псалма”:

...старуха Расмуссен не знает “Песенку пряжи” и петь совсем не умеет. Вот Борнхольмец, тот умеет. Теперь он опять запел свой любимый псалом: “Эффата! Восстань!”

<...> Борнхольмец все пел свое: “Эффата! Восстань!” Как знать, долго ли он выдержит? Но если, как говорит Карл, еще три тысячи лет тому назад судьи и пророки израильские громили тех, кто эксплуатировал ее и маленького Петера,

если тогда еще пытались всколыхнуть массы, то, значит, им ничего не удалось: люди глухи и немые по-прежнему! И безумный прав, вечно распевая “Эффата!”.

<...> Знаешь, почему мы все блуждали по пустыне и никак не могли найти выхода из нашей нищеты? Потому что уши наши не были открыты, глаза не видели. Но однажды господь бог коснулся ушей и глаз моих: Эффата! И я увидел ясно все: у нас и глаза и уши засыпаны землей!

<...> Он запел вдруг свой псалом:

“Эффата! Восстань и внимли!”
Зов услышали глухие,
Дрогнули уста немые,
Око зоркое не дремлет!
Люди слышат глас призыва,
Их уста не замолкают;
В светлом, радостном порыве
Имя бога прославляют”.

<примеч.: Перевод А. Кобецкой>

— Я был послан в мир немым, и глухим, и слепым. Но потом я сочинил этот псалом, и все узы мои распались.

— Неправда, — сказала из дверей старуха Расмуссен. — Я знаю этот псалом много лет. И теперь самое лучшее тебе отправиться восвояси, Анкер, а не сидеть тут и морочить голову больным людям своей болтовней.

Она указала ему на дверь. Анкер встал со стула.

— Да, я не сам его написал, — робко пробормотал он и стал пробираться к двери. — Потому что все мы немые. И были глухи и слепы. Но господь повелел другим говорить за нас, пока мы сами не обречем голос... Слышите? Словно само солнце взывает: “Эффата!” И он, скользнув за дверь, громко запел опять, — в коридоре он расхрабрился.

<...> Анкер просветленно взглянул на Мортена и запел своим красивым голосом отрывок из любимого псалма:

Прозвучит и в садах смерти
Зов господень: “Эффата!” —
И разверзнутся могилы
С криком радостным: “Хвала!”

<...> Затем раздались звуки новой песни:

“Эффата! Восстань! Проснись!”
Отзывалось это слово,
Будто гром, в душе слепого,
И глаза его зажглись.
И немой услышал тоже
Зов могучий: “Эффата!” —
И запели славу божью
Вдруг ожившие уста.
“Эффата! Восстань! Проснись!”
Сердце внимлет гласу бога,
И стихает в нем тревога,
И вокруг светлеет жизнь.
И звучит он, не смолкая,
И, над миром воспарив,

Я, счастливый, повторяю
 Этот пламенный призыв.
 “Эффата! Восстань! Проснись!”
 Звуки радости нездешней
 Прошумели рощей вешней,
 Вешним ливнем пролились.
 В небе солнце огневое
 К пробуждению зовет:
 Эффата! Пусть все живое
 И ликует, и цветет!
 “Эффата! Восстань! Проснись!”
 Словно звук трубы в день Судный,
 Льется, льется голос чудный,
 Растекаясь вширь и ввысь.
 Пусть грохочет, торжествуя,
 В долах смерти вещей зов,
 И раздастся “аллилуйя”
 Из разверзшихся гробов!

<примеч.: Перевод И. Миримского>

[АНДЕРСЕН-НЕКСЁ 1969: 602, 603, 604–605, 608, 612–613].

Примечательно, что в более позднем издании того же самого перевода фраза *Эффата! Восстань!* была заменена редакторами на *Эффафа! Прозрей!* [АНДЕРСЕН-НЕКСЁ 1984] — то есть она была приведена в соответствие, с одной стороны, орфографическое — Рейхлинову чтению (церковнославянской и русской традиции), с другой стороны, значению слова *эффафа*, поскольку оно означает именно ‘прозрей’, а не ‘восстань’ (последнее, возможно, казалось политически более “грамотным” в 1920-е гг., когда делался русский перевод).

Итак, предложенная нами довольно сложная этимология глагола *взъэфантулить* имеет оправдание в свете тех преобразований русских и латинских корней, а также их неожиданных комбинаций, которые нам известны из литературы о семинарских словах русского языка, впервые описанных Д. К. Зелениным [1905]. Бурсацко-семинарские слова получали подчас самое широкое распространение: “В числе проводников в народ различных пословичных и поговорочных изречений довольно видное место занимают духовные лица до семинаристов включительно (с которыми равную честь и славу делят также охотливые передатчики — солдаты” [Максимов 1955: 109].

Движение семинарских слов в другие социальные группы можно обнаружить в несколько противоречивом привязывании их к разным группам русского общества, как это случилось с отнесением глагола *взъэфантулить* и его производных к чиновничьему жаргону.

II. СМОРОЗИТЬ

Загадочный глагол совершенного вида *сморозить*, без соответствующей пары несовершенного, чаще употребляемый в составе фразеологизмов в сочетании со словами *вздор*, *чушь*, *глупость*, *нелепица* и т. п., привлекал внимание много потрудившегося над разработкой проблем русской исторической лексикологии академика В. В. Виноградова, который планировал создание капитальной исторической лексикологии, но не успел осуществить это намерение, оставив некоторое количество статей по этой проблематике и большое количество подготовительных материалов, вперемешку и не вполне точно опубликованных под редакцией Н. Ю. Шведовой в посмертно изданной книге “История слов”.

В архиве В. В. Виноградова сохранились черновые материалы к истории и этимологии глагола *сморозить*, которые были небрежно изданы как “заметка”, но в разделе “статьи” сборника законченных и подготовленных работ [Виноградов 1994: 642–643], где учёный весьма критически отнёсся к гипотезе об этимологической связи этого глагола с русским же корнем *мороз-* / *мьрз-* (“...непосредственно отсюда вывести его современное значение представлялось затруднительным. <...> Это слово лишь каламбурно может быть сопоставлено с *мороз*”) ⁵ и особенно решительно по отношению к гипотезе о семинарском происхождении глагола от греческого прилагательного *μωρός* ‘глупый’ (“Эта робкая и ни на чем не основанная этимологическая гипотеза наивно-доверчивым филологом принимается за достоверную истину”).

Применительно к семинарскому происхождению глагола *сморозить* В. В. Виноградов слишком большое значение придаёт его отсутствию в “Очерках бурсы” Н. Г. Помяловского и в небольшой статье Д. К. Зеленина о семинаризмах русского языка [Зеленинъ 1905], не учитывая того, что отсутствие здесь этого слова носит случайный характер и не может быть аргументом против его отнесения к семинарской лексике. Правда, следует помнить, что соображения В. В. Виноградова были высказаны в составе неоконченных подготовительных материалов по истории слова *сморозить*.

Критицизм В. В. Виноградова не учитывается современными лексикографами, которые по-прежнему тиражируют противоречивые соображения старых лексикологов, игнорируя тонкое замечание В. В. Виноградова о каламбурном характере связи *сморозить* — *морозить*, *мороз*:

⁵ В качестве образца такого каламбура В. В. Виноградов цитирует письмо Вл. Соловьёва к М. М. Стасюлевичу от 20 января 1895 г.: “Спешу, впрочем, заметить, что сегодня на термометре –26, а потому, упрекая Вас в гордости, я просто сморозил” (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. 5, с. 388).

“**СМОРОЗИТЬ**, -óжу, -óзишь; *сов., что* (прост.) Сказать (какой-н. вздор, глупость). *Сморозил какую-то чушь. К морозить*” [ШВЕДОВА 2007: 904]⁶.
Не меньшей популярностью пользуется греческая версия:

“**СМОРОЗИТЬ**, -рожу, -розишь; *сов. Семин.* Сказать глупость, солгать и морозить (в выражении: экую глупость, чушь **сморозил**). Семинарское выражение, явившееся под влиянием гр. $\mu\omicron\rho\acute{o}\varsigma$ глупый (Преображенский 1959: 2, 339)” [АНИЩЕНКО 2007: 252].

Встречается и совмещение обеих версий с предпочтением то одной, то другой из них. Так, М. Фасмер сопоставляет толкования глаголов *сморозить* ‘солгать, соврать, схвастать, сказать явную ложь’ и *морозить* ‘лгать, врать или хвастать’ у В. И. Даля [IV: 243; II: 355], считая соображения А. Г. Преображенского “абсолютно недостоверными” [ФАСМЕР III: 692]. Позднее в этимологической литературе стала наблюдаться тенденция в пользу семинарского происхождения глагола *сморозить*, ср. сначала:

“**Сморозить**. Собственно русское. Представляет собой суффиксально-префиксальное производное от *мороз*. Буквально — «заставлять замёрзнуть» (от сказанной глупости). Сближение этого слова с греч. $\mu\omicron\rho\acute{o}\varsigma$ — «глупый» является ошибочным” [ШАНСКИЙ, ИВАНОВ, ШАНСКАЯ 1961: 310],

— но затем:

“**Сморозить**. Искон. Считается суф.-преф. производным от *мороз*. В таком случае буквальное значение — «заставлять замёрзнуть» (от сказанной глупости). Объяснение слова как производного в аргументах семинаристов от греч. $\mu\omicron\rho\acute{o}\varsigma$ — «глупый» кажется вернее” [ШАНСКИЙ, БОБРОВА 1994: 296].

Неприемля ни одну из известных ему этимологических версий, выход из затруднительного положения В. В. Виноградов видел, по-видимому, в учёте употребления глагола *сморозить* в военной среде, но ограничился при этом только намёком [Виноградов 1994: 642]: “У А. Чужбинского в рассказе «Бурбон» слово *сморозить* выдаётся за армейский арготизм: «А, может быть, он женится, — заметила толстая дева. — Разве кто-нибудь женит, — отозвался Мокрецов и захохотал в качестве полкового остряка, при каждом слове которого товарищи обыкновенно раздражались смехом, — думая, что непременно что-нибудь *сморозит*»” [Чужбинский 1863: 209].

Роль военных в распространении в русском языке отдельных слов и выражений отмечалась уже в XIX в. этнографами (см. приведённую в предыдущем очерке цитату из [Максимов 1955: 109]), но искать источ-

⁶ О недостатках этимологических справок этого словаря см. [Добродомов 2009].

ник глагола *сморозить* в военной среде, по-видимому, будет безуспешно, поскольку в весьма обстоятельном справочнике по русскому армейскому аргю В. П. Коровушкина [2000] это слово не зафиксировано. Впрочем, и специальный словарь школьного аргю XIX в. [Анищенко 2007: 252] не может дать надёжного материала об употреблении глагола *сморозить* в семинарской среде.

Нельзя ничего положительного извлечь и из самого раннего известного употребления этого слова в художественной литературе — у Н. А. Некрасова в реплике заглавного персонажа водевиля “Петербургский ростовщик” (1844):

Л о с к у т к о в. Разбойник! Мефистофель! Откуда она таких слов набралась? Дура сморозила, а ты повторяешь: разбойник! [НЕКРАСОВ 1983: 153].

Во второй половине XIX в. появление глагола *сморозить* в русской литературе учащается, что со ссылкой на источник 1857 г. отмечает М. И. Михельсон [I: 776]:

“Одинъ хорошо сморозить, другой лучше того, а какъ князь начнетъ, такъ всѣхъ за поясъ заткнетъ... Иначе и быть нельзя; испоконъ вѣку заведено, что самый правѣдный человѣкъ на охотѣ что ни скажетъ, то совретъ” (П. И. Мельников-Печерский. Старые годы).

Это одно из двух самых ранних употреблений глагола *сморозить* и в Национальном корпусе русского языка наряду с таким: “Какую невидаль изволили сморозить, Василий Евдокимович!” (Е. Э. Дрианский, “Записки мелкотравчатого”, 1857), — эти слова вложены в уста повара-краснобая Никиты, а само произведение также повествует об охотниках. Но делать вывод об охотничьем происхождении глагола не приходится.

Во второй половине XIX в. особенно полюбился он Ф. М. Достоевскому, ср. примеры из Корпуса:

“— Вестимо, птица вольная, суровая, не приучишь к острогу-то, — поддакивали другие. — Знать, он не так, как мы, — прибавил кто-то. — Вишь, сморозил: то птица, а мы, значит, человеки” (“Записки из мёртвого дома”, 1862);

“— Не совсем здоров! — подхватил Разумихин. — Эвона сморозил! До вчерашнего дня чуть не без памяти бредил...”; “— Не знаю... я еще не решил — возьму или не возьму эти деньги, — промолвил он, опять как бы в раздумье, и вдруг, опомнившись, быстро и коротко усмехнулся. — Эх, какую я глупость сейчас сморозил, а?” (“Преступление и наказание”, 1866);

“— Знаете, — подхватил он вдруг, — я, может, и сморозил про «лакейство мысли»”; “Вижу, вижу, что я опять, кажется, сморозил” (“Бесы”, 1871–1872);

“— Да неужто ты в самом деле что-нибудь хотел сморозить?” (“Подросток”, 1875);

“Но, высказав свою глупость, он почувствовал, что сморозил нелепый вздор, и вдруг захотелось ему тотчас же доказать слушателям, а пуще всего себе самому, что сказал он вовсе не вздор”; — Слушай, голубчик: что ты такое сморозил, когда я уходил от тебя из больницы, что если я промолчу о том, что ты мастер представляться в падучей, то и ты не объявишь всего следователю о нашем разговоре с тобой у ворот?” (“Братья Карамазовы”, 1880).

В середине XIX в. этот глагол воспринимался как слово провинциальное, а потому он попал в первый опыт русского диалектного словаря с территориальной приуроченностью к Тверской, Курской и Костромской губерниям:

“**СМОРОЗИТЬ**. гл. д. Сов. Солгать, соврать. Костр. *Кинеш.* Кур. Твер. *Каляз. Новотор.*” [Опыт 1852: 208].

В связи с явно недостаточными рассеянными данными “Опыта областного великорусского словаря” о территориальном распространении по России слова *сморозить* В. В. Виноградов высказывает вполне оправданные сетования по этому поводу: “Никакими другими данными, которые связывали бы глагол *сморозить* с каким-нибудь определенным диалектом или жаргоном, мы пока не располагаем” [Виноградов 1994: 643]. В настоящее время сводно-академический “Словарь русских народных говоров” частично исправляет это положение дел, к территориальным пометам “Опыта...” добавляя пометы “волог<одское>”, “влад<имирское>”, “пск<овское>”, “калуж<ское>”, “перм<ское>”, “амур<ское>”, но только применительно к старому значению ‘сказать неправду, солгать’, а кроме того — помету “арх<ангельское>” применительно к значению ‘сделать что-л<ибо> некачественно, кое-как’ [СРНГ, 39: 46]. Однако надо учесть, что устаревшее значение глагола *сморозить* подано здесь синхронизированно (т. е. хронологически смазанно и запутанно) и в неоправданном отрыве от нынешнего просторечного значения. Это обстоятельство делает поданный в статье “2. Сморо́зить” диалектный материал почти бесполезным для историко-этимологических разысканий.

Впрочем, уже В. И. Даль отказался от приведения территориальных помет, по-видимому, считая это слово общерусским производным в переносном значении в связи с *мороз*, *морозить*, но обнаружил при этом некоторые колебания. В конце сравнительно небольшого гнезда “Смерза́ть, сме́рзнуть(ся)” В. И. Даль поместил слова *смора́живать*, *сморо́зить* — “за(при)морозить, дать смерзнуться, выставивь мокрая вещи на морозъ, дать имъ замерзнуть въ одну глыбу. *Безъ соли, мороженаго не сморозишь* || *Соврать, солгать, схватать, распустить вздорную вѣсть. *Экую ты сморозиль!*” [Даль IV: 238]. В другом словарном гнезде — “Моро́зъ” —

приводится даже речение с глаголом *морóзить* в своеобразном значении, объясняющем загадочное *сморозить*: “*Полно тебе морóзить, лгать, врать или хвастать. <...> Экую сморóзилъ совралъ” [Даль II: 355]. Однако некоторая доля сомнения в правильности словообразовательной связи странного глагола *сморозить* с существительным *мороз* заставила лексикографа поместить этот глагол в качестве самостоятельной словарной статьи: “**Сморóзить** что, солгать, соврать, схвастать, сказать явную ложь. Экую сморозилъ!” [Даль IV: 243].

Вторичное сближение со словом *мороз* в составе каламбурной перифразы зафиксировал М. И. Михельсон:

“**Сморозить** (иноск.) глупо говорить, лгать, хвастать.

Ср. «Это такъ, съ морозу сорвалось».

Ср. Высказавъ свою глупость, онъ почувствовалъ, что *сморозилъ* нелѣпый вздоръ...

Достоевскій. Братья Карамазовы. 1, 2, 8» [Михельсонъ II: 281].

Не помогает объяснить происхождение глагола *сморозить* и обращение новгородского писателя С. В. Петрова к поговорочным выражениям В. И. Даля [II: 355] *Такое прозвание, что съ морозу не выговоришь* или *Это такъ, съ морозу совралось*⁷, — или к общим наивным физиологическим соображениям: “У очень озябшего человека мерзнут и губы, а посему речь его становится невнятной. Он невольно говорит невпопад, а иногда и не то, что хочет. Отсюда становятся понятными в выражении *сморозить* глупость и ложь: они возникают помимо воли говорящего” [Петров 1975: 145].

Наконец, версию о греческом происхождении глагола *сморозить* в весьма лаконичной форме впервые высказал Н. В. Горяев:

“**С-мороз-и-ть** глупость ср. съ гр. *μωρός* (глупый)” [Горяевъ 1896: 332].

Гимназический учитель А. Г. Преображенский нерешительно соединил соображения В. И. Даля и Н. В. Горяева, указав на семинарскую среду возникновения греческой версии:

“**сморóзить**, сморóжу, сморóзишь, регг. *сказать глупость, солгать* и морóзить (въ выр.: «Экую глупость, чушь сморозилъ»). — с - морозить; собств. *дать, заставить замёрзнуть*; откуда указанное переносное значение, сказать трудно; м. б., это семинарское выражение, явившееся подь влияниемъ гр. *μωρός* *глупый*; ср. ерунда, ерундить” [Преображенский II: 339].

Версия Н. В. Горяева — А. Г. Преображенского о семинарском происхождении глагола попала в толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова в

⁷ Сюда можно добавить ещё одну поговорку, не учтённую С. В. Петровым: “Какъ рóжены, такъ и заморóжены! говор<ять> о дуракахъ” [Даль I: 620].

сопровождении той же иллюстративной цитаты из Ф. М. Достоевского, на которую обратил внимание М. И. Михельсон:

“**СМОРОЗИТЬ**, бжу, бзишь, *сов.*, что [из семинарск. аргот от греч. mōros — глупый] (разг. фам.). Сказать какой-н. вздор, глупость. Он почувствовал, что сморозил нелепый вздор. Достоевский” [Ушаков IV: 307].

Так называемый “Малый академический словарь” также не фиксирует значения ‘солгать’: “**СМОРОЗИТЬ**, - р б ж у, - р б з и ш ь; *сов.*, *перех.* Прост. Сказать что-л. глупое, нелепое, вздорное. Опришко понял, что он сморозил вопиющую глупость и замолчал. Макаренко. Педагогическая поэма” [МАС IV: 219] (то же и во втором издании), чему следует также и “Большой академический словарь” [БАС XIII: 1414].

Действительно, глагол *сморозить* базируется на тождестве звучания именительных падежей греческого μωρός ‘глупый’ и русского мороз. С первым он связан семантически, а со вторым — морфемно-фонематически. Контаминация русского и греческого слова могла произойти в среде школяров, которые были знакомы с греческим языком. Это могли быть как семинаристы (на что пронциательно указал А. Г. Преображенский), так и ученики классической гимназии, где также изучался греческий язык.

Таким образом, *сморозить* представляет собой каламбурную контаминацию из двух источников, каждый из которых обеспечивает лишь частичную этимологизацию загадочного глагола, не обеспечивая убедительной этимологии в целом, поэтому критика этих изолированных этимологий В. В. Виноградовым вполне оправданна.

Только соединение двух частичных этимологий обеспечивает целостную этимологию глагола *сморозить* как старого каламбура, который возник следующим образом: в глаголе *сглупить* семинаристы (или гимназисты) заменили русский корень *глуп-* греческим равнозначным словом μωρός. При этом конечный глухой согласный -с последнего был воспринят в соответствии с правилами русской фонологии как оглушённый в конце слова вариант звонкой фонемы <з>, которая в положении перед гласным приобрела свой основной вид з. Так в словообразовательной мотивации глагола *сморозить* появилась связь со словами *мороз*, *морозить*, а в семантике сохранилась связь с греческим словом.

Особо следует отметить наличие междометной звательной формы греческого μωρός в словарях (церковно)славянского языка XVI–XVII вв.: *морѣ* (“Лексис” Лаврентия Зизания, 1596), *море* (“Лексикон славеноросский” Памвы Берынды, 1627) с толкованием “юрое, дурню” [Фасмеръ 1909: 128–129], что является показателем того, что и древнерусской письменности греческое слово μωρός не было чуждо, но требовало специального объяснения.

Кроме того, глагол *сморозить* вписался в синонимический ряд таких же экспрессивных глаголов совершенного вида: *сказануть, брякнуть, бухнуть, вякнуть, звякнуть, ляпнуть, хрюкнуть* и т. п. [Химик 2004: 560, 568]; также ему имеется аналогия в виде столь же каламбурного существительного *потасовка*, которое в [Шведова 2007: 708], правда нерешительно, возводится то ли к картёжной терминологии, то ли к французскому языку: “К *тасовать*, возм., от франц. *tasser* ‘накладывать’”. На самом же деле имя действия *потасовка* является семинарским образованием от греческого глагола *πατάσσω* ‘бить, ударять, колотить’, сближенного с *тасовать*, о чём нам уже приходилось писать [Добродомов 1987].

III. Аксиос(ы)

Слово *аксиос*, известное по памятникам русской письменности с XVII в., отсутствует в русских исторических словарях, что было отмечено лексикологами, которые приняли меры для устранения этого недочёта, и была предложена словарная статья — предполагаемая обработка этого слова для исторической лексикографии:

АКСИОСЪ. От греч. *ἄξιος*. «Достоин» — слово, произносившееся старшим епископом и повторявшееся трижды хором при обряде поставления во все иерархические степени, начиная с дьякона. И въ царскихъ дверяхъ приняли его митрополить и епископъ и повели его около престола, по чину... тутъ патриархъ говорилъ молитву и омофоръ положилъ и возгласилъ: аксиось. Арс. Сух. Прокинитарий, 72. 1653 г. Святейший же патриархъ, вземъ жезль, отдалъ поддиакону, въ то время пѣли: аксиось, аксиось, аксиось. ДАИ VI, 238, 1672 г.” [Чернышева 1984: 203]⁸.

Слово *аксиос* отсутствует и в академическом историческом «Словаре русского языка XVIII века» [СлРЯ XVIII в.], хотя этот возглас, по данным Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/>), фигурирует в “Цареградских письмах о древних и нынешних турках” П. А. Левашова (1789).

Зато в многочисленных “Словарях иностранных слов” (впрочем, далеко не во всех) и разного рода специальных словарях, а также в энциклопедиях XIX в. возглас *аксиос* находит разнообразное и в разной степени детализации отражение и даже попадает в академический “Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук”:

⁸ Однако в дополнения и исправления к СлРЯ XI–XVII в. [Чернышева 2006] слово *аксиос* не попало.

“**Аксіось**, церк. Достойнъ. Слово сіе возглашается при посвященіи, начиная от діакона, во всѣ іерархическія степени” [СЦСРЯ I: 5];

“**Аксіось**, гр. достойный (слово, употребляемое при посвященіи въ санъ духовный, которымъ рукополагающій объявляетъ, что посвящаемый достоинъ званія, въ которое возводится)” [Полный словарь 1861: 18];

“**Аксіось** (греч.), достоин, восклицаніе церк. клира и народа при посвященіи епископов, пресвитеров и діаконѣ” [Толль I: 54];

“**Аксіось** гр. Достойнъ” [Дубровский 1879: 25];

“**Аксіось**: 1) достоинъ (греч.) — восклицаніе клира при посвященіи священнослужителей; 2) древнее назв. р. Вардара въ Македоніи” [Настольный энциклопедическій словарь I: 74];

“**Аксіось** (греч.), «достойный», восклицаніе церковнаго клира и народа, произносимое при посвященіи въ духовный санъ, которымъ рукополагающій объявляетъ, что посвящаемый достоинъ званія, въ которое возводится” [Алексѣевъ 1899: 35];

“**Аксіось**, достоинъ.

Ср. Достойнъ! государыня, достоинъ сего, достоинъ! Аксіось, замѣтилъ дяконъ. Лѣсковъ. Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. 3,6.

Ср. Ἀξιόσ — достоинъ.

Возглашается въ церкви при посвященіи во всѣ іерархическія степени” [Михельсонъ I: 11];

“**аксіось** — гр. «достойнъ», слово, возглашаемое при посвященіи священнослужителей” [Головковъ 1914: 13].

Включалось это слово и в церковнославянские словари:

“**АѢЮСЪ**, Греч. толкуется: *достойнъ*” [Алексѣевъ I: 43];

“**Аксіосъ** — (греч. ἄξιος; от буд. врем. глагола ἄγω, ἄξω; слѣд. ἄξιος — да введенъ будетъ въ удостоиваемую должность; ἄξιος, ἄξιος, ἄξιος — совершенно достоинъ возлагаемой должности). Слово *аксіось* (достойный) произносится священнодѣйствующими и клиросами обоихъ ликовъ во время посвященія епископовъ, священниковъ и діаконѣ, — именно, послѣ совершительной молитвы таинства священства («Божественная благодать») при возложеніи омофора, саккоса, креста, панагіи, митры на архіерея, — священническихъ одеждъ и служебника — на священника; при врученіи рипиды и возложеніи ораря, поручей — на діакона. — *Аксіось* произносится архіереемъ и пѣвцами также и при возведеніи въ разные чины церковные, именно: архидіакона или протодіакона, протопресвитера и протоіерея, игумена и архимандрита” [Дьяченко 1900: 868].

Наряду с формой мужского рода *аксіос* употреблялась и форма женского:

“**Аксіа** — (т. е. достойная) = слово это возглашается архіереемъ при производствѣ въ игуменьи” [ТАМ ЖЕ].

Отсутствие слова *аксиос* в современных академических и других толковых словарях⁹ до некоторой степени компенсируется этимологическими словарями:

“**áксиос** «достойн» — слово, которое поется при посвящении в сан священника; из греч. ἄξιος” [Фасмер I: 66].

В 2007 г. русская этимологическая лексикография обогатилась первыми выпусками двух этимологических словарей, в которых продолжена традиция рассмотрения этого слова. Между рецензентами этих словарей по поводу слова **áксио́с** (с колеблющимся ударением) возник своеобразный спор. Один из них посчитал это слово лишним в русском этимологическом словаре, повторяющем лаконичный материал М. Фасмера (со ссылкой на него: “**Áксио́с** interj. ‘worthy’. Interjected during the ordination, reflects gr.: ἄξιος id”) в краткой реплике:

“В словнике имеются и прямые излишества. «Междометие» *аксиос!* («достойн!») — возглас при рукоположении священнослужителя) не стало принадлежностью русского словаря, сохраняясь как момент ритуала, осуществляемого с использованием чужого языка. В этом отношении оно сильно отличается, например, от возгласов *аминь!* и *аллилуйя!*, ставших производящей базой для собственно русских слов *зааминить*, *аллилуйщина* и др.” [Журавлев 2010: 278].

Действительно, от возгласа *аксиос* в русском языке нет производных, но это слово исторически испытало ряд изменений как в своём фонетическом облике, так и в значении и употреблении, что, по мнению второго рецензента, достойно рассмотрения и учёта дополнительных материалов к сведениям другого словаря:

“**áксиос** ‘достойн’ — слово, кот<орое> поется при посвящении в сан священника (Фасмер I:65) // Из греч. ἄξιος ‘стоящий, достойный’ (там же). Из того же источника выводят рус. арготизм *аксио́сы*, *косиёсы* ‘волосы’ (при посвящении в сан волосы посвящаемого подстригают), а также (?) *косёй* ‘поп’ и т. п.” [Аникин 2007: 133]¹⁰.

Другой рецензент, автор этих строк, высказал в связи с этим пожелания [Добrodomov 2010б: 272] расширить сведения об этом интересном слове. Так, при слове *áксиос* ‘достойн’ с ударным начальным слогом, которое поётся в церкви при посвящении в сан, следовало бы добавить форму *аксио́с* с конечным ударением во внецерковном употреблении, например, у А. К. Толстого в шуточном стихотворении “Угораздило кофейник...”:

⁹ Поэтому оно не попало в большой “Словарь истории русских слов” [СИРС].

¹⁰ Со ссылкой на однотипные работы В. Д. Бондалетова [1972: 23; 1980: 73].

А кофейнику потѣха:
Руки въ боки, кверху носъ,
Надсѣдается отъ смѣха:
“— Исполати! Аксиось!
Веселися, храбрый Россъ!”

[Толстой 1916: 166]

Возникло это ударение от троекратного возгласия: “Аксиос! Аксиос! Аксио-ос!”, с продлением последнего слога в третьем возгласе, которое воспринималось как ударение. С этим восклицанием связано *аксиосы* ‘волосы’, зафиксированное в 1816 г. в Галиче Ф. Н. Глинкой в списке офенских слов, но, не подтверждённое дальнейшими записями офенского языка в Галиче, оно может подозреваться как слово семинарского происхождения, о чём говорит его употребление в речи духовного лица в романе Н. С. Лескова “Соборяне” (1872):

Да я за безбожие кого вам угодно возделаю. Это-с, батюшка, закон, а не что-нибудь. Да-с, это очень просто кончается: замотал покрепче руку ему в аксиосы, потряс хорошенько, да и выпустил, и ступай, мол, жалуйся, что бит духовным лицом за безбожие... [Лесков 1957, 4: 19–20]¹¹.

Действительно, слово *аксиос* употреблялось в жаргоне семинаристов XIX в. как название волос; в этом значении оно отмечено в специализированном словаре:

“**АКСИОСЫ** <...> *Семин. Шутл.-ирон.* Волосы. В молодости я учился в семинарии, и нас тогда сильно там истязали... ежели мало-мальски в уроке не тверд, профессор подкликнет тебя к себе: «Дай-ка, — говорит, твои **аксиосы**» — и таскает, таскает тебя за волосы... (А. Писемский. Просвещенное время)” [Анищенко 2007: 38].

С ударением на последнем слоге основы *акси́осы* ‘волосы’ (Галич) слово фигурирует в “Словаре офенского языка”, приписываемом В. И. Далу, а также в связанном с этим словарем “Русско-офенском словаре”: ‘волос’ *сиво́съ* (владимирск.), *акси́осъ* (Галич), ‘волосы’ *ксиво́сы* (владимирск.) [Бондалетов 2004: 240, 321, 358].

Как видим, в вариантах слова *аксиос* исчезает начальное безударное *a-*, реализуя неординарный фонетический процесс отпадения начальных безударных гласных *a-*, *o-* [Чичагов 1952].

С обозначением ударения на конечном слоге основы варианты слова *аксиос(ы)* отмечены также у пензенских шерстобитов (*ксивос* ‘волосы’),

¹¹ См. также комментарий И. З. Сермана: “«Аксиос» (греч. — достоин!) провозгласилось при пострижении в духовный сан. Отсюда и волосы в быту духовенства получили название — аксиосы” [Лесков 1957, 4: 526]. Ср. вариант этой фразы дьякона Ахиллы в неоконченном романе “Божедомы” [Лесков 2000: 59].

у торговцев Кашина (*кси́бы* ‘волосы’, также *скуволосы*), у некоторых мещовских портных (*скиёсы* ‘волосы’) [ПРИЁМЫШЕВА I: 287; II: 440, 110, 596, 138, 622, 232].

После отпадения гласного *a-* в начале слова оказалась чуждая исконным словам инициаль *кс-*, которая или испытывала перестановку (отсюда у мещовских портных *скиесы* ‘волосы’) или теряла один из согласных в сочетании *кс-* (отсюда ‘волос’ *сивосъ* у владимирских офеней, отмеченное в офенских словарях из материалов В. И. Даля [Бондалетов 2004: 321, 358]). У тех же владимирских офеней отмечена и форма *киесы* (т. е. *киёсы*) ‘волосы’ [ПРИЁМЫШЕВА II: 57, 516]¹².

Такое многообразие форм¹³, получившихся из исходной *аксиосы* ‘волосы’, затрудняло лексикографов, что хорошо видно из невнятного вопроса в “Словаре офенского языка” В. И. Даля: “Кюсы, ксі(?)осы – волосы” [Бондалетов 2004: 273] (вопрос, по-видимому, принадлежит издателю словаря В. Д. Бондалетову).

Оба эти значения суммированы в неоконченном академическом толковом словаре, который показал и внецерковное употребление слова, однако начальное ударение в семинарском жаргонизме выглядит сомнительным:

“**Аксиос** (Греч. ἄξιος) Церк. Возглас при посвящении во все иерархические степени, начиная от дьякона, в переводе: достоин. — В распространительном употреблении. *Достоин, государыня, достоин сего, достоин!* — *Аксиос, — заметил дьякон. — Да-с, аксиос.* Леск. Старые годы в селе Плодомасове. *Видишь по бумагам, что коллежскому секретарю время на титулярные приспело, — ну и пишешь: «аксиос».* Салт. Сат. в прозе. III || *Аксиосы* [sic! — И. Д.], *мн.* — о волосах (шуточно, в семинарск. яз. доревол.). *Замотал покрепече руку в его аксиосы, потряс хорошенько, да и выпустил, ступай, мол, пожалуйся, что бит духовным лицом.* Леск. Соборяне, ч. I, гл. 3” [СЛОВАРЬ 1933: 306].

В дальнейшем академическая лексикография ускользнула от фиксации этого интересного слова, что свидетельствует о её постепенном сползании к сомнительному нормализаторству, которое предпочитает говорить об общеизвестном. Впрочем, не обходят его вниманием современные специальные словари, но с разной глубиной лексикографической разработки — от скупой словарной отписки, учитывающей лишь исходное значение, причём без единого иллюстративного примера и с ошибкой в написании греческого прототипа:

¹² Со ссылкой на [Гольшевъ 1873].

¹³ Ещё одна, как будто бы диалектно окрашенная, форма слова *аксиос* с совершенно неясным значением отмечена в повести всё того же Н. С. Лескова “с малороссийским и сумасшедшим колоритом” “Заячий ремиз” (1894), где оно дано в кавычках и в написании *оксиос* — как название одной из вещей, “которых и знать не стоит” [Лесков 1958, 9: 582].

“**А́ксиос**, *нескл.* [греч. ἄξιος [sic — И. Д.] ‘Достоин!']. Возглас, произносимый **архиереем** при **рукоположении дьякона, священника** или **епископа** и неоднократно повторяемый хором (означает согласие с достоинством рукоположенного)” [Скляревская 2008: 22],

— до детальной статьи с шестью иллюстративными примерами на целых три значения (третье, переносное, — т. н. “светское”, выходящее за пределы постулируемой авторами собственно религиозной лексики, ср. [Добрушина 2012: 105–109]; после тройной косой черты авторы помещают т. н. энциклопедическую часть значения):

“**А́КСИОС** Церк. (Греч. «ценный, достойный»).

1. Возглас. Церк. Литургическая **аккламация**, означающая «достоин» (достойн служения или награды). /// Используется в **хиротониях** и **хиротесиях**, при возведении в определенные чины, при **интронизации Патриархов** и при вручении **архиереем** церковных наград **священнослужителям**. **Пр.:** *Один из священников, исходя на малый вход, имеет на подносе палицу, камилавку, скуфью или наперсный крест, то есть то, чем награждается, и подает архиерею, а архиерей, надев на него соответствующую одежду, произносит: «Аксиос»* (Диомидов С. Указатель порядка архиерейских служений (1915); НКРЯ); *На каждый возглас Архиерея: «Аксиос», это же слово троекратно поет духовенство, а затем, в той же тональности — хор (Константин (Островский), иеродиак. Последование архиерейских богослужений (2002)).*

2. Мн. Церк.-жарг., устар. В церковном жаргоне XIX в. — волосы; /// метонимический перенос, первоначально распространившийся в семинарской среде потому, что **хиротесия** семинаристов в чтецы включала момент пострижения волос. **Пр.:** <...> [опущен процитированный выше пример из А. Ф. Писемского. — И. Д.] *Заснули все, и живем спустя рукава... Вся беда в попах молчащих! Надо гайдуков нанять и всех их пооттаскать за аксиосы* (Феофан Затворник, свт. Собрание писем (1879)); <...> [опущен процитированный выше пример из “Божедомов” Н. С. Лескова — И. Д.]

3. Возглас. Лит<ературное>, перен., ирон., устар. В литературе XIX в. — шуточное восклицание, выражающее восхищение, похвалу <...> [далее следует процитированный выше пример из А. К. Толстого. — И. Д.]} [Добрушина и др. 2011: 137].

Последнюю словарную статью можно признать самой подробной и точной из всех, посвящённых слову *аксиос* / *аксиосы*, разве что во втором значении следовало бы указать иное место ударения по сравнению с заголовочной формой — *аксио́сы*.

В связи с употреблением слова *аксиос* в произведениях русской литературы XIX в. отсутствие его в академическом двухтомном “Сводном словаре современной русской лексики” [Сводный словарь 1991] нельзя считать оправданным, тем более что слово встречается и за пределами литературного языка.

Пути проникновения слова *аксиосы* ‘волосы’ в общерусское употребление активно обсуждались в конце XIX в. в популярной до сих пор

этнографической литературе:

“...прямо с церковных клиросов и в <...> извращенном толковании, как на-смешка, прокрались в народную толпу слова греческие. Так, длинные волосы у духовных лиц стали называться «аксиосами» с повода пострижения их при посвящении в священный сан и произнесения и пения слова «удостоен» не-сколько раз” [Максимов 1955: 110].

Позднее высказывались и другие предположения:

“АКСИО́СЫ (Гл., Д1), косиёсы (пен.) — волосы; возможно, сюда же следует отнести *косей* — поп, священник (арз., Дбб, пуч., ТЗ), *косиха* — попадья (НЯ, сад.); греч. *ἄξιος* — «достойн!» — слово, которое поется при посвящении в сан священника; при этом акте посвящаемому подстригают волосы. Надо думать, что в условные аргослово попало не прямо из греческого языка, а через посредство жаргона духовенства (семинаристов)” [Бондалетов 1990: 9]¹⁴.

В этих суждениях вызывает сомнения привлечение сюда названий лиц *косей* ‘поп, священник’, *косиха* ‘попадья’; в этой связи сомневается и А. Е. Аникин [2007: 133].

Следует заметить, что слово *аксиосы* → *ксиосы* не всегда фиксиро-валось точно. Сюда же относится также графически искаженное слово *клёсы* ‘волосы’ из жаргона мосальских портных, зафиксированное в статье В. Н. Добровольского [1916]. За таким написанием скрывается полевая запись этого слова *ксиёсы* (в старом дореволюционном написа-нии с буквой *i* перед *ё*), которая была прочитана с контаминацией букв *си* как *л*, и это ошибочное прочтение было воспроизведено в печатном тексте. На фоне всего зафиксированного материала ошибочность про-чтения слова (*а*)*ксиосы*/ (*а*)*ксиёсы* как *клёсы* вполне очевидна.

Приведённый в настоящей заметке словарный материал оставляет необъясненной причину появления у восклицания *аксиос* неожиданного значения ‘волосы’, что подтверждает несколько парадоксальный вы-вод В. В. Виноградова, сделанный применительно к интересовавшему его слову *антик*: “На этом материале легко видеть, что восстановление полной семантической истории слова даже в пределах XVIII–XIX вв. только по данным толковых словарей почти невозможно” [Виногра-дов 1994: 41]. Совпадение по времени жеста рукоположения на голову посвящаемого и одновременно звучащего возгласа *аксиос!* обусловило понимание жеста как указание на волосы головы, а возгласа *аксиос!* как их название. Это каламбурное название ситуации стало терять свою каламбурность, благодаря чему и возник арготизм *аксиос* ‘волосы’. Впрочем, ещё О. А. Анищенко включила в свой словарь [2007: 38] этимологические соображения костромского фольклориста и диалек-

¹⁴ Со ссылкой [Бондалетов 1990: 56] на [Виноградов 1915: 215].

толога начала XX в., частично проливающие свет на появление неожиданного значения 'волосы', — из материалов галичского варианта офенского языка:

“Аксиосы <...> волосы — при посвященіи долговолосыхъ (духовенство) возглашаютъ «аксіосъ!» при этомъ положе на голову книгу, архіерей читаетъ молитвы и постригаетъ волосы” [Виноградовъ 1915: 215].

По-бурсацки кощунственное отношение к церковному торжественному возгласу *аксиос!* проявилось в эволюции его значения от абстрактного значения возгласа 'достоин' до весьма конкретного 'волосы', что доказывает роль семинарской среды в развитии семантики этого слова.

Напоследок можно отметить, что жест рукоположения как указание именно на голову (а значит, и волосы) более ярко при толковании относящихся сюда глаголов обнаруживается в словаре В. И. Даля:

“Рукополагать, рукоположить кого, поставлять въ священный чинъ, возложеньемъ рукъ архіерея на главу рукополагаемаго”. = «**Хиротонія, <...> -нисать**, посвящать, поставлять, рукополагать” [Даль IV: 114, 564].

Библиография

АЛЕКСѢЕВЪ I–V

АЛЕКСѢЕВЪ П. А., *Церковный словарь, или истолкованіе Славенскихъ, также маловразумительныхъ древнихъ и иноязычныхъ рѣченій, положенныхъ безъ перевода въ Священномъ Писаніи, и содержащихся въ другихъ церковныхъ и духовныхъ книгахъ...*, I–V, Изд. 4-е, вновь пересмотрѣнное, испр. и противу прежнихъ трехъ изданій весьма знатнымъ количествомъ словъ и рѣченій приумноженное, С.-Петербургъ, 1817–1819.

АЛЕКСѢЕВЪ 1899

Самый полный общедоступный словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ съ подробнымъ, всестороннимъ изслѣдованіемъ о значеніи и понятіи каждаго слова... Вновь обработалъ и дополнилъ по новѣйшимъ источникамъ Н. С. Алексѣевъ, Изд. 5-е., [Москва.] 1899.

АНДЕРСЕН-НЕКСЕ 1969

АНДЕРСЕН-НЕКСЕ М. *Дитте — дитя человеческое*, Пер. с дат. А. Ганзен (= Библиотека всемирной литературы, Сер. III, Т. 169), Москва, 1969.

АНДЕРСЕН-НЕКСЕ 1984

АНДЕРСЕН-НЕКСЕ М. *Дитте — дитя человеческое*, Пер. с дат. А. Ганзен, Москва, 1984.

АНИКИН 2007

АНИКИН А. Е., *Русский этимологический словарь*, I, Москва, 2007.

АНИЩЕНКО 2007

АНИЩЕНКО О. А., *Словарь русского школьного жаргона XIX века*, Москва, 2007.

БАС I–XVII

Словарь современного русского литературного языка, I–XVII, Москва — Ленинград, 1950–1965.

БОНДАЛЕТОВ 1972

БОНДАЛЕТОВ В. Д., “Греческие элементы в условных языках русских торговцев и ремесленников”, в: *Этимологические исследования по русскому языку*, VII, Москва, 1972, 20–25.

Бондалетов 1980

Бондалетов В. Д., “Греческие заимствования в русском, украинском, белорусском и польском аргю (к проблеме генезиса и контактирования социальных диалектов славянских языков)”, в: *Этимология 1980*, Москва, 1982, 64–79.

Бондалетов 1990

Бондалетов В. Д., *Иноязычная лексика в русских аргю*, Куйбышев, 1990.

Бондалетов 2004

Бондалетов В. Д., В. И. Даль и тайные языки в России, 2-е изд., испр., Москва, 2004.

Мокиенко, Никитина 2000

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., *Большой словарь русского жаргона*, С.-Петербург, 2000.

Виноградов 1941

Виноградов В. В., “Лексикологические заметки. Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII–XX вв.”, *Ученые записки Московского государственного педагогического дефектологического института. Кафедра русского языка и литературы*, 1941, 1, 3–57.

Виноградов 1968

Виноградов В. В., “Об экспрессивных изменениях значений и форм слов”, *Советское славяноведение*, 1968, 4, 3–11.

Виноградов 1994

Виноградов В. В., *История слов*, Москва, 1994.

Виноградовъ 1915

Виноградовъ Н. Н., “Галивонские алеманы: Условный языкъ Галичанъ (Костромской губ.)”, в: *Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи наукъ*, XX/I, 1915, 209–260.

Воронский 1933

Воронский А. К., *Бурса*, Москва, 1933.

Головковъ 1914

Головковъ Д., *Иллюстрированный словарь иностранныхъ словъ съ указаніями удареній и съ 600 рисунками въ текстъ*, Одесса, 1914.

Гольшевъ 1873

Гольшевъ И. А., “Словарь искусственнаго офенскаго языка”, в: *Труды Владимирскаго губернскаго статистическаго комитета*, X, Приложение, Владимірь, 1873, 1–30.

Горяевъ 1896

Горяевъ Н. В., *Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка*, Тифлисъ, 1896.

Даль I–IV

Даль В. И., *Толковый словарь живаго великорусскаго языка*, 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора, I–IV, С.-Петербургъ, Москва, 1880–1882.

Джаншиев 2008

Джаншиев Г. А., *Эпоха великихъ перемен*, 1, Москва, 2008.

Данилин 2007

Данилин В. (В. Бабенко и Д. Клугер), *Четвертая жертва сирени*, Москва, 2007.

Добровольскій 1916

Добровольскій В. Н., “Нѣкоторые данные условнаго языка дорогобужскихъ мещанъ, каликъ переходящихъ, портныхъ и коноваловъ, странствующихъ по Смоленской землѣ: Данные условнаго языка портныхъ села Вязичья Мосальскаго уѣзда, записанные мною въ деревнѣ Корябинѣ Ельнинскаго уѣзда”, *Смоленская старина*, III/2, 1916, 1–13.

Добродомов 1987

Добродомов И. Г., “Потасовка”, *Русская речь*, 1987, 1, 133–136.

Добродомов 2009

Добродомов И. Г., *Проблемы этимологии в нормативной лексикографии*, Магадан, 2009.

ДОБРОДОМОВ 2010А

Добродомов И. Г., “Социология языка в историко-лексикологических и этимологических исследованиях”, в: *Этимология. 2006–2008*, Москва, 2010, 82–100.

ДОБРОДОМОВ 2010Б

Добродомов И. Г., [Рец.:] А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а — аюшка). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008, 368 с., в: *Этимология. 2006–2008*, Москва, 2010, 262–276.

ДОБРУШИНА 2012

Добрушина Е. Р., “Словарь христианской лексики: состав словника”, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*, 2012, 3 (29), 105–113.

ДОБРУШИНА И ДР. 2011

Добрушина Е. Р., свящ. Константин Польсков, Литвинцева К. М., Хангиреев И. А., “От «аббата» до «аналоя»: фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики»”, *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*, 2011, 3 (25), 119–146.

ДУБРОВСКИЙ 1879

Дубровский Н., Полный толковый словарь всѣхъ общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, съ указаніемъ корней, 4-е изд., Москва, 1879.

ДЬЯЧЕНКО 1900

Григорій Дьяченко, свящ., *Полный церковно-славянскій словарь (съ внесеніемъ въ него важнѣйшихъ древне-русскихъ словъ и выраженій), содержащій въ себѣ объясненія малопонятныхъ словъ и оборотовъ...* Москва, 1900.

ЖУРАВЛЕВ 2010

Журавлев А. Ф., [Рец.:] Vladimir Orel. Russian Etymological Dictionary. Book 1: А–Й; Book 2: К–О. Octavia & Co. Press, 2007. 816 pp., в: *Этимология 2006–2008*, Москва, 2010, 276–285.

ЗЕЛЕНИНЪ 1905

Зеленинъ Д. К., “Семинарскія слова въ русскомъ языкѣ”, *Русскій филологическій вѣстникъ*, Варшава, 1905, 3–4, 109–119.

КАМЧАТНОВ 1998

Камчатнов А. М., *История и герменевтика славянской Библии*, Москва, 1998.

КОРОВУШКИН 2000

Коровушкин В. П., *Словарь русского военного жаргона*, Екатеринбург, 2000.

ЛЕСКОВ 1957, 4

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, 4, Москва, 1957.

ЛЕСКОВ 1957, 6

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, 6, Москва, 1957.

ЛЕСКОВ 1958, 9

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, 9, Москва, 1958.

ЛЕСКОВ 1958, 10

Лесков Н. С., *Собрание сочинений в одиннадцати томах*, 10, Москва, 1958.

ЛЕСКОВ 2000

Лесков Н. С., *Полное собрание сочинений*, 7, Москва, 2000.

ЛЪСКОВЪ 1867

Лѣсковъ Н. С. *Нѣкуда*, 1, С.-Петербургъ, 1867.

ЛЪСКОВЪ 1880

Лѣсковъ Н. С., “Изъ мелочей архіерейской жизни. I: Случай съ генераломъ у митрополита Филарета”, *Историческій вѣстникъ*, 1880, 6, 255–267.

Лѣсковъ 1903

Полное собрание сочинений Н. С. Лѣскова, 35, Изд. третье съ критико-биографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложениемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, С.-Петербургъ, 1903.

Максимов 1955

Максимов С. В., *Крылатые слова*, Москва, 1955.

МАС I–IV

Евгеньева А. П. (ред.), *Словарь русского языка*, I–IV, Москва – Ленинград, 1957–1961.

Михельсонъ I–II

Михельсонъ М. И., *Русская мысль и рѣчь. Свое и чужое. Опытъ русской фразеологии*, I–II [С.-Петербургъ, 1902–1903].

Настольный энциклопедический словарь I–IV

Настольный энциклопедический словарь, Изданіе А. Гарбель и К^о, Москва, I–IV, 1891–1892.

Некрасов 1983

Некрасов Н. А., *Полное собрание сочинений и писемъ в 15-ти томахъ*, VI, Художественные произведения, Ленинград, 1983.

Опытъ 1852

Опытъ областного Великорусскаго словаря, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Импер. Акад. Наукъ, С.-Петербургъ, 1852.

Петров 1975

Петров С. В., “Сморозить”, *Русская рѣчь*, 1975, 1, 144–145.

Полный словарь 1861

Полный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, С.-Петербургъ, 1861.

Помяловскій 1902

Помяловскій Н. Г. *Полное собрание сочинений*, С.-Петербургъ, 1902.

Преображенскій I–III

Преображенскій А. Г., *Этимологический словарь русского языка*, I–III, Москва, 1910–1949.

Приемышева I–II

Приемышева М. Н., *Тайные и условные языки в Россіи XIX вѣка*, I–II, С.-Петербург, 2009.

Сводный словарь 1991

Сводный словарь современной русской лексики, I–II, Под ред. Р. П. Рогожниковой, Москва, 1991.

СИРС

Словарь истории русскихъ словъ, I, гл. ред. Э. Ф. Володарская, М. Л. Ремнёва, Москва, 2009–.

Скляревская 2008

Скляревская Г. Н., *Словарь православной церковной культуры: более 2000 словъ и словосочетаний*, 2-е изд., испр., Москва, 2008.

Словарь 1933

Словарь русского языка, I/ 2, Ленинград, 1933.

Слрѣ XVIII в.

Словарь русского языка XVIII вѣка, Ленинград – С.-Петербург, 1984–, Вып. 1–.

СРНГ

Словарь русскихъ народныхъ говоровъ, Ленинград – С.-Петербург, 1965–, Вып. 1–.

СЦСРЯ I–IV

Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Импер. Академіи наукъ, I–IV, С.-Петербургъ, 1847.

Толль I–III:

Толль Ф. Г., *Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія (справочный энциклопедический лексиконъ)*, С.-Петербургъ, I–III, 1863–1864.

Толстой 1916

МАТВѢВА Е. В., “Нѣскольکو воспоминаній о графѣ А. К. Толстомъ и его женѣ <письмо А. К. Толстого Е. В. Матвѣевой отъ 11 ноября 1868 г.>”, *Историческій вѣстникъ*, СХLIII, годъ 37-й, январь 1916, 162–178.

Ушаков I–IV

УШАКОВ Д. Н. (ред.), *Толковый словарь русского языка*, I–IV, Москва, 1935–1940.

ФАСМЕР I–IV

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, I–IV, Москва, 1964–1973.

ФАСМЕРЬ 1909

ФАСМЕРЬ М. Р., *Греко-славянскіе этюды. III: Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ* (=Сборникъ Отдѣленія русского языка и словесности, LXXXVI, 1), С.-Петербургъ, 1909.

Химик 2004

ХИМИК В. В., *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, С.-Петербург, 2004.

ЧЕРНЫШЕВА 1984

ЧЕРНЫШЕВА М. И., “Роль греческих параллелей в лексикологической практике. Отбор и подача слов греческого происхождения в Словаре русского языка XI–XVII вв.”, в: *Теория и практика русской исторической лексикографии*, Москва, 1984, 201–210.

ЧЕРНЫШЕВА 2006

ЧЕРНЫШЕВА М. И., автор-сост., *Словарь русского языка XI–XVII вв. Дополнения и исправления. Тетрадь первая. А–Б*, Отв. ред. В. Б. КРЫСЬКО, Москва, 2006.

Чичагов 1952

ЧИЧАГОВ В. К., “О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова ружье”, *Ученые записки Московского государственного университета*, 150, Москва, 1952, 283–310.

Чужбинский 1863

ЧУЖБИНСКІЙ А. (АФАНАСЬЕВЪ А. С.), *Очерки прошлаго*, I, С.-Петербургъ, 1863.

ШАНСКИЙ, БОБРОВА 1994

ШАНСКИЙ Н. М., БОБРОВА Т. А., *Этимологический словарь русского языка*, Москва, 1994.

ШАНСКИЙ, ИВАНОВ, ШАНСКАЯ 1961

ШАНСКИЙ Н. М., ИВАНОВ В. В., ШАНСКАЯ Т. В., *Краткий этимологический словарь русского языка*, Москва, 1961.

ШАПОВАЛ 2007

ШАПОВАЛ В. В., “О. А. Анищенко. Словарь русского школьного жаргона XIX века. М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2007. — 386 с. [рец.]”, *Русский язык в научном освещении*, 2007, 2(14), 296–312.

ШВЕДОВА 2007

ШВЕДОВА Н. Ю. (ред.), *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*, Москва, 2007.

References

Anikin A. E., *Russkii etimologicheskii slovar'*, I, Moscow, 2007.

Anishchenko O. A., *Slovar' russkogo shkol'nogo zhargona XIX veka*, Moscow, 2007.

Bondaletov V. D., “Grecheskie elementy v uslovnikh iazykakh russkikh torgovtsev i remeslennikov,” in: *Etimologicheskie issledovaniia po russkomu iazyku*, VII, Moscow, 1972, 20–25.

Bondaletov V. D., “Grecheskie zaимstovaniia v russkom, ukrainском, belorusskom i pol'skom argo

(k probleme genezisa i kontaktirovaniia sotsial'nykh dialektov slavianskikh iazykov),” in: *Etimologiiia 1980*, Moscow, 1982, 64–79.

Bondaletov V. D., *Inoiazychnaia leksika v russkikh argo*, Kuybyshev, 1990.

Bondaletov V. D., *V. I. Dal' i tainye iazyki v Rossii*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Chernysheva M. I., “Rol' grecheskikh parallelei v leksikologicheskoi praktike. Otbor i podacha slov grecheskogo proiskhozhdeniia v Slovare russkogo

языка XI–XVII vv.,” in: *Teoriia i praktika russkoi istoricheskoi leksikografii*, Moscow, 1984, 201–210.

Chernysheva M. I., *Slovar’ russkogo iazyka XI–XVII vv. Dopolneniia i ispravleniia*, I, Moscow, 2006.

Chichagov V. K., “O nekotorykh voprosakh istorii russkogo iazyka v sviazi s istoriei slova ruzh’e,” *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 150, Moscow, 1952, 283–310.

Dobrodomov I. G., “Potasovka,” *Russkaia rech’*, 1987, 1, 133–136.

Dobrodomov I. G., *Problemy etimologii v normativnoi leksikografii*, Magadan, 2009.

Dobrudomov I. G., “Sotsiologiia iazyka v istoriko-leksikologicheskikh i etimologicheskikh issledovaniakh,” in: *Etimologiiia. 2006–2008*, Moscow, 2010, 82–100.

Dobrudomov I. G., “[Rev.]: A. E. Anikin. Russkii etimologicheskii slovar’. Vyp. 1 (a — aiushka). M.: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2008, 368 s.,” in: *Etimologiiia. 2006–2008*, Moscow, 2010, 262–276.

Dobrushina E. R., “Slovar’ khristianskoi leksiki: sostav slovnika,” *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia 3: Filologiiia*, 2012, 3 (29), 105–113.

Dobrushina E. R., fr. Konstantin Pol’skov, Litvintseva K. M., Khangireev I. A., “Ot «abbata» do «analoiia»: fragment «Lingvo-entsiklopedicheskogo slovaria russkoi khristianskoi leksiki,” *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia 3: Filologiiia*, 2011, 3 (25), 119–146.

Kamchatnov A. M., *Istoriia i germenevtika slavianskoi Biblii*, Moscow, 1998.

Khimik V. V., *Bol’shoi slovar’ russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi*, St. Petersburg, 2004.

Korovushkin V. P., *Slovar’ russkogo voennogo zhargona*, Yekaterinburg, 2000.

Maksimov S. V., *Krylatye slova*, Moscow, 1955.

Petrov S. V., “Smorozit’,” *Russkaia rech’*, 1975, 1, 144–145.

Preobrazhenskii A. G., *Etimologicheskii slovar’ russkogo iazyka*, I–III, Moscow, 1910–1949.

Priemysheva M. N., *Tainnye i uslovnnye iazyki v Rossii XIX veka*, I–II, St. Petersburg, 2009.

Rogozhnikova R. P. (ed.), *Svodnyi slovar’ sovremennoi russkoi leksiki*, I–II, Moscow, 1991.

Skliarevskaia G. N., *Slovar’ pravoslavnoi tserkovnoi kul’tury*, 2nd ed., Moscow, 2008.

Ushakov D. N. (ed.), *Tolkovyi slovar’ russkogo iazyka*, I–IV, Moscow, 1935–1940.

Shanskii N. M., Bobrova T. A., *Etimologicheskii slovar’ russkogo iazyka*, Moscow, 1994.

Shanskii N. M., Ivanov V. V., Shanskaia T. V., *Kratkii etimologicheskii slovar’ russkogo iazyka*, Moscow, 1961.

Shapoval V. V., “[Rev.]: O. A. Anishchenko. Slovar’ russkogo shkol’nogo zhargona XIX veka. M.: OOO «Izd-vo ELPIS», 2007. — 386 s.,” *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2007, 2(14), 296–312.

Shvedova N. Iu., Kurkina L. V., Krysin L. P., *Tolkovyi slovar’ russkogo iazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov*, Moscow, 2007.

Vasmer M., *Etimologicheskii slovar’ russkogo iazyka*, I–IV, Moscow, 1964–1973.

Vinogradov V. V., “Leksikologicheskie zametki. Vopros ob istoricheskom slovare russkogo literaturnogo iazyka XVIII–XX vv.,” *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo defektologicheskogo instituta. Kafedra russkogo iazyka i literatury*, 1941, 1, 3–57.

Vinogradov V. V., “Ob ekspressivnykh izmeneniiakh znachenii i form slov,” *Sovetskoe slavianevedenie*, 1968, 4, 3–11.

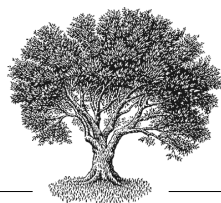
Vinogradov V. V., *Istoriia slov*, Moscow, 1994.

Volodarskaia E. F., Remneva M. L., *Slovar’ istorii russkikh slov*, I, Moscow, 2009—.

Zhuravlev A. F., “[Rev.]: Vladimir Orel. Russian Etymological Dictionary. Book 1: A–I; Book 2: K–O. Octavia & Co. Press, 2007. 816 pp.,” in: *Etimologiiia 2006–2008*, Moscow, 2010, 276–285.

Игорь Георгиевич Добrodomov

д. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой
общего языкознания Московского педагогического
государственного университета
119991 Москва, Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Россия / Russia

SlaVaComp: Konvertierungstool*

Программа конвертации шрифтов “SlaVaComp”

Simon Skilevic

Albert-Ludwigs-Universität Freiburg

**Семён Сергеевич
Шкилевич**

Фрайбургский университет
им. Альберта и Людвиг

Zusammenfassung

Der vorliegende Beitrag informiert über ein Tool, das im Rahmen eines Freiburger Projekts zur historischen Korpuslinguistik entwickelt wurde und dazu dient, kirchenslavische Texte, die ohne Einsatz von Unicode digitalisiert wurden, ohne Verlust von Information bzw. Formatierung ins Unicode-Format zu überführen. Das Tool heißt SlaVaComp-Konvertierer. Es eignet sich für die Konvertierung aller idiosynkratischen Fonts und kann somit nicht nur in der Paläoslavistik, sondern in allen historisch arbeitenden Philologien eingesetzt werden.

Schlüsselwörter

Unicode, Konvertierungstool, kirchenslavische Alphabete und Schriften, Editionen kirchenslavischer Texte, Textwiederverwendung, Digitalisierung, idiosynkratische Fonts

* Der Beitrag ist im Rahmen des vom BMBF geförderten Projektes “SlaVaComp – COMPUtergestützte Untersuchung von VAriabilität im KirchenSLAVischen” (FKZ: 01UG1251, Laufzeit: 15.01.2013–15.01.2016) unter der Leitung von Prof. Dr. J. Besters-Dilger und Prof. Dr. G. Schneider entstanden. Ich möchte mich an dieser Stelle herzlich bei allen ProjektmitarbeiterInnen für ihre Unterstützung bedanken. Mein besonderer Dank gilt Herrn Dr. Roman Krivko, Herrn Pino Marco Pizzo, M. A., Frau Dr. Irina Podtergera, Herrn Dr. Achim Rabus und Frau Viktoria Halapats, M. A., für die aufwändige Arbeit beim Ausfüllen der Konvertierungstabelle, für die Einblicke in die Wissenschaft von den Sprachen und für die Hilfe beim Finden und Beheben der unzähligen Fehler, die im Laufe des Entwicklungsprozesses auftraten.

Резюме

В статье сообщается о программе конвертации шрифтов разного формата в формат Юникод, разработанной в рамках фрайбургского проекта по исторической корпусной лингвистике. Программа обеспечивает конвертацию любых шрифтов в формат Юникод без потери информации, содержащейся в исходном файле, то есть с сохранением авторского форматирования. Название программы "SlaVaComp-Konvertierer / SlaVaComp-конвертор". Поскольку программа предназначена для конвертации любых, а не только церковнославянских, шрифтов, она может использоваться как палеославистами, так и представителями других историко-филологических дисциплин.

Ключевые слова

Юникод, программа конвертации, издания церковнославянских текстов, церковнославянские алфавиты и шрифты, повторное использование текстов, дигитализация, идиосинкратические шрифты

1. Einführung und Problembeschreibung

Editionen kirchenslavischer Texte werden in der Regel mit dem Einsatz von Non-Unicode-Fonts vorbereitet. Dies erschwert den Datenaustausch und die Wiederverwendung dieser Texte im digitalen Format erheblich: Sie sind nicht einheitlich eingegeben, sie werden auf dem Bildschirm falsch dargestellt oder lassen sich nicht lesen, zudem kommt es beim Übertragen in ein anderes Betriebssystem bzw. auf einen anderen Rechner häufig zu Kompatibilitätsproblemen, die die Funktionsfähigkeit von Office-Programmen beeinträchtigen.

Vor denselben Schwierigkeiten standen noch vor kurzem nicht nur Slavisten, sondern auch Vertreter anderer Philologien. Um diese und ähnliche Probleme zu beheben, wurde bereits Anfang der 1990er Jahre der Unicode-Standard eingeführt, der ab Version 5.1 um die kirchenslavischen Zeichen erweitert wurde¹. Unicode ermöglicht es Sprachhistorikern und Mediävisten, kirchenslavische Texte in ein digitales Format zu überführen, das von allen Rechnern bzw. allen Betriebssystemen, derer sich Slavisten in der Regel bedienen, akzeptiert wird.

Wie oben angedeutet, wurde der als Digitalisierung bezeichnete Vorgang in der Slavistik vor der Erweiterung des Unicode-Standards um die historischen slavischen Schriftzeichen, aber auch bis in die jüngste Zeit vorwiegend mit selbstgebastelten idiosynkratischen Fonts durchgeführt. Dabei wurden fehlende Zeichen durch einzelne andere Zeichen oder Zeichenkombinationen von Unicode-Zeichen für nicht-kyrillische Schriften im Text ersetzt, um das äußere Bild oder den Sinn des gewünschten Buchstabens wiederzugeben.

¹ In Versionen 6.1 und 6.2 fanden sogar die am häufigsten gebrauchten supralinearen Buchstaben Berücksichtigung. Vgl. die Darstellung aller durch Unicode standardisierten kyrillischen Schriftzeichen unter <http://de.wikipedia.org/wiki/Kyrillisch> [4.10.13].

Ein bekanntes Beispiel für dieses Vorgehen ist die Erstellung eines deutschen Textes unter Verwendung der für das Englische angelegten Tastatur. Da auf der englischen Tastatur nicht alle Buchstaben des deutschen Alphabets vorhanden sind, wird mit Umschreibungen gearbeitet. So werden die Umlautbuchstaben *ä*, *ö* und *ü* durch Kombinationen mit *e* ersetzt: *ae*, *oe*, *ue*. Diese Umschreibungen sind den meisten Lesern vertraut und werden beim Lesen korrekt aufgelöst. In einer vergleichbaren Art gehen auch Slavisten vor, wenn sie fehlende Schriftzeichen wiedergeben wollen.

Damit die Texte, die mit Hilfe von Umschreibungen eingetippt wurden, auch für "nicht eingeweihte" Leser verständlich sind, erstellt man einen Font, üblicherweise einen Windows-Font, in dem die Code-Kombinationen aller Buchstaben und die entsprechenden Darstellungen dieser Buchstaben programmiert werden. Im genannten Beispiel sollen die Code-Kombinationen mit *e* – also *ae*, *oe*, *ue* – im Font von den Darstellungen *ä*, *ö*, *ü* abhängig gemacht werden: Wenn z. B. Microsoft Office den Code für *ue* liest, stellt das Programm als Ausgabe auf dem Bildschirm *ü* dar.

Dieses Vorgehen, das im Grunde genommen keine vertieften Kompetenzen im Bereich der Informatik erfordert, war und bleibt sehr verbreitet, so dass auf solche Weise seit Beginn der Computerära in der Editionsphilologie Dutzende Fonts bzw. Versionen bereits existierender Fonts erstellt wurden. Dabei einigte man sich für die Erstellung der benutzten Fonts nicht auf einen bestimmten Standard. Mehrere unterschiedliche Forschergruppen digitalisierten die zu edierenden Werke mit ihren eigenen, speziell für ihre Projekte zusammengestellten Schriftarten. Selbst innerhalb ein und derselben Forschergruppe hat man sich nicht immer über das Format des Fonts geeinigt. Die frei erfundenen Formate erschweren die Konvertierung der idiosynkratisch digitalisierten Texte ins Unicode-Format wesentlich.

Ein weiteres Problem besteht darin, dass man bei der Digitalisierung der Werke bemüht war, das Layout der handschriftlichen Werke sowie graphische Besonderheiten der Schriftzeichen in der digitalen Version zu erhalten. Diese Informationen sind von großer Bedeutung für die Untersuchung unterschiedlicher mittelalterlicher Schreibschulen. Das heißt: Beim Konvertieren in Unicode darf die in den Editionen vorgenommene Formatierung für die Schriftart nicht verloren gehen.

In der vorgelegten Arbeit soll ein Tool präsentiert werden, das den Sprachhistorikern, Altphilologen und Mediävisten die Konvertierung der von ihnen vorbereiteten Editionen handschriftlicher Texte ins Unicode-Format erleichtern soll und sie beschleunigen könnte. Das Tool heißt *SlaVaComp-Konvertierer*. Es wurde im Rahmen des Projekts "SlaVaComp – COMPutergestützte Untersuchung von VARIabilität im KirchenSLAvischen" entwickelt, das in Zusammenarbeit zwischen dem Slavischen Seminar und dem Rechenzentrum

der Albert-Ludwigs-Universität Freiburg durchgeführt wird. Das unten dargestellte Programm ist nicht nur auf das Kirchenslavische beschränkt, sondern lässt sich auf alle Sprachen anwenden.

2. Tool-Beschreibung

Das Tool ist in der Programmiersprache C-Sharp auf .NET-Plattform geschrieben und ist ein Windows-Tool.

Als Input bekommt das Programm eine Word-Datei (*.docx) und eine Excel-Datei (*defaultProfile.xlsx*). Beide Dateien sind im Office Open XML Format, das ab Office 2007 Standardformat ist. Um mit solchen Dateien arbeiten zu können, wird im Programm die Bibliothek Open XML SDK verwendet. Bei der Word-Datei handelt es sich um einen digitalisierten kirchenslavischen Text, der konvertiert werden soll. Bei der Excel-Datei handelt es sich um die Konvertierungstabelle, die die in der Word-Datei benutzten Fonts mit ihren Unicode-Pendants enthält. Ihr Format soll im Weiteren genauer betrachtet werden.

Das Vorgehen des Programms kann in groben Zügen folgendermaßen beschrieben werden: Das Konvertierungstool verwendet den XML-Code der Word-Datei. Dabei werden der Reihenfolge nach die Tags mit den Teiltextrn und den dazugehörigen Informationen über den angewandten Font und die Formatierung extrahiert. Anhand dieser Informationen wird die entsprechende Konvertierungsfunktion aus der XML-Datei geholt, mit deren Hilfe der Text in Unicode konvertiert wird. Bei der Konvertierungsfunktion handelt es sich um einen Abbildungsprozess: Jede im Quell-Font verwendete Codierung der kirchenslavischen Buchstaben wird auf die entsprechende Unicode-Codierung abgebildet. Nach dem Konvertieren wird der extrahierte Tag zurückgespeichert. Dabei enthält er den konvertierten Text und Meta-Informationen über den neuen Unicode-Font und die Formatierung.

2.1. User-Interface

Das User-Interface des SlaVaComp-Konvertierungstools besteht aus einem Hauptmenü, einem Konvertierungsmenü und einer Konvertierungstabelle. Auf diese drei Bestandteile gehen wir im Folgenden ausführlicher ein.

2.1.1. Hauptmenü

Das Hauptmenü (s. Abb. 1) ist das erste Menü, das der Benutzer beim Starten des Programms zu sehen bekommt.

In diesem Menü wird die Konvertierung durchgeführt. Es enthält folgende Elemente:

- (1) Pfad der Quelldatei (*Sourcefile*), die konvertiert werden soll. Wichtige Bedingung: Es muss eine Word-Datei im Office Open XML Format sein;

Abbildung 1. Hauptmenü

- (2) Button zum Aufsuchen der Quelldatei auf dem Dateiträger (*Lupe als Symbol der Suchoption*);
- (3) Pfad der resultierenden Unicode-Zieldatei (*Targetfile*): Nachdem die Quelldatei durch das Betätigen des Buttons (2) ausgesucht wurde, wird der Pfad der Zieldatei automatisch generiert. Die Zieldatei befindet sich in diesem Fall in demselben Ordner wie die Quelldatei und trägt denselben Namen, allerdings mit der Endung *_copy*;
- (4) Button für die Konvertierungsoption (*Convert Document*): Durch das Betätigen dieses Buttons beginnt der Konvertierungsprozess;
- (5) Button zum Öffnen der Tool-Beschreibung (*About*);
- (6) Button zum Öffnen des Codierungsmenüs (*Encodings Menu*).

2.1.2. Codierungsmenü

Das Codierungsmenü (s. Abb. 2) ist das Menü der Codierungseinstellungen. Von hier aus kann man in der Konvertierungstabelle weitere Fonts hinzufügen bzw. die Tabelle bearbeiten.

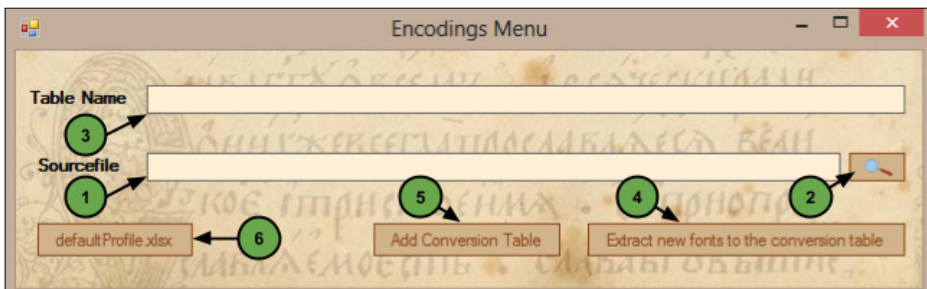

Abbildung 2. Codierungsmenü

Die Bestandteile des Codierungsmenüs sind:

- (1) Pfad der Quelldatei (*Sourcefile*): Aus dieser Datei sollen fehlende Fonts (ohne die dazugehörigen Codierungen) in *defaultProfile.xlsx* hinzugefügt werden;

- (2) Button zum Aufsuchen der Quelldatei auf dem Datenträger (*Lupe als Symbol der Suchoption*);
- (3) Feld für den Namen der Tabelle (*Table Name*): In diese Tabelle werden alle gefundenen Fonts (ohne Codierungen) abgespeichert. Falls in diesem Feld nichts angegeben wird, bekommt die Tabelle den Namen *temp.xlsx* und wird in demselben Ordner wie die Quelldatei gespeichert;
- (4) Button zum Extrahieren der neuen Fonts in die Konvertierungstabelle (*Extract new fonts to the conversion table*): Durch das Betätigen dieses Buttons wird die in (1) definierte Datei analysiert, wonach alle dort vorkommenden Fonts in die Tabelle eingetragen werden, die in (3) definiert ist. Außerdem werden in diese Tabelle alle gefundenen Fonts eingefügt, die in *defaultProfile.xlsx* noch fehlen. Dabei werden nur die entsprechenden Spalten für die Fonts erstellt. Die Spalten bleiben leer: Die dazugehörigen Codierungen müssen später manuell eingetragen werden.
- (5) Button zum Integrieren der Tabelle in das Default Profile (*Add Conversion Table*): Mit diesem Button wird nach der bereits existierenden Konvertierungstabelle auf dem Datenträger gesucht, die dann in *defaultProfile.xlsx* integriert wird. Falls einer der Fonts in beiden Tabellen vorkommt, werden die Codierungen dieses Fonts zusammengeführt, so dass keine der Codierungen verloren geht.
- (6) Button zum Öffnen des Default Profile (*defaultProfile.xlsx*): Mit diesem Button wird *defaultProfile.xlsx* geöffnet, das die Konvertierungstabelle enthält.

2.2. Konvertierungstabelle

Die Konvertierungstabelle (s. Abb. 3) ist eine Excel-Datei im Office Open XML Format. Nach der Installation des Programms befindet sie sich auf der Festplatte im Ordner *.../Programme(x86)/UniFreiburg/SlaVaComp/data* und trägt den Namen *defaultProfile.xlsx*. Es handelt sich dabei um eine Standard-Konvertierungstabelle für das Tool. In dieser Tabelle befinden sich mehrere Fonts mit den dazugehörigen Codierungen für die kirchenslavischen Buchstaben und ihre Unicode-Pendants. Diese Tabelle wurde im Rahmen des SlaVa-Comp-Projekts von mehreren Mitarbeitern des Slavischen Seminars der Universität Freiburg erstellt. Sie lässt sich erweitern. Mehr noch: Das Programm wurde so konzipiert, dass das Erweitern der Tabelle möglichst leicht fällt. Das Hauptziel ist dabei das Eintragen aller Non-Unicode-Fonts in diese Tabelle, so dass es dann möglich wäre, praktisch jedes digitalisierte kirchenslavische Werk ins Unicode-Format zu überführen. Die Datei hat dabei folgendes Format:

A	B	C	D	E	F	G	H	I	
	RomanCyr	γζηθξιοσ	ΣΓκΞλα	ήϊιάη	αητ	νζηζιο	Times New	CyrillicaB	ηϊιάγ
	α (3b1)		α	α α α					α α
	β (3b2)		β	β β β					β
	γ (3b3)		γ	γ γ γ γ					γ γ
	δ (3b4)		δ	δ δ δ					δ
	ε (3b5)		ε	ε ε ε ε					ε
	ζ (3b6)		ζ	ζ ζ ζ ζ					ζ

Abbildung 3. Konvertierungstabelle

- (1) Die *Spalte B* enthält 2172 Unicode-Zeichen, darunter auch kirchenslavische, griechische, kyrillische und andere. Es handelt sich dabei um die Zielzeichen, d. h. diejenigen, in die konvertiert werden soll, also die Unicode-Zeichen. Bei dem eingangs erwähnten Beispiel würden dann in dieser Spalte *ä*, *ö*, *ü* mit ihrer Zahlendarstellung in Klammern stehen: *ä* – (0)0E4, *ö* – (0)0F6, *ü* – (0)0FC. In der ersten Zeile steht der Name des Unicode-Fonts, der im Programm verwendet wurde: *Roman Cyrillic*. In der zweiten Zeile stehen die automatisch konfigurierten Meta-Daten des Fonts: `<w:rFonts \`, die hier kaum zu sehen sind. Sie sind für den User nicht relevant.
- (2) Alle Spalten ab der *Spalte C* sind für Non-Unicode-Fonts vorgesehen. Jede Spalte enthält in der ersten Zeile den Namen des Fonts, in der zweiten die automatisch erstellten Meta-Informationen. Alle weiteren Zeilen enthalten eine oder mehrere durch ein Leerzeichen verbundene Zeichenkombinationen, die mit den Codierungen der Unicode-Buchstaben im jeweiligen Non-Unicode-Font übereinstimmen.
- (3) Die *Spalte A* ist für Kommentare wie etwa *Standardlateinisch, kombinierende diakritische Zeichen, Griechisch und Koptisch, Kyrillisch, Griechisch erweitert* usw. vorgesehen. Diese Kommentare, die den Ebenen in der Symbol-Tabelle entsprechen, erleichtern die Suche nach Schriftzeichen in der Konvertierungstabelle. Aber auch andere Kommentare können hier eingetragen werden.

- (4) Jede Zeile steht für ein Unicode-Zeichen bzw. Fertigcode, d. h. Zeichen mit den zu ihm gehörenden Diakritika: <á> (1F00) oder <ě> (1F14) und nicht <α> und <ʹ> oder <ε> und <ʳ>. Letzteres widerspräche vollkommen dem Unicode-Konzept: Einem Schriftzeichen, das eine lautliche Realisierung hat, soll nur ein Code entsprechen. Der Fertigcode ist in der zweiten Zelle (= *Spalte B*) zu sehen (vgl. Abb. 3). Alle weiteren Zellen sind für die Zeichen bzw. für die Zeichenkombinationen vorgesehen, die dieses Unicode-Zeichen in ihrem idiosynkratischen Font darstellen. In einigen Fonts wird ein Unicode-Zeichen durch mehrere Zeichenkombinationen dargestellt. In diesem Fall müssen die Zeichen, die eine Kombination bilden, ohne Leerzeichen miteinander verbunden werden, während die Kombinationen selbst durch ein Leerzeichen voneinander getrennt werden, damit das Programm mehrere Pendants für ein Zeichen unterscheiden kann.
- (5) Falls sich ergeben sollte, dass die notwendigen Unicode-Zielzeichen in der Tabelle fehlen, besteht die Möglichkeit, am Dateiende, ab Zeile 2175, weitere Zeichen hinzuzufügen (s. Abb. 4). Dafür muss in die zweite Zelle (= *Spalte B*) einer neuen Zeile das benötigte Unicode-Zeichen und in alle weiteren Zellen die ihm entsprechenden Zeichenkombinationen eingetragen werden.

In einigen Fonts wird für die Darstellung mehrerer Buchstaben nur ein Zeichen benutzt. So gibt es zum Beispiel Fonts, in denen der kirchenslavische Digraph *oy* als Ligatur codiert wird. Obwohl dieser Digraph auch in Unicode als Fertigcode vorhanden ist (vgl. <Oŷ> 0478 und <oŷ> 0479), besteht das Unicode-Konsortium darauf, auf dessen Gebrauch zu verzichten und ihn durch die Kombination aus zwei Zeichen - <o> = 043E und <y> = 0443 - zu ersetzen. Falls im jeweiligen Font der Digraph als Ligatur codiert wurde, kann man diese Ligatur ebenfalls mit Hilfe der zusätzlichen Zeilen in die Kombination aus zwei Unicode-Zeichen umwandeln (s. Abb. 4).

Zwischenablage	Schriftart		Ausrichtung				
B2175	f _x oy						
	A	B	C	D	E	F	G
2174		ŷ (2c7e)					
2175	>>>>>>	oy		oy		oy	oy
2176	Additional						
2177	codes						

Abbildung 4. Konvertierungstabelle

2.3. Installation

Die einzige Installationskomponente ist eine Setup-Datei. Um das Programm zu installieren, muss man diese Datei ausführen und ihren Anweisungen folgen. Nach der Installation kann das Tool über eine Verknüpfung auf dem Desktop gestartet werden. Alternativ ist es möglich, das Programm direkt aus dem Ordner *.../Programme(x86)/UniFreiburg/SlaVaComp* zu starten. Systemvoraussetzungen für die Installation des Programms sind:

- Microsoft Office 2010 oder höher;
- Microsoft .NET Framework 4.5 oder höher;
- Open XML SDK 2.0 oder höher.

2.4. Fehlertoleranz

Beim Konvertieren können folgende Fehler auftreten:

(1) Das Programm erkennt den Font nicht, der in der Quelldatei benutzt wurde. Um festzustellen, ob dies der Fall ist, kann der Text nach dem Öffnen der resultierenden Datei mit dem Befehl *ctrl + f* nach der Zeichenkombination *fff* durchsucht werden. Falls man fündig wird, bedeutet dies, dass das Programm den Font des Textabschnittes zwischen *fff!* und *!* nicht erkennen kann. *fff* ist eine Fehlernachricht, die für einen nicht erkannten Font steht. Die Ausrufezeichen markieren die Grenzen des betroffenen Textabschnittes. Man kann das Problem lösen, indem man den Schritt 3 der Bedienung (s. u.) durchführt.

(2) Das Programm kann bestimmte Textabschnitte nicht konvertieren. Dieses Problem lässt sich feststellen, indem man die resultierende Datei nach der Fehlernachricht *ccc* durchsucht. Ausrufezeichen markieren die Grenzen des betroffenen Textabschnittes. Im Text kann *ccc* wie auch die Ausrufezeichen anders dargestellt werden (s. Abb. 5), und zwar im ursprünglichen idiosynkratischen Font des betroffenen Abschnitts. Dies wird dadurch verursacht, dass die Zeichen *c* oder *!* im zu konvertierenden Font anders codiert sind, was dann auch die Ausgabe verändert.

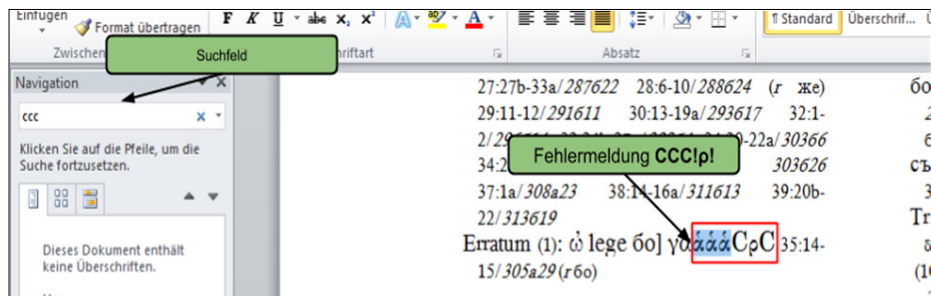

Abbildung 5. Fehlernachricht einer nicht erkannten Zeichenkombination

Der Grund für das Nicht-Konvertieren liegt meistens darin, dass in der Konvertierungstabelle *defaultProfile.xlsx* die entsprechenden Unicode-Codierungen, die im betroffenen Abschnitt zum Codieren der Buchstaben verwendet wurden, fehlen. Das Problem wird gelöst, indem die fehlenden Zeichencodierungen in die Konvertierungstabelle, in die Spalte mit dem betreffenden Font und in die Zeile des betreffenden Schriftzeichens, eingefügt werden.

2.5. Bedienung

Die allgemeine Vorgehensweise beim Bedienen des Programms lässt sich mit folgenden Schritten beschreiben:

Schritt 1: Starten des Programms. Suchen Sie mit 1 (s. Abb. 1) die zu konvertierende Datei auf und betätigen Sie Button 4. Dadurch wird die Konvertierungs-Routine gestartet. Warten Sie ab, bis das Programm den Prozess der Konvertierung beendet hat.

Schritt 2: Suche nach Font-Fehlern. Suchen Sie im Datenlaufwerk die resultierende Datei mit der Endung *_copy* auf und öffnen Sie sie mit Microsoft Office Word. Mit der Tastenkombination *ctrl + f* lässt sich das Suchmenü von Microsoft Office Word öffnen. Geben Sie *fff* in das Suchfeld ein. Falls es zu Treffern kommt, folgen Sie Schritt 3, sonst machen Sie weiter mit Schritt 4.

Schritt 3: Beseitigung von Font-Fehlern. Öffnen Sie das Codiermenü (s. Abb. 2). Suchen Sie mit Button 2 die Datei mit der Fehlermeldung *fff* auf und betätigen Sie Button 4. Nachdem das Extrahieren der fehlenden Fonts in die Konvertierungstabelle abgeschlossen ist, machen Sie weiter mit Schritt 4.

Schritt 4: Suche nach Codierungsfehlern. Suchen Sie auf dem Datenlaufwerk die resultierende Datei mit der Endung *_copy* auf und öffnen Sie sie mit Microsoft Office Word. Mit der Tastenkombination *ctrl + f* öffnet sich das Suchmenü von Microsoft Office Word. Geben Sie *ccc* in das Suchfeld ein. Falls es zu Treffern kommt, folgen Sie weiter Schritt 5. Falls kein Fehler gemeldet wird, ist die resultierende Datei vollständig ins Unicode-Format überführt.

Schritt 5: Beseitigung von Codierungsfehlern. Markieren Sie den ersten Buchstaben nach dem Ausrufezeichen im betroffenen Textabschnitt. Achten Sie dabei darauf, dass alle Zeichen markiert werden, mit denen dieser Buchstabe codiert wurde. Es empfiehlt sich die folgende Vorgehensweise:

- Fügen Sie unmittelbar vor dem zweiten Buchstaben ein Leerzeichen oder ein anderes gut erkennbares Zeichen ein;
- Bewegen Sie dann den Cursor vor das Ausrufezeichen;
- Bewegen Sie den Cursor mit der rechten Pfeiltaste einen Schritt nach rechts, so dass er vor dem ersten Buchstaben steht;
- Drücken Sie die *shift*-Taste und halten Sie sie;
- Bewegen Sie bei gedrückter *shift*-Taste den Cursor nach rechts, bis auch das Leerzeichen, das Sie vorher eingefügt haben, markiert wird;

- Gehen Sie anschließend einen Schritt zurück, so dass das Leerzeichen nicht mehr markiert ist;
- Kopieren Sie den markierten Abschnitt und fügen Sie ihn in die Konvertierungstabelle in die Spalte mit dem entsprechenden Font und in die Zeile mit dem entsprechenden Unicode-Zeichen ein. Gehen Sie dann zurück zu Schritt 4.

3. Fazit und Ausblick

Im vorliegenden Artikel wurde ein Tool namens SlaVaComp-Konvertierer vorgestellt. Es handelt sich dabei um ein Programm, das historisch arbeitenden Philologen und Linguisten helfen soll, digitalisierte Texte ohne Verlust der Formatierung in das Unicode-Format zu überführen. Eine wichtige Voraussetzung ist dabei, dass die Texte im Voraus im *docx*-Format gespeichert werden. Das Programm wurde für Werke in Kirchenslavisch und Alt- bzw. Mittelgriechisch konzipiert. Jedoch besteht die Möglichkeit, die Konvertierungstabelle mit weiteren Unicode-Zeichen zu vervollständigen und das Tool so für andere Non-Unicode-Fonts zu verwenden. Dies macht das Programm für alle historisch arbeitenden Philologen und nicht nur für Slavisten nutzbar. Das Ziel ist die Erstellung einer umfassenden Tabelle von Schriftzeichen, so dass in Zukunft der manuelle Aufwand beim Konvertieren minimiert wird. Der Autor bittet alle Benutzer des Tools um Benachrichtigung über Erweiterungen und eventuelle Probleme bei der Verwendung des SlaVaComp-Konvertierers (skilevic@googlemail.com).

Simon Skilevic

Albert Ludwig University of Freiburg

***SlaVaComp* Fonts Converter**

Abstract

This paper presents a fonts converter that was developed as a part of the Freiburg project on historical corpus linguistics. The tool named SlaVaComp-Konvertierer converts Church Slavonic texts digitized with non-Unicode fonts into the Unicode format without any loss of information contained in the original file and without damage to the original formatting. It is suitable for the conversion of all idiosyncratic fonts—not only Church Slavonic—and therefore can be used not only in Palaeoslavistic, but also in all historical and philological studies.

Keywords

Unicode, font converter, editions of Church Slavonic texts, Church Slavonic alphabets and fonts, textual reuse, digitalizing, idiosyncratic fonts

Simon Skilevic, B. A.

Rechenzentrum der Albert-Ludwigs-Universität Freiburg

Hermann-Herder-Str.10

D-79104 Freiburg im Breisgau

Deutschland / Germany

skilevic@googlemail.com

Сказание
об именах
из Кормчей
Кирилло-
Белозерской
редакции

*The Treatise on
Names from
the Nomocanon
(Kormchaia) of the
Kirillo-Belozersk
Redaction*

**Елена Владимировна
Белякова**

Институт российской истории РАН,
Москва

Elena V. Belyakova

The Institute of Russian History
of the Russian Academy
of Sciences, Moscow

Резюме

Статья представляет собой первую публикацию Сказания об именах из малоизвестной редакции Кормчей книги. В публикуемом тексте неизвестный автор протестует против распространившихся в его время нехристианских имен (*Томило*, *Шумило*) и говорит о недопустимости христианину иметь другое имя, кроме данного ему при крещении. Он позволяет добавлять к имени только указания на ремесло человека, его отечество или место рождения. В статье также дан анализ рукописной традиции Кормчей книги Кирилло-Белозерской редакции, возникшей не позднее первой четверти XVII в. и представляющей собой сокращение соборных правил Даниловской редакции. При этом ее состав дополнен статьями на актуальные темы: иконы, написанные “неверными”, несправедливое богатство, неблагочестивые имена. Рассмотрена также гипотеза об атрибуции ряда статей данной редакции Максиму Греку, высказанная в научной литературе ранее.

Ключевые слова:

культурные связи, Сказание об именах, Кирилло-Белозерская редакция Кормчей, Максим Грек, ономастика, личные имена

Abstract

This article for the first time publishes the *Treatise on Names* from the little known redaction of the nomocanon (*Kormchaia*). In the *Treatise* the unknown author protests against the widespread use of non-Christian names in his time, such as *Tomilo*, *Shumilo*, etc., and he says that it is unacceptable for a Christian to have any name other than the one he received at baptism. He allows adding to the name only some indications of a person's trade, his fatherland or place of origin. In this article the author analyzes the manuscript tradition of the Kirillo-Belozersk redaction that occurred no later than the first quarter of the 17th century. The redaction is the shortened text of the Canon norms of the Daniil's redaction. Thus its composition is expanded by sections addressing real-life problems, such as: icons painted by "infidels," unrighteous wealth, and impious names. The paper also examines the issue of the attribution of the titles of this version, which historians formerly had ascribed to Maximus the Greek.

Keywords:

cultural ties, *Treatise on Names*, Kirillo-Belozersk redaction of the nomocanon (*Kormchaia*), Maximus the Greek, onomastics, personal names

Во второй половине XVI в. в России появляется целый ряд сочинений, направленных против происходящих в жизни перемен и новых явлений, вторгающихся в русскую культуру, в них высказывается мысль о необходимости зафиксировать устоявшиеся нормы. Борьба с "бесчинием", утверждение "благочестия" становится одной из главных тем таких значимых памятников, как "Домострой" и "Стоглав".

Особую актуальность приобретает вопрос об иконописании, так как одним из зримых проявлений наступления культуры Нового времени был переход к реалистическим изображениям (портретам). Печатные книги, изданные у западных и южных славян, попадая в Россию, приносили с собой и новые тексты, и новые гравюры с необычными сюжетами.

К новым явлениям относятся социальные изменения: увеличение числа образованных людей, служащих в приказах [Лихачев 2007], увеличение участия иностранцев в жизни общества [Опарина 2007], рост казачества, сыгравшего важную роль в событиях Смутного времени [Платонов 1995: 76–80]. Мобильность общества, расширение зон культурных контактов приводило и к утрате видимой связи человека с родом, местом происхождения или даже к сознательному разрыву с ними, что отразилось и в способах именования людей.

Публикуемое Сказание об именах объясняет именование человека тремя разными именами и направлено против имен нехристианского происхождения. Приводимые в нем имена *Томило* и *Шумило* получили в XVII в. широкое распространение. Как отмечал С. Б. Веселовский,

“Томило — очень распространено повсеместно” (примеры: Новгород, Белев, Устюжна, Тверь, Дмитров, Арзамас, Олонец) [Веселовский 1974: 320]; “Шумило — очень распространено” (Важская обл., Белоозеро) [там же: 374]. Автор Сказания признает допустимым добавлять к христианскому имени указание только на род занятий или территориальную принадлежность. В качестве примеров христианского имени названо только одно — *Иванн*¹.

Вопрос о происхождении Сказания тесно связан с нерешенным вопросом о происхождении Кормчих Кирилло-Белозерской редакции, в состав которых он включен. Именно эта редакция Кормчей книги остается малоизвестной и малоизученной, поэтому необходимо привести о ней некоторые сведения.

Название редакции было дано исследователями по двум наиболее ранним спискам из Кирилло-Белозерского монастыря: списку *Рогож.272* 1620-х гг., оказавшемуся в составе Рогожского собрания, и списку из Кирилло-Белозерского монастыря *Кир.-Бел.*, относящемуся к 1630-м гг. [Корогодина 2010: 23–24]. Список *Рогож.272* принадлежал иноку Кирилло-Белозерского монастыря Гедеону, о чем повествует владельческая запись. Другой список этой редакции — *Син.570* — датируется 1643–1644 г. и связан с Московским печатным двором [Белякова 2011: 106–107]. Уже во время работы над статьей сотрудниками Археографической лаборатории МГУ был выявлен и описан еще более ранний (неполный) список данной редакции, находящийся в Пермской государственной художественной галерее (*Перм.*, 1610–1620-е гг.)².

Начало исследования Кирилло-Белозерской редакции было положено Я. Н. Щаповым, он указал на три ее списка, а также на наличие компиляции XIX в., включающей данную редакцию [Брюсова, Щапов 1971: 87; Щапов 1994]³. Ученый относил создание этой редакции ко времени вскоре после учреждения патриаршества в России. Он отметил указание на патриаршее место в Успенском соборе в статье “Об образе Спасове” и упоминание имени царя Федора Ивановича в Сборном при-

¹ Именно в таком написании. Ср. также: “...форма «Иван», которая воспринимается сейчас как специфически русская форма, противопоставленная церковно-славянской «Иоанн», еще в относительно недавнее время не воспринималась как таковая и могла выступать в качестве канонической” [Успенский 1969: 16–17]; далее, а также в примечаниях многочисленные примеры написания *Иванн* (с удвоенным “н”) [там же: 223–226] (*прим. ред.*).

² Приношу благодарность Ю. Белянкину за указание на эту рукопись и возможность ознакомиться с ее описанием. Рукописи *Рогож.272* и *Перм.* восходят, по-видимому, к одному протографу. В рукописи из Пермской государственной художественной галереи последние главы с 104 по 132 отсутствуют, хотя они есть в указателе глав.

³ В XIX в. рукопись *Рогож.272* была использована старообрядцами для создания новой редакции: *Рогож.273*, *Рогож.274* и *Егор.666* [Щапов 1994; Корогодина 2010: 32–33].

говоре 1503 г.⁴ Историк считал, что редакция связана с Москвой, ее интересами и политикой, хотя не исключал и возможности составления ее в Кирилло-Белозерском монастыре [Брюсова, Щапов 1971: 87]. Я. Н. Щапов отметил, что в составе этой редакции опущены правила апостольские и соборные, но сохранены толкования к ним и включены памятники, освященные русской традицией (отрывки из Закона судного людям, легендарное Сказание о Спасе и императоре Мануиле, возникшее в Новгороде в XIV в. и др.) в переработках XIV–XV вв., а также правила митрополитов Симона и Макария и выписки из Стоглава [Щапов 1994: 158].

Кирилло-Белозерская редакция недавно была рассмотрена в статье М. В. Корогодиной. Исследовательница указала на то, что статья “Кажение на величание со владыкою”, вошедшая в данную редакцию, имеется и в рукописи архиепископа Новгородского Феодосия *Egor.472* [Корогодина 2010: 27]. Кратко охарактеризовав дополнительные статьи редакции, исследовательница на основании датировки списков сделала вывод, что более правильно относить появление редакции к 1620-м гг. и не связывать с московской митрополицией (патриаршей) кафедрой. К наблюдениям М. В. Корогодиной можно сделать ряд существенных дополнений.

Во-первых, наиболее новаторской частью данной редакции является переработка Указателя 14 титулов. Это на сегодня второй известный случай в восточнославянской традиции⁵. Составитель значительно переработал Указатель, отказавшись от деления на титулы (границы). После 36 глав первой границы он поместил первую главу второй границы как 37 главу, так же поступил и со следующими границами и превратил Указатель в оглавление в 156 главах. Тем самым Указатель потерял свою основную функцию — способствовать отысканию нужных правил, зато приобрел привычный для книжника характер оглавления (“Изложения главам”).

Во-вторых, редактор счел нужным сократить и количество помещенных в Указателе правил, о чем дважды предупредил читателя: “Се убо отчасти явих о сочетании законных правил, а прочая, яже по единому правилу коеждо вещи подлежит, та вся zde в сочетание не писах” [Рогож.272: л. 13], — и вновь: “сие прочитающим да глаголю, яко не по ряду вся правильная исполнения во книгу сию преписах, но отчасти и вкратце” [там же: л. 13об.].

В-третьих, редактор явно предпочитал толкования правилам, на что обратил внимание еще Я. Н. Щапов. Сам факт включения в книгу

⁴ Соборный приговор 1503 г. был опубликован по списку *Рогож.272* в [Ostrowski 1977: 569–572]. Публикация была нам недоступна, сведения взяты из [Плигузов 1988: 756].

⁵ Другой пример — рукопись *Ягеллон*. [Щапов 1976: 136–154].

толкований, а не собственно правил заставляет более пристально отнестись к составу редакции: вместо правил приводятся толкования и в другой, более ранней, редакции — Мясниковской. Именно толкования являются объединяющей частью Сербской и Русской редакций, поэтому важен вопрос: перед нами работа редактора или он пользовался особым источником, в котором вместо правил были толкования? Есть основания говорить скорее о работе редактора, который подвергал сокращению и сами толкования.

В основе созданной редакции лежит, по-видимому, Сербская редакция Даниловской подгруппы [Щапов 1978: 266–267]⁶. Митрополит Даниил дополнил Сербскую редакцию (“Суздальские правила”) новыми статьями, в том числе Правилами Никифора Исповедника и Ответами Иоанна Кипрского. Эти два памятника помещаются как приложение к Синтагме Матфея Властаря, а также входят в собрание Требника с правилами Иоанна Зонары [Белякова 2010]. Кроме того, уже в Даниловскую редакцию были добавлены дисциплинарные правила из Студийского Устава [Белякова 2008], вопросы-ответы Анастасия Синаита, вошедшие еще в Изборник 1073 г.

Даниловская редакция была расширена составителем Кирилло-Белозерской за счет включения статей из Кормчей Чудовской редакции (главы 86–90), а также дополнена статьями различного происхождения. Одним из источников послужил Стоглав: глава 115 “Правило святителей русских о вдовых попах и диаконах” — Стоглав, глава 80⁷; глава 116 Кормчей “Правило Макария митрополита Московскаго и всея Руси о пострижении брад” воспроизводит конец 39 главы и 40 главу Стоглава [Емченко 2000: 302–304]; глава 117 “Того ж Макария митрополита Московскаго и всея Русии о тафиях” — начало 39 главы Стоглава [там же: 301–302]; глава 124 “Сказание о иконописцах, каковым подобает быти” (начало: “Подобает убо изографом рекше иконописцам чистителным быти житием”) воспроизводит 43 главу Стоглава [там же: 319]. Последняя глава входит в состав более широкого, чем в Стоглаве “Собрания о иконописцах” (главы 123–127): глава 123 “О святых иконах, имже поклоняться подобает”, глава 124 “Сказание о иконописцах, каковым подобает быти”, глава 125 “О иконах, иже над вратами поставляеми”, глава 126 “О иконах, ихже от рук неверных написаны не примати и святых икон в руки неверных не предавати”, глава 127 “О том, на коих вещех писати изображати святыя иконы и на коих не писати; О том, еже не оскудити изографа”.

⁶ Такое название дал группе Кормчих Я. Н. Щапов. Мы пользуемся также термином “Даниловская редакция”.

⁷ Имеются существенные расхождения.

Приведем главу 126:

“В неверных и иностранных римлян и германов иконного воображения православных христианом приимати не подобает. Аще ли же по некоему прилучаю от древних лет где обрящется в наших странах верных, рекше в греческих или в русских, а вообразуема будеть уже после расколу церковнаго, еже грекомь с римляны, и тогда аще и зело иконное воображение есть по подобию, хитропокланения ж им не творити, понеже от рук неверных воображени суть, аще и по подобию суть, но совесть их нечистоте подлежить. О таковых бо Павел Божественны апостол к Титу посылая пишет, сице глаголя: все бо чиста чистым оскверненым же и неверным ничтоже чисто понеже осквернися их ум и совесть, Бога исповедають ведати, а дела отмещутся его мерзкийи суще и не покоривы и всякому делу благу неискусни. А неверным и иностранным, паче ж реши нечестивым и поганым арменом святых икон не писати и на серебро и злато не меняти, понеже не в почесть, но в поругание святыня предавати грех есть, писано бо есть: не дадите святая псом” [*Син.570*: л. 791; *Рогож.272*: л. 322].

В этой главе обращает на себя внимание то, что автор упоминает в качестве “верных” “греческие страны”. Если вспомнить, что греки в русских текстах этой эпохи определялись как “обладаемые от неверных”, то это не может не вызывать удивления. Автор явно заявляет о себе как о греке или, по меньшей мере, как о грекофиле. Возможно, это говорит о его польско-литовском или западнорусском (украинском, белорусском) происхождении, то есть о принадлежности тем землям, которые были подчинены в церковном отношении Константинопольскому патриарху. Не очень понятен в устах русского книжника и выпад против армян, покупающих иконы. Конечно, антиармянские произведения были хорошо известны русским книжникам: статьи об армянской вере имеются в составе Чудовской редакции Кормчей, в Зонаре. Из Чудовской редакции эти статьи вошли и в рассматриваемую редакцию (глава 93). Но прежние антиармянские статьи являлись переводами с греческого. Трудно представить, чтобы в Москве или в Новгороде именно армяне скупали православные иконы.

Возможно, что и ранее русские книжники предполагали греческое происхождение статей об иконописцах, и этим объясняется тот факт, что главы 124–127 Кирилло-Белозерской редакции, относящиеся к иконописцам, находятся среди сочинений Максима Грека в двух старообрядческих собраниях. Н. К. Гаврюшин выявил и опубликовал эти тексты в сборнике [Гаврюшин 1993: 45–48], однозначно приписав их Максиму Греку (см. также в примечаниях [там же: 386]), по спискам *Хлуд.75*, *Большак.437* и *Никиф.557*, не оговорив того, что вторая глава данного собрания об иконописцах соответствует 124 главе Стоглава. Однако, на наш взгляд, атрибуция данных текстов Максиму Греку недостаточно обоснована. Рукопись *Никиф.557* вообще не связана с Максимом Греком, это отдельная тетрадка XIX в., в которой собраны главы об

иконописцах с нумерацией глав, соответствующей Кормчей Кирилло-Белозерской редакции, и с прямым указанием на источник на полях: “Древлеписменная кормчая глава 123” [*Никиф.557*: л. 1]. Не исключено, что эта рукопись использовалась при составлении собрания сочинений Максима Грека, потому что на полях имеется еще и второй, подтертый, номер — 201. В рукописях *Хлуд.75* и *Большак.437*, представляющих собой подбор сочинений Максима Грека, данные главы, полностью соответствующие главам Кормчей, помещены как глава 201 с той же разбивкой на подглавы. Имя Максима Грека есть только в заглавии в сборнике из собрания Большакова: “Того же Максима грека инока святых горы о святых иконах, имже поклоняться подобает. Глава 201” [*Большак.437*: л. 460]. А в Хлудовском списке заглавие не содержит этого указания: “О с(вя)тых иконах, имже поклоняться подобает” [*Хлуд.75*: л. 772]. Далее в обоих собраниях следует глава 202 — “Список с судного списка, прение Даниила, митрополита Московскаго и всеа Руси, с иноком Максимом С(вя)тогорцем” [*Большак.437*: л. 464; *Хлуд.75*: л. 775]. Сборник из собрания Большакова на этой статье заканчивается, в то время как в Хлудовском списке имеются статьи, не принадлежащие Максиму Греку: глава 203 “Выписано из книги Иосифа Маттафеева о ессеиском жителстве” [*Хлуд.75*: л. 788–791]; глава 204 “Написание Афанасия мниха Иерусалимского к Панкове о древе разумнем добру и злу” [там же: 791об.–793]; глава 205 “Толкование о пиявицы сущои в притчах о еже «небеса поведают славу Божию»” [там же: л. 793об.–799]; глава 206 “Что рассохато ногою что ли жвание двичное” [там же: л. 799об.]; глава 207 “О граде Махерунде” [там же: л. 800–801]. На этом Хлудовский список заканчивается указанием о составлении в 1862 г.

Само расположение статьи в конце собрания перед статьями, не принадлежавшими непосредственно Максиму Греку, является аргументом в пользу того, что эти статьи включены дополнительно составителем собрания. Первая глава из подборки статей “О иконописании” начинается словами: “Понеже нецыи тщатся вопрошати мя...”, что имеет некоторое соответствие в главе 200 данного собрания “Некоего впросившаго с люботрудным тщанием Максима инока грека Святых Горы яже о грамматикии...” [там же: л. 765об.–771].

Однако нельзя исключить, что книжник объединил статью Максима Грека об иконописании со статьями Стоглава, сделав новую подборку об иконописании, которая оказалось впоследствии очень востребована у староверов: многие старообрядческие сборники содержат эти же главы об иконописании.

Тема другой подборки, включенной в Кирилло-Белозерскую редакцию, — неугодность Богу жертв от несправедного богатства. Это главы

120–121. Об опальном иноке-греке опять напоминает глава “Сказание, како церковную святыню отгоняют неверныя руце” (глава 121). В ней речь идет о том, что беззакония церковнослужителей становятся причиной уничтожения церковей и отдания их в руки неверных. Заглавие статьи перекликается с известной статьей Максима Грека “О том, яко не оскверняются святая николиже, аще и многа лета обладаемы суть градове от поганых” [Максим Грек 2009: 342–327]. Максим Грек возражал против представлений о том, что владычество иноверных само по себе оскверняет святыни Иерусалима. В статье из Кормчих акцент сделан на том, что грехи христиан, и прежде всего клириков, становятся причиной наказания от Бога в виде варварского нашествия, приходящего как расплата за грехи, которые могут быть “выжжены” только огнем. Несомненно, что это статья посвящена теме, которая давно волновала русское общество, — осквернению святыни. Ей предшествует глава 120 “Правило к зиждущим церковь от поучения Исидора Пустынника ко Евсевию епископу Полисискому”. Эта статья была в составе *Изборника 1073*, л. 88 [Данилов 1955: 338–339]. В ней утверждается, что нельзя создавать церкви от несправедливого богатства, “зане таковыи храм пред Богом на обличение обрящется, высок бо, украшен стоя вопия на тя во веки к Богу” [*Син.570*: л. 778об.; *Рогож.272*: л. 316об.]. Статья *Изборника 1073* расширена за счет дополнительных слов назидательного характера о том, что приносящий жертву Богу должен рассуждать, что именно он приносит. К этой статье присоединена новая подглава “Паки о церкви и о почести ея”, в которой приводится редко встречающаяся в русской традиции цитата из Златоуста, что “церковь убо не стены, но народы верных благочестивых людей” [*Син.570*: л. 779об.].

Обличение тех, кто строит церкви, а не творит добрые дела, заставляет вновь вспомнить о Максиме Греке.

Начало “Сказания, како церковную святыню отгоняют” (“Хощу же и се глаголати: иже аще церковь созиждеть и всякими вещми украсить греховными страстьми и неверными делы аще себе оскверняет, то ничтоже ему ползует”) перекликается и с текстом послания патриарха Луки Хризоверга Андрею Боголюбскому: “А ведомо ти буди, благословенный сыну, то аще всего мира исполниши церкви и грады возградиши паче числа, гониши же епископа, главу церковную и людскую, то не церкви, то хлеви, не единая же ти будет мзды и спасения” [Памятники 1880: 68]. Именно этот патриарх упомянут в главе 119 “О том же гречестем царе Маноле Порфиригоните Повесть чудна с ним же и о русском князе Андрее Георгиевиче”. Эта Повесть, помещенная в Прологе под 1 августа, представляет собой одну из ранних попыток объединить русскую и ви-

зантийскую историю [Конявская 2011: 57–58]. Казалось бы, данная глава не имеет канонического значения, но в конце ее говорится о необходимости воинам причащаться и идти в поход с чистыми душами, чтобы получить мученические венцы, что перекликается с посланиями митрополита Макария к войску в Казань в 1552 г. [Белякова 2003: 59–60].

Глава 118 — “Сказание об образе Спасове”. Это Сказание упоминает грека Дмитрия Ласкирева, рассказавшего новгородцам о происхождении иконы в Новгородской Софии от царя Мануила [Брюсова, Щапов 1971]. Икона была перенесена в Москву в Успенский собор, где поставлена “против царска места” [Рогож.272: л. 316] или “царска и патриаршеска” [Син.570: л. 776].

В Кирилло-Белозерскую редакцию вошли также главы 130 “О принятии воды”, 131 “О крещении мужеска полу и женска”, 132 “О умирающих человецех”. Эти последние главы содержат не сами чины освящения воды, крещения или отпевания, а краткие указания на то, как правильно их совершать, фиксируя определенные изменения в самих чинах: так, в статье “О умирающих человецех” говорится о том, что на грудь умершего ставят икону и потом совершают обряд “прощения” [Син.570: л. 798об.].

Вопрос о том, кто же является составителем данной редакции, остается открытым. В ее основе, как мы уже отмечали, лежит Даниловская редакция, известная в пяти списках [Щапов 1978: 266–267; Мошкова 2005: 293–313]. Воскресенский список этой редакции (*Воскр.28*) был использован для издания Печатной Кормчей (1653 г.). Составитель Кирилло-Белозерской редакции должен был также располагать рядом текстов: Чудовской редакцией Кормчей, Стоглавом, *Изборником 1073*, Прологом (или Летописью), Скитским уставом (для главы 122 “О коленопоклонении яко не подобает правоверному не радити о сих”).

Возможно, что первый этап формирования Кирилло-Белозерской редакции связан с митрополитом Макарием или митрополитом Филиппом (если принять во внимание обличительный характер ряда глав, а также включение главы о тафьях и полное отсутствие глав о церковном землевладении). В последнем случае его появление в Кирилло-Белозерском монастыре можно связать с родом Колычевых.

Упоминание патриаршего места и царя Федора Ивановича ведут ко времени первого патриарха Иова (1589–1605). При патриархе Иове на Русь прибыли греки Арсений Елассонский и Игнатий (будущий патриарх). Однако нет никаких оснований допускать, что именно они участвовали в создании данной редакции. Предполагаемое открытие новых епархий после учреждения патриаршества могло послужить толчком и для создания новой редакции Кормчей. В числе намечаемых епархий

были и северные — Белозерская и Великоустюжская. Возможно, что созданные списки предназначались для новых епархий.

Вопрос о составителе новой редакции и ее источниках, о взаимоотношении списков нуждается в дальнейшем исследовании. Перед нами редкий случай переработки канонического свода, включение в его состав новых текстов, отвечающих на запросы времени.

Сказание об именах
(публикуется по списку Рогож.272)⁸

л. 323	<p>сказаніе ѡ томъ ѡко всакого члка правѡвѣ
рнаго хртїїнина не подобаетъ нарицати
ѡ неподобныхъ ѡманъ.</p> <p>Вѣдати же ѡ сѣ вѣрному достѡѣ еже лихо=
5 ѡманити всакому православному хртїїнину
быти не подобаетъ. но точию трийманити
ѡкоже лѣпо есть ѡ бгословцевъ наоучитиса нам.
три бѡ роженїа сѣтъ члком. три же ѡ ѡмана
своѣствена вѣ всакому правѡвѣрномѣ живѣ=
10 щем; Первое роженїе есть еже оубо во грѣсѣх
за преступленїе первозданнаго родоначалника
праѡца нашего адама. ѡ немъ же ѡ двѣ в пѣ=
десатномъ Ѳалмѣ рече. ѡко в бессакѡнїи
зачатъ есмь, ѡ во грѣсѣхъ роди мѡ мати моѡ.
15 посемѣ же своѣствено бѣ ѡ подобно ѡ ѡманѡваса
еже всѣмъ ѡбще глѣтса члкѣ, сирѣчь составъ.
состави бо са зиждїтельствомъ бжїимъ, ѡ^е
ѡ небытїа в жїснь. ѡллини же прозвахъ</p> | <p><глава>
РКИ</p> |
|---------------|---|------------------------------|

⁸ Текст воспроизводится строка в строку с добавлением знаков переноса (≈) и разбивкой на слова, соответствующей современному церковнославянскому словоделению, хотя в рукописи словоделение и имеется, но более архаичного типа — со слитным написанием проклитик и энклитик. Отказ от него в настоящем издании — единственное отступление от рукописи, тогда как все особенности оригинальной орфографии (включая написание надстрочных знаков) и пунктуации строго соблюдены, ввиду того что данный текст может представлять отдельный интерес и для лингвистов — как своего рода лингвистический трактат и как образец акцентуированного великорусского письма. Все характерные особенности графики и орфографии, впрочем, принадлежат не только публикуемому Сказанию, но и почерку данного писца в целом (например, регулярное использование “ижицы” вместо “ука” или греческой “альфы” в позиции — за одним единственным исключением — орфографического “зияния” -їа, -їа на конце слова). Текст сверен с рукописью и выправлен редактором выпуска (А. Г.). Ответственность за возможные ошибки и неточности в публикации лежит целиком на нем (*прим. ред.*).

- своимъ ꙗзыкъ ѿ ѿнфрѡпѡс, еже прѡтолкнѣса
 20 горѣ срѡ. сѣ ѣсть пѣрвѡму рѡженію, пѣрвое
 ѿ ма послѣднѡющее; Вторѡе порѡженіе спа=
 сителное крещеніе, ѣже пѣрвѡздѡннаго прѣ=
 ступленіа ѿ грѣхѡ ѡчищеніе. ѡ немъ же іѡѡннъ
 25 водѡю ѿ дѣхѡмъ, не мѡжетъ внѣти во црѣтво бжїе.
 сїе же вторѡе рѡженіе, ѣже ѣсть сїсїтелное
 крещеніе, пѣрвѡму рѡженію еже во грѣсѣхъ
 ѡмовеніе, ѿ пѣрвѡздѡннаго ѡдѡмова преступле=
 нїа грѣхѡвное потребленіе, ѿ кѡ бгѡв присвоеніе.
 30 занеже симъ ѡбновляющеса, чада бжїа бываемъ.
 ꙗкоже ѿ нѡ крещаемса свидѣтельствветъ
 глѡ, сїѣ ѣсть сїѣ мѡѣ. Тѡко же ѿ мѡ при кре=
 щенїи ѡбѣты творѡще ѿ глѡюще, ѡбѣщеваюса хв.
л. 323об. ѿ таковаго рѡди своѣственаго ѿ подобнаго ѡбѣта
 по вторѡму порѡженію вторѡе ѿ ма прїемлемъ,
 ѿ нарицаемса по прїѡбщенію хвѡв хрїтіане.
 к томѡу же ѡще ѿ житїе блгочестїво покаже.
 5 сѣ паки вторѡе ѿ ма ѡбще всѣхъ знаменветъ
 своѣство. Трѣтїе совершенѡе порѡженіе,
 ѡбще всѣхъ воскрнїе во вторѡе хвѡ пришесть=
 ствїе. понеже ꙗко ѿ хѣ трїднѣвно воскрсе
 во грѡбѣ почї; тако ѿ мѡ крещаемїи во трї погрѡ=
 10 женїа, ѡбрасѡюще трїднѣвнаго погребенїа
 егѡ вѡстанїе: сегѡ рѡди ѿ глѡетъ. елїцы во
 хѡ крѣтїхомса, в смѣрть егѡ крѣтїхомса. понѣ^ѣ
 с нїмъ стражемъ да ѿ с нїмъ прослѡвимса во царѣ=
 ствїи нѣнемъ. воспрїемлюще по коегѡждѡ
 15 вѣры трѣдѡвѡвъ, ꙗкоже глѡетса ѡу ѡца ѡбители
 мнѡги сѡуть. тѣмъ ѿ трѣтїе ѿ ма коемѡждѡ
 члѡку хрїтіанїнѡу ѿвѡннъ, ѿли коѣ ѿ стїхъ
 собѡрнѡа ѿ ѡплѣскїа црѣви присволюще. да
 сїмъ совершеннымъ порѡженїемъ же ѿ ѿмѡно=
 20 ванїемъ еже ѿ стїѡни нарицаемѡе по блггїи
 ѡутѣшитѣла дѣха стїго вѣчно ѿ некончаѡмо
 пребывѡетъ. четвѣртаго же потѡмъ
 порѡженїа бѣти не ѿмѡтъ четвѣртагѡ^ѣ
 ѿ ѿмѡни нѣсть. ѡще нѣцыи ѿ нарицаю^т
 25 по своемѡу ѿзволенїю томїла ѿ шѡмїла, ѿно
 не сѡуть сїѡ напїсаны в кнїсѣ живѡтнѣѣ.

- понэже ѿ несноположеных мѣри рекше
стых купѣли, но вѣтромъ мыслей члѣче=
- 30 растлѣваемы бывають. сегò ради вѣрны^м
чадѣмъ цркви бжїа своимъ изволѣнїемъ
налагати ѿманà кромѣ стыни не подобаѣт.
развѣ ѿ нѹжды жителства, или ко̀его
- л. 324** рвкодѣліа прилагаемо сїце ѿванъ швецъ
или козма оу́смарь, или ѿ мѣста, или ѿ те=
- чества. Прѹчаа же по изволѣнїа пройма=
- нованїа невѣрнымъ прилежит, занэже не сѹт
- 5 всновленїе прїа́ша, тѣмъ нѣ в кнїсѣ жи=
- вотней писани быша. ꙗ́кже и сѣго
- крѣщенїа несохраньшихъ ѿманà ѿ хъ ѿ кнїги
- животныа загладатса, і ѿ нихъ ѿимѣ́са,
- и к томѹ не поманутса, рекше вѣчно оу́га=
- 10 снутъ, ѿ с невѣрными мѹками о́сѹдатса.
ꙗ́кже ёсть писано, червь ѿ хъ не оу́снетъ
и о́гнь ѿ хъ не оу́гаснетъ: —

Библиография

Рукописные источники

Большак.437

Творения Максима Грека, ч. 2, РГБ, Собр. Т. Ф. и С. Т. Большаковых (ф. 37), № 437 (М.3840.2).

Воскр.28

Номоканон, 1522 г., ГИМ, Соб. Воскресенского (Ново-Иерусалимского монастыря), № 28, 16^о; см. печатное описание [Амфилохий 1875: 105–106].

Егор.472

Кормчая, XVI в.^о, РГБ, собр. Е. Е. Егорова (ф. 98), № 472.

Егор.666

Кормчая (поповщин. письмо), XIX в., РГБ, собр. Е. Е. Егорова (ф. 98), № 666.

Изборник 1073

Изборник Святослава 1073 г. Факсимильное издание, Москва, 1983.

⁹ Датировка машинописной регистрационной описи из НИОР РГБ (1950-е гг., с. 62). М. В. Корогодина [2010: 27] отмечает, что первая часть рукописи (лл. 1–473) относится к кон. XV в. и представляет собой кормчую Софийской редакции, а вторая часть (лл. 474–587) — к сер. XVI в. (дополнительные статьи, выписки из кормчей Чудовской редакции и других источников).

Кир.-Бел.

Кормчая, 1630-е гг., РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, 3/1080.

Никиф.557

Выписи из "Древлеписменной кормчей" ("О святых иконах, имже поклоняться подобает"), XIX в., РГБ, собр. П. Н. Никифорова (ф. 199), № 557.

Перм.

Кормчая, 1610–1620-е гг., Пермская государственная художественная галерея, № 5525.

Рогож.272

Кормчая сводная, 1620-е гг., РГБ, собр. Рогожского кладбища (ф. 247), № 272.

Рогож.273

Кормчая сводная (список с *Рогож.274?*), сер. XIX в., РГБ, собр. Рогожского кладбища (ф. 247), № 273.

Рогож.274

Кормчая (список с *Рогож.272*) и выписи из Кормчей Новгородско-Софийской редакции, сер. XIX в., РГБ, собр. Рогожского кладбища (ф. 247), № 274.1.

Син.570

Кормчая, 1643–1644 г., ГИМ, Синодальное собрание, № 570, 4^о.

Хлуд.75

Сборник с сочинениями Максима Грека, 1862 г., ГИМ, Собр. А. И. Хлудова, № 75, 1^о; см. печатное описание [Поповъ 1872: 174–199].

Ягеллон.

Кормчая книга, посл. треть XV в., Kraków, Biblioteka Jagiellońska, Акс. 71/1952; о ней см. [Щапов 1976: 136–154].

Литература и издания

Амфилохий 1875

Амфилохий, арх., *Описание Воскресенской Новоіерусалимской библиотеки съ приложениемъ снимковъ со всѣхъ пергаменныхъ рукописей и нѣкоторыхъ писанныхъ на бумагу*, Москва, 1875.

Белякова 2003

Белякова Е. В., "Отношение к войне и убийству в канонических памятниках XIV–XVI вв.", в: *Миротворчество в России. Церковь, политики, мыслители*, Москва, 2003, 39–62.

Белякова 2008.

Белякова Е. В., "Источники Печатной Кормчей", *Вестник церковной истории*, 3(11), 2008, 99–115.

Белякова 2010

Белякова Е. В., "О сербском переводе правил с толкованиями Иоанна Зонары", *Црквене студије, Годишњак Центра за црквене студије*, 6, Ниш, 2010, 235–242.

Белякова 2011

Белякова Е. В., "Издание Кормчей книги и проблема смены культурной ориентации", *Российская История*, 4, 2011, 106–107.

Брюсова, Щапов 1971

Брюсова В. Г., Щапов Я. Н. "Новгородская легенда о Мануиле, царе греческом", *Византийский Временник*, 32, 1971, 85–103.

- ВЕСЕЛОВСКИЙ 1974
ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б., *Ономастикон*, Москва, 1974.
- ГАВРЮШИН 1993
ГАВРЮШИН Н. К., сост., общ. ред и предисл., *Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антология*, Москва, 1993.
- ДАНИЛОВ 1955
ДАНИЛОВ И. И., “Письма Исидора Пелусиота в Изборнике Святослава 1073 г.”, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 11, 1955, 335–341.
- ЕМЧЕНКО 2000
ЕМЧЕНКО Е. Б., *Стоглав. Исследование и текст*, Москва, 2000.
- КОНЯВСКАЯ 2011
КОНЯВСКАЯ Е. Л., “О времени создания проложной статьи на 1 августа”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3(45), 2011, 57–58.
- КОРОГОДИНА 2010
КОРОГОДИНА М. В., “О редакции Кормчей книги из Кирилло-Белозерского монастыря”, в: *Каптеревские Чтения: Сборник статей*, 8, Москва, 2010, 23–34.
- ЛИХАЧЕВ 2007
ЛИХАЧЕВ Н. П., *Разрядные дьяки XVI века*, Москва, С.-Петербург, 2007 (репринт издания 1888 года).
- МАКСИМ ГРЕК 2009
Произведения Максима Грека. Рукопись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки, Москва, 2009.
- МОШКОВА 2005
МОШКОВА Л. В., ред., *Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве Древних актов*, 1 (Апостол — Кормчая), Москва, 2005.
- ОПАРИНА 2007
ОПАРИНА Т. А., *Иноземцы в России в XVI–XVII вв.*, Москва, 2007.
- ПАМЯТНИКИ 1880
Памятники древнерусского канонического права (= Русская Историческая Библиотека, 6), С.-Петербург, 1880.
- ПЛАТОНОВ 1995
ПЛАТОНОВ С. В., *Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.*, Москва, 1995.
- ПЛИГУЗОВ 1988
ПЛИГУЗОВ А. И., сост., *Русский феодальный архив. XIV — первой трети XVI века*, 4, Москва, 1988.
- ПОПОВЪ 1872
ПОПОВЪ А., *Описание рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библиотеки А. И. Хлудова*, Москва, 1872.
- УСПЕНСКИЙ 1969
УСПЕНСКИЙ Б. А., *Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам)*, Москва, 1969.
- ЩАПОВ 1976
ЩАПОВ Я. Н. *Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики*, 1, Москва, 1976.

ЩАПОВ 1978

ЩАПОВ Я. Н., *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв.*, Москва, 1978.

ЩАПОВ 1994

ЩАПОВ Я. Н., “Русский Номоканон. Сочетание общехристианских и местных церковно-канонических традиций”, в: *Diritto e religione da Roma a Constantinopoli a Mosca. Da Roma alla terza Roma (Rendiconti dell’XI seminario, Campidoglio 21 apr. 1991)*, Roma, 1994, 153–162.

OSTROWSKI 1977

OSTROWSKI D. G., “*Fontological*” *Investigation of the Muscovite Church Council of 1503*, Pennsylvania State University, 1977.

References

Belyakova E. V., “Otnoshenie k voine i ubiistvu v kanonicheskikh pamiatnikakh XIV–XVI vv.,” in: *Mirovorchestvo v Rossii. Tserkov’, politiki, mysliteli*, Moscow, 2003, 39–62.

Belyakova E. V., “Istochniki Pechatnoi Kormchei,” *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3(11), 2008, 99–115.

Belyakova E. V., “O serbskom perevode pravil s tolkovaniiami Ioanna Zonary,” *Crkvene studije, Godišnjak Centra za crkvene studije*, 6, Niš, 2010, 235–242.

Belyakova E. V., “Izdanie Kormchei knigi i problema smeny kul’turnoi orientatsii,” *Rossiiskaia Istoriia*, 4, 2011, 106–107.

Briusova V. G., Shchapov Ia. N. “Novgorodskaia legenda o Manuile, tsare grcheskom,” *Vizantiiskii Vremennik*, 32, 1971, 85–103.

Danilov I. I., “Pis’ma Isidora Pelusiota v Izbornike Sviatoslava 1073 g.,” *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 11, 1955, 335–341.

Emchenko E. B., *Stoglav. Issledovanie i tekst*, Moscow, 2000.

Gavriushin N. K. (ed.), *Filosofia russkogo religioznogo iskusstva XVI–XX vv. Antologiiia*, Moscow, 1993.

Konyavskaya E. L., “O vremeni sozdaniia prolozhnoi stat’i na 1 avgusta,” *Drevniia Rus’. Voprosy medievistiki*, 3(45), 2011, 57–58.

Korogodina M. V., “O redaktsii Kormchei knigi iz Kirillo-Belozerskogo monastiria,” in: *Kapterevskie Chteniia: Sbornik statei*, 8, Moscow, 2010, 23–34.

Moshkova L. V. (ed.), *Katalog slaviano-russkikh rukopisnykh knig XVI veka, khраниashchikhsia v Rossiiskom gosudarstvennom arkhive Drevnikh aktov*, 1, Moscow, 2005.

Oparina T. A., *Inozemtsy v Rossii v XVI–XVII vv.*, Moscow, 2007.

Ostrowski D. G., “*Fontological*” *Investigation of the Muscovite Church Council of 1503*, Pennsylvania State University, 1977.

Platonov S. V., *Ocherki po istorii smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv.*, Moscow, 1995.

Pliguzov A. I. (ed.), *Russkii feodal’nyi arkhiv. XIV – pervoi treti XVI veka*, 4, Moscow, 1988.

Shchapov Ia. N. *Vostochnoslavianskie i iuzhnoslavianskie rukopisnye knigi v sobraniakh Pol’skoi Narodnoi Respubliki*, 1, Moscow, 1976.

Shchapov Ia. N., *Vizantiiskoe i iuzhnoslavianskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv.*, Moscow, 1978.

Shchapov Ia. N., “Russkii Nomokanon. Sochetanie obshchekhristsianskikh i mestnykh tserkovno-kanonicheskikh traditsii,” in: *Diritto e religione da Roma a Constantinopoli a Mosca. Da Roma alla terza Roma (Rendiconti dell’XI seminario, Campidoglio 21 apr. 1991)*, Rome, 1994, 153–162.

Uspenskij B. A., *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*, Moscow, 1969.

Veselovskii S. B., *Onomastikon*, Moscow, 1974.

Белякова Елена Владимировна, канд. ист. наук
старший научный сотрудник Центра истории религии и церкви
Института российской истории РАН
117036 Москва
ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
Россия / Russia
elbel@list.ru

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВЪНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 2. № 2

Институт славяноведения РАН, 2013

Подписано в печать 19 • XII • 2013 г. Формат 70 x 100 1/16.
Объём 12,5 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119334, Москва, Ленин-
ский просп., д. 32-А. Отпечатано в типографии "Белый
ветер". Москва, ул. Щипок, д. 28, <http://wwprint.ru/>